

Специфика патриотических чувств россиян¹

В последнее время одной из широко обсуждаемых тем в российском обществе является проблема патриотизма, в частности, его сущность, особенности проявления и роль в развитии российской государственности. Для российского патриотизма характерна своя специфика, обусловленная неповторимостью исторического развития страны, судьбой русского народа, его культурой, образом жизни, менталитетом, национальным самосознанием, богатством этносов, необъятностью территории, многообразием природы, климата и т.д.

Историческое развитие патриотизма в нашей стране носит неравномерный, прерывистый характер, порой сопровождаясь депатриотизацией общества. Особенно ярко эта тенденция проявилась в постсоветскую эпоху, когда сам термин «патриотизм» в высказываниях ряда публичных политиков и общественных деятелей приобрел негативный смысл.

Социологические опросы последних лет показывают, что в современном российском обществе существенно актуализировался массовый интерес людей к патриотическим идеям, лозунгам, символам, наблюдается рост патриотической самоидентификации россиян².

В ходе последнего опроса, проведенного Социологическим центром РАГС, доля респондентов, считающих себя патриотами России, составляет 84%. В 2009 г. к этой категории причисляли себя 81% респондентов, 2007 г. – 79%, 2005 г. – 81% опрошенных. В то же время в различных социальных группах количество людей, считающих себя патриотами, различно. Так, среди молодежи до 24 лет их 79%, среди лиц старше 50 лет – 87%. Самый высокий уровень наблюдается в группе с высшим образованием – 90%. К этому можно добавить, что в системе социокультурных ценностей современного российского общества патриотизм занимает одну из ведущих позиций наряду с такими ценностями, как образованность, законопослушание и др. Однако хотелось бы отметить, что приведенные цифры не отражают реальный уровень российского патриотизма, а лишь основываются на чувстве принадлежности индивида к определенной категории людей. Не быть патриотом сегодня не модно и не престижно. Патриотизм же – это особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются не только патриотическая самоидентификация, но и такие качества, как любовь к Отечеству и служение ему, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальной безопасности и устойчивого развития, долг и ответственность. Патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству.

Результаты опроса позволяют говорить о том, что основная масса опрошенных правильно понимает сущность патриотизма, многообразие форм его проявления. У россиян понятие патриотизма ассоциируется, прежде всего, с любовью к Родине, преданностью своей стране, уважением к истории страны и памяти прошлых поколений.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы»

² В статье анализируются данные экспертного и выборочного социологического опросов, проведенных в июне 2010 г. Социологическим центром РАГС при Президенте РФ. Обследование проводилось в 20 субъектах РФ, представляющих все экономико-географические зоны страны. Объем выборочной совокупности составил 1 600 чел. Выборочная совокупность опрошенных отражает доли населения, проживающего в центрах субъектов РФ, в средних, малых городах и сельских пунктах. Опросы проведены в республиках Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Краснодарском, Красноярском, Хабаровском краях, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Псковской, Ростовской, Самарской, Свердловской, Челябинской обл., в Москве и Санкт-Петербурге. Общее количество опрошенных экспертов составляет 200 чел. В качестве экспертов выступили преподаватели истории образовательных учреждений различного уровня, работники музеев, библиотек, представители политических партий и общественных объединений в субъектах РФ, представители ведущих региональных СМИ. Некоторые результаты исследования представлены в сравнении с данными прошлых опросов, проведенных Социологическим центром РАГС в 20–24 субъектах Российской Федерации по сопоставимой методике.

Представления россиян о патриотизме (%)

Варианты ответа	2007	2009	2010
Любовь к Родине, преданность своей стране	73	75	71
Уважение к истории страны и памяти прошлых поколений	65	67	58
Готовность к самопожертвованию ради своей страны	33	30	35
Любовь к родной природе	30	37	33
Бережное отношение к культуре своего народа	38	38	33
Попытка поставить традиции (местные, религиозные, национальные и др.) выше общероссийских интересов	4	3	4
Пренебрежительное отношение к другим народам	1	1	1
Стремление изолироваться от других народов мира	1	1	1
Другое	2	1	<1
Затруднились ответить	4	2	2

Самое интересное заключается в том, что население понимает и принимает патриотизм как ценность, но слабо представляет его на практике. Сила патриотического чувства не ограничивается лишь глубиной и возвышенностью любви к Отечеству. Это чувство должно побуждать личность, группу, нацию к активным действиям, поступкам на благо своей Родины. Однако, судя по данным таблицы, подобная активная жизненная позиция граждан во благо своей страны отмечается в два раза реже. Как позитивный момент, можно отметить низкий процент понимания патриотизма как стремления противопоставить свои традиции, свою культуру, свой народ, свое государство другим культурам, народам, государствам.

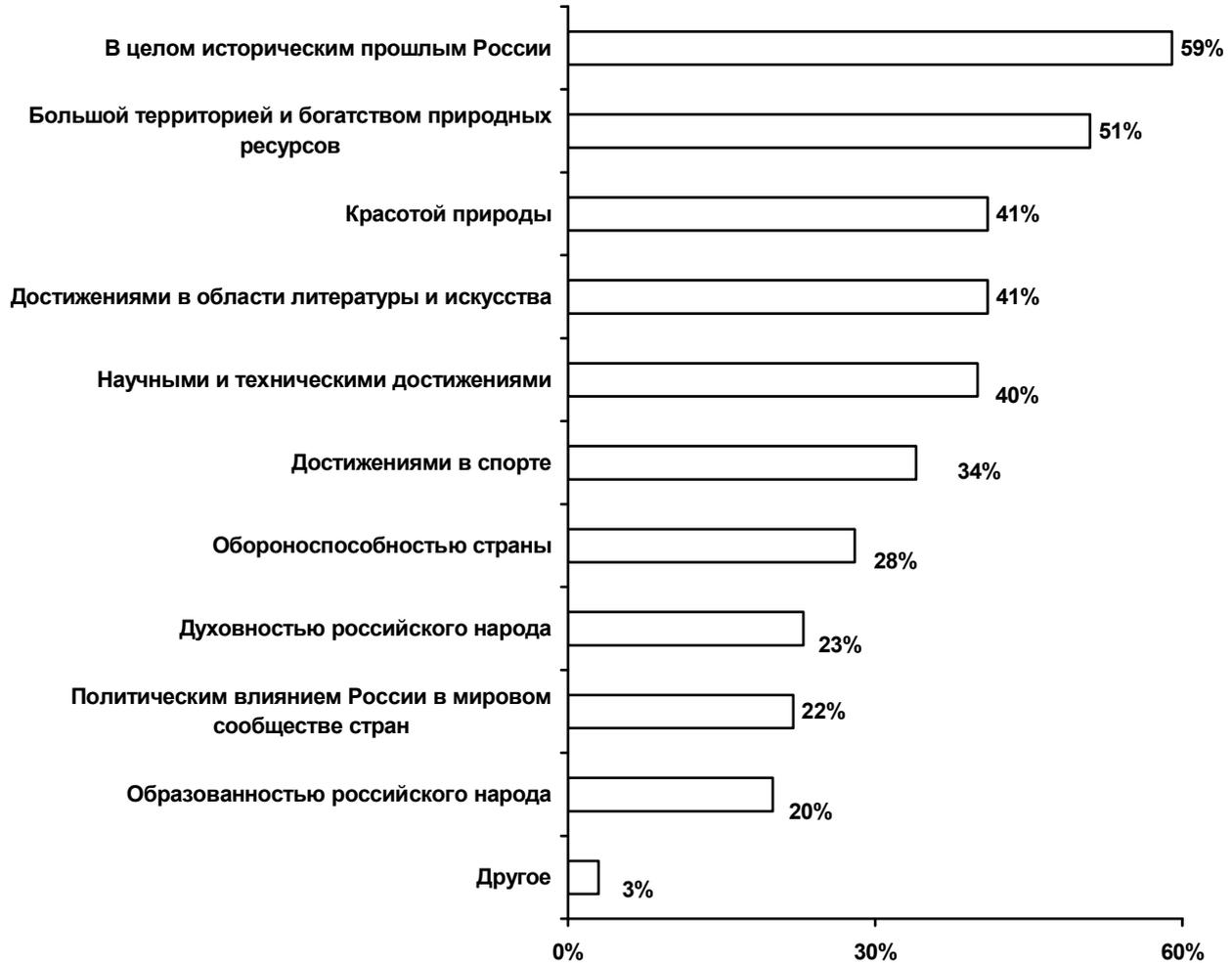
В то же время результаты опросов 2007 и 2009 гг. показывают, что около четверти опрошенных (24% и 26% соответственно) согласились с суждением, что «Россия – только для русских». В возрастной группе 18–24 года эта доля составляет уже 28% и 34%. Налицо проявление ксенофобии, недоброжелательного отношения к представителям других народов и наций, населяющих Россию. Понимание патриотизма представителями старшего поколения не очень сильно отличается от взглядов молодежи, взрослое население явно отдает предпочтение позитивному варианту патриотизма, возвышенно-эмоциональному, чаще связывая его с любовью к России, с верой в ее будущее и реже – с изоляционизмом и ксенофобией.

В этой связи можно выделить некоторые противоречия, негативно воздействующие на патриотизм. Наиболее типичны противоречия между обострением национальных чувств и стремлением к сохранению многонационального общества; между выражением любви к Родине на словах и отсутствием конкретных действий для ее блага, индифферентным отношением к действиям.

В особенностях понимания исторического прошлого и настоящего в массовом сознании российского общества наблюдается широкое многообразие. Например, это выражается в суждениях о роли русского народа в становлении Российского государства, в проявлении чувств по отношению к современному состоянию России. В связи с этим обратимся к данным, полученным в ходе исследования. Так, значительная доля респондентов (47%) указала, что по отношению к своей стране они испытывают смешанные чувства: и гордость, и горечь одновременно. Динамика приведенных оценок за последние пять лет показывает, что положительные тенденции в социально-экономическом положении страны, которые отмечались в последние годы, отразились на суждениях людей. В 2005 г. гордились своей страной 16% опрошенных, в 2009 г. – уже 21%. При этом главным основанием гордости за свою страну для абсолютного большинства выступает не ее современное состояние, а историческое прошлое – исторические события, память о великих предках, а также территория страны и богатство ее природных ресурсов. Полученную картину дополняют результаты открытых опросов населения о том, какими достижениями в истории России, по их мнению, можно гордиться и какие события прошлого или настоящего вызывают у них чувства горечи и стыда. Судя по этим данным, вызывают гордость у многих граждан, прежде всего, победа в Вели-

кой Отечественной войне 1941–1945 гг., освоение космоса, достижения в сфере отечественной науки и техники. Большинство указанных респондентами поводов для гордости за страну в прошлом связывается с советским периодом и сводится к достижениям, которыми страна доказывала свое первенство, свое превосходство над другими государствами.

Рис.1. Причины гордости россиян (РАГС // Власть. 2010. №12. С126).

Что касается отрицательных представлений о событиях прошлого или настоящего, то они в основном связаны со сталинскими репрессиями и ситуацией в социальной сфере, сложившейся в последние десятилетия, которую они наблюдают в стране или испытывают сами (социальная незащищенность граждан, низкий уровень жизни, социальное неравенство). Важную роль в формировании российского патриотизма играет также восприятие окружающего нашу страну мира и места России в нем.

Восприятие своей страны как великой державы всегда было неотъемлемой частью отечественного менталитета. На протяжении веков, при любом политическом режиме эта установка лежала в основе государственной идеологии России и поддерживала единство нации. Но в годы коренных перемен, связанных с изменением общественного строя и самого государственного статуса нашей страны, по этому глубинному убеждению был нанесен серьезный удар.

Результаты опросов показывают, что еще недавно россияне не могли однозначно оценить положение России в современном мире, однако в последние годы фиксируется заметное изменение образа страны в общественном сознании.

Таблица 2

Мнения россиян о положении России в мире (%)

Варианты ответа	2003	2005	2006	2007	2010
Россия была и остается великой мировой державой	20	23	25	30	34
Россия перестала быть великою державой, но может стать ею	45	49	48	49	39
Россия навсегда перестала быть великой мировой державой	15	20	16	8	12
Россия никогда не была и не будет великой мировой державой	-	3	3	2	4
Затруднились ответить	10	6	9	11	11

Уже довольно существенный процент населения смотрит в будущее с оптимизмом и ориентирован на восстановление статуса России как великой державы, а это во многом залог успешного развития страны. К сожалению, Россия остается великой державой не в результате современной политики государства, а благодаря обширности ее территорий, научному потенциалу, созданному в предыдущие годы, нашим победам. Так, 68% опрошенных заявили, что Россия имела статус великой мировой державы после победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ответ на вопрос, останется ли Россия и в будущем великой мировой державой, лежит в области экономической политики государства, поскольку на фоне патриотической риторики о величии России все более очевидным становится кризис всей социальной инфраструктуры государства, ее не адекватность запросам и потребностям малоимущих слоев населения.

Как показывают результаты опроса, основная масса опрошенных респондентов (70%) предпочитает жить в России и не желает эмигрировать в другую страну, что свидетельствует о высоких гражданских и патриотических качествах россиян. Однако этого нельзя сказать обо всем населении. Обращает на себя внимание и то, что на протяжении последних десятилетий среди российских граждан достаточно широко распространены эмигрантские настроения. Эти факты говорят о серьезной «трещине» в гражданской самоидентификации российского населения. Причем это стремление выражают представители науки, искусства, спорта и других категорий населения, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения зарплаты, удовлетворения творческих амбиций, а также значительная часть занятых предпринимательской деятельностью и молодых людей, представляющих самые разные социально-профессиональные группы. Общая статистика ответов такова:

Таблица 3

Распространенность эмигрантских настроений (%)

Варианты ответа	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2010
Предпочитаю жить в России	73	68	73	66	76	74	70
Хочу временно уехать и собираюсь это сделать	6	7	5	7	6	5	7
Хочу навсегда покинуть Росси. И собираюсь это сделать	1	2	1	1	1	1	2
Хочу покинуть Россию, но не имею возможности	9	13	12	13	9	11	11
Затруднились ответить	12	11	8	12	8	9	10

При этом, чем моложе возрастная группа опрошенных, тем чаще ее представители выражают стремление временно или даже навсегда перебраться в другую страну. Так, например, выразили желание временно или навсегда уехать из России в возрастной группе 50–59 лет 18%, в группе 30–39 лет – 20%, в группе 18–24 года – 30%. Эмиграционные настроения населения обусловлены, прежде всего, следующими проблемами жизнеобеспечения населения: низким уровнем оплаты труда (47%); низким уровнем жизни (46%); отсутствием социальной защищенности (37%); неопределенностью будущего (35%); отсутствием работы (26%). В какой-то мере эти результаты подтверждают данные исследования, проведенного в сентябре 2009 г. (опрошены 2 400 чел. по всероссийской выборке), где 81% респондентов крайне низко оценили степень своей защищенности от возможных экономических потрясений, 50% –

постоянно опасаются потерять нажитое из-за каких-то неблагоприятных изменений или потрясений в нашей стране.

Для выявления основных черт и социальных характеристик, присущих российскому патриотизму, материалы исследования были подвергнуты кластерному анализу. Его смысл состоял в агрегировании ответов респондентов, характеризующих проявление различных патриотических ориентаций, с целью выявления статистических (кластерных) групп, выражающих к этим ориентациям положительное или отрицательное отношение. В итоге были сформированы группы в зависимости от того, относят ли респонденты себя к патриотам России, присуще ли им чувство долга по отношению к стране и государству, гордятся ли они достижениями России, считают ли они ее великой державой и др.

В первую группу вошли россияне, выразившие только положительное отношение ко всем приведенным выше патриотическим ориентациям. Условно их можно назвать «патриотами». Величина полученной группы оказалась равной 18%.

Вторую группу – «периферию» – составили респонденты, проявившие положительное отношение не ко всем отмеченным патриотическим установкам, при их отборе учитывалось соответствие 3 из 4 приведенных условий. Эта группа обладает наибольшей численностью (43%) в составе российского общества и по своим взглядам тяготеет к патриотам.

Третью группу образовали опрашиваемые, проявляющие индифферентное отношение к патриотическим ориентациям, – «равнодушные» (9%).

Четвертую группу составили респонденты, заявившие отрицательное отношение к приведенным выше патриотическим ориентациям – «антипатриоты». Доля этой группы составила 5%.

По сравнению с данными расчета, проведенного по аналогичной методике в 2007 г., можно констатировать увеличение численности патриотически настроенных россиян. Так, в 2007 г. группа «патриотов» составляла 17%, «антипатриотов» – 8%. При всей формальности выделения этих статистических групп, их социально-демографический состав значительно отличается.

Группу «патриотов» в основном составляют люди старшего поколения, проживающие в крупных городах и столицах, преимущественно с высшим образованием и материальным положением выше среднего.

Группа «антипатриотов» – это мужчины молодого и среднего возраста со средним образованием, имеющие относительно небольшой доход или находящиеся в поисках работы.

Результаты кластерного анализа позволяют обнаружить следующие тенденции. Россияне с ярко выраженным патриотическим настроением проявляют повышенный интерес к историческим процессам, протекающим в стране, выше оценивают свои знания по истории России, края, народа. Люди с более развитыми показателями патриотизма имеют и более позитивные показатели жизнедеятельности в целом. Каждому же второму «антипатриоту» свойственны эмигрантские настроения. Таким образом, анализ материалов ранее проведенных исследований показывает, что понимание патриотизма неодинаково в разных слоях российского общества. Опросы показали, что в российском обществе существенно актуализировался массовый интерес к патриотическим идеям, лозунгам и действиям, патриотические нотки звучат в речах руководителей, людей, однако патриотизм россиян по большей части остается декларативным, парадным. Так, вербально выражаемому патриотизму молодых людей зачастую противостоит желание уехать из страны, чтобы избежать проживания в среде, связанной с трудными жизненными условиями, какой-либо неустроенностью и невостребованностью. Поводы для гордости за свою страну россияне чаще находят в прошлом, в героико-победной сфере. Поводы стыдиться они гораздо чаще видят в настоящем – это в основном составляющие как раз повседневной жизни: материальные трудности, низкий уровень жизни, социальная незащищенность. До тех пор, пока поводы гордиться за страну россияне будут искать где-то далеко и вспоминать о них только по праздникам, а причины стыдиться будут видеть перед собой каждый день, ни о каком становлении российского патриотизма не может быть и речи.

О патриотизме как основе государственной политики России можно будет говорить в том случае, если реальностью станут меры правительства, направленные на повышение жизненного уровня жителей страны и на преодоление опасных для единства страны социальных контрастов.

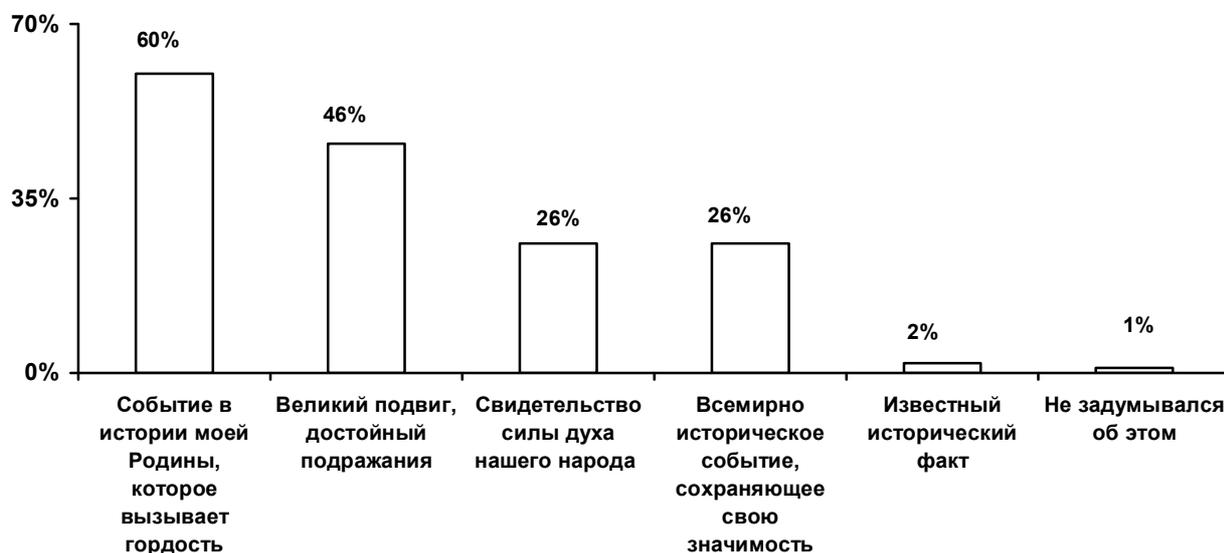
И.Б. Пржиленская, д.с.н. (СГУ, Ставрополь)

Великая Победа – глазами студенчества Ставропольского края

В апреле 2010 г. Ставропольским региональным отделением Российского общества социологов (РОС) совместно с Центром социологических исследований СГУ был проведен опрос студенческой молодежи Ставропольского края «Великая Победа глазами студенческой молодежи»¹. Цель опроса: выяснить, чем является Победа в Великой Отечественной войне, после которой прошло 65 лет, для современной молодежи.

Основной вопрос исследования: «Победа в Великой Отечественной войне для Вас – это, прежде всего...»

Рис.1. Чем для Вас является Победа в Великой Отечественной войне?

Как видим, для большинства респондентов (3 из каждых 5) это – историческое событие, которое вызывает гордость». Почти половина опрошенных подчеркивает другой важный аспект, оценивая Победу в Великой Отечественной войне как великий подвиг, достойный подражания. Каждый четвертый участник опроса акцентирует социокультурную значимость Победы в Великой Отечественной войне, видя в ней свидетельство силы духа нашего народа. Наконец, каждый четвертый выделяет всемирно-историческую значимость этого события, актуальность его уроков и результатов для современного мира. Индифферентное отношение к Великой Победе зафиксировано в ответах лишь 3% участников опроса, ограничившихся или констатацией «Война – это известный исторический факт», или никогда не задумывавшихся над заданным вопросом. Отметим, что данные ответы отсутствуют среди студентов

¹ Было опрошено 828 студентов 1-5 курсов 8-ми вузов края: Ставропольский государственный университет, Северо-Кавказский государственный технический университет, Ставропольская государственная медицинская академия, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Филиал Северо-Кавказской академии государственной службы в г. Ставрополе, Кавминводский институт сервиса (г. Пятигорск), Северо-Кавказский социальный институт, Ставропольский институт экономики и управления имени О.В.Казначеева (филиал Пятигорский государственный технологический университет). Выборка квотная. О репрезентативности выборки свидетельствует структура выборочной совокупности: 48% респондентов – юноши, 52% – девушки; 24 % опрошенных – студенты I курса; 20% – II курса; 27% – III курса, 11 % – IV курса и 18% – V курса. 56% опрошенных студентов обучаются по специальностям гуманитарного профиля; 18% – технического и 26% – естественнонаучного профиля.

старших курсов, что может служить показателем эффективности гражданского и патриотического воспитания в вузах края. Таким образом, можно констатировать, что современное молодое поколение в своём большинстве осознаёт значимость Победы в Великой Отечественной войне для нашей страны и нашего народа, понимает, какой подвиг был совершен.

Отношение к историческим событиям и их оценка зависит от степени осведомленности о них. В ходе опроса студентам было предложено оценить степень своей осведомлённости о Великой Отечественной войне. Большая часть опрошенных – 2 из каждых 3 (67%) выбрала вариант ответа, соответствующий *средней степени осведомлённости*: «Понимаю значимость этого события в истории России, знаю основные этапы и результаты Великой Отечественной войны, но точные даты и имена затрудняюсь назвать». Почти треть опрошенных (30%) выбрала ответ, соответствующий *высокой степени осведомленности*: «Знаю важнейшие даты, события, персоналии Великой Отечественной войны, их оценки в научной и популярной литературе». Вариант ответа, соответствующий *низкой степени осведомленности*: «Знаю, что такое событие было», выбрали 3% респондентов. Интересным представляется тот факт, что тех, кто высоко оценивает степень своей осведомлённости о Великой Отечественной войне, больше всего среди студентов технических специальностей (42%), а тех, кто низко оценивает степень своей осведомленности о Великой Отечественной войне, больше всего среди студентов естественнонаучных специальностей (15%).

Самооценка респондентами степени своей осведомленности о Великой Отечественной войне представляется несколько завышенной, о чем свидетельствуют ответы на открытые вопросы, касающиеся знаний студентами различных аспектов истории Великой Отечественной войны.

Так, отвечая на открытый вопрос: «Какие решающие сражения Великой Отечественной войны Вы знаете?», назвали Сталинградскую битву (71%), Курскую битву (52%), битву за Москву (35%), блокаду Ленинграда (22%), оборону Брестской крепости (15%), битву за Берлин (14%). Следует обратить внимание, что такие крупные сражения, как битву за Кавказ, которую должны знать все жители СКФО, назвали только 5% опрошенных. Смоленское сражение вспомнили 4%, героическую оборону Севастополя – 4%. Наступательные операции Красной Армии, крупные операции по освобождению стран Восточной Европы назвали единицы.

Ответы на другой открытый вопрос «Назовите имена выдающихся полководцев Великой Отечественной войны» также свидетельствуют о размывании исторической памяти молодого поколения. 83% опрошенных студентов назвали маршала Советского Союза Жукова, 29% – К.К. Рокоссовского, 18% – И.В. Сталина, 12% – И.В. Коневу. Другие маршалы и генералы присутствуют в ответах эпизодически, упоминаются в анкетах от одного до 5 раз. В то же время среди выдающихся полководцев ВОВ были названы: генерал царской армии Брусилев (5 раз), Дзержинский (1), адмиралы Ушаков (41) и Нахимов (14), фельдмаршал Кутузов (5), генералиссимус Суворов (14), генерал Багратион (4), Фрунзе (1), маршал Тухачевский (13), и даже Распутин (1) и генерал Власов (4). Следует заметить, что подобная картина фиксируется в опросах, посвященных Великой Отечественной войне, проводимых по всей стране.

Вопрос о героях Великой Отечественной войны, на наш взгляд, должен был продемонстрировать уровень знаний неформализованной истории Великой Отечественной войны. Ответы студентов на данный вопрос свидетельствуют о том, что таких героев нынешняя молодежь практически не знает. Были единично названы З. Космодемьянская, А. Мересьев, А. Матросов, И. Кожедуб, А. Покрышкин, Н. Гастелло и др., а также герои-земляки. Однако чаще называли тех же выдающихся полководцев.

В качестве известных респондентам городов-героев большинством участников опроса (более 50%) названы: Волгоград, Ленинград, Москва, Севастополь. Следует отметить, что в половине случаев респонденты одновременно с Волгоградом называли Сталинград, а вместо Ленинграда – Санкт-Петербург. В отдельных случаях правильно были названы: Смоленск, Новороссийск, Тула, Мурманск, Керчь, Брест. В единичных случаях были даны неправильные ответы: Курск, Орел, Пермь, Ставрополь, Нижний Новгород, Харьков, Мамаев курган.

Ответы на следующую группу вопросов также свидетельствуют о том, что на общем фоне недостаточно высокого знания и осознания значимости Победы в Великой Отечественной войне, присутствуют отдельные элементы незнания и субъективной переоценки этого события. Группировка ответов на открытый вопрос: «Как Вы думаете, почему война 1941-1945 гг. называется Великой Отечественной?», позволяет выделить четыре группы ответов, 1-3 из которых соответствуют выводам официальной истории, а четвертая имеет ярко выраженную личностную окрашенность. Ответы распределились так:

- «Потому что это была великая борьба за Победу, за независимость и свободу нашей Родины» (35%).
- «Потому что от этой победы зависела жизнь всех последующих поколений России» (18%).
- «Потому что она породила гордость за своих родственников, которые воевали» (23%).
- «Потому что она унесла много жизней простых людей» (24%)

Главными результатами Великой Отечественной войны, по мнению респондентов, являются: «Возможность жить под мирным небом и в свободной стране» (46%), «Гордость за Родину» (21%), «Факт защиты Родины от врагов – доказательство силы духа и доблести защитников» (20%), «Победа над фашизмом» (13%).

Главные уроки Великой Отечественной войны – это:

- «Война – самое страшное, что может быть»; «Война – это большие потери и горе, колоссальные разрушения» (45%)
- «Побеждает воинский дух, направленный на победу» (20%)
- «Главную роль в Победе сыграло мужество, объединение всех народов страны против общего врага» (19%)
- «Необходимо помнить о великом подвиге и о тех, кто завоевал победу» (16%).

Интерес представляют ответы на вопрос об основных источниках информации респондентов о Великой Отечественной войне.

Рис.2. Основные источники информации о Великой Отечественной войне

Особое значение имеет тот факт, что каждый третий респондент, указывая уроки в школе в качестве основного источника информации о Великой Отечественной войне, считает, что это событие рассматривается в школьном курсе истории недостаточно полно.

**Оценка респондентами достаточности освещения событий
Великой Отечественной войны в...**

Источники информации	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
В школьном курсе истории	56	36	8
В прессе	37	42	21
В художественной литературе	61	21	18
В художественных фильмах	66	21	13
В документальных фильмах	70	13	17
В произведениях искусства	31	31	38
В Интернете	43	31	26

По мнению респондентов, для того, чтобы молодежь помнила о Великой Отечественной войне необходимо регулярно, больше и чаще информировать о различных аспектах истории Великой Отечественной войны через СМИ, телевидение, художественные и документальные фильмы. Участники опроса предложили также другие формы работы: встречи с ветеранами, экскурсии по местам боевой славы, концерты, круглые столы, акции типа «георгиевская ленточка». Следует отметить, что именно георгиевские ленточки большинство участников опроса назвали в качестве символов Победы России в Великой Отечественной войне. Такими символами, по мнению респондентов также являются: Вечный огонь, Знамя Победы, Катюша, Красное знамя, ордена и медали, гвоздики, красная звезда, солдатская шинель, фронтовые письма, военные песни и др.

На основе приведенных выше данных можно сделать следующие выводы:

- знания молодых людей о Великой Отечественной войне в своём большинстве соответствуют содержанию *официальной истории*, преподаваемой в школе и вузе и презентуемой в других информационных источниках;
- снижение уровня знаний молодых людей о конкретных исторических фактах является закономерным явлением в условиях, когда, с одной стороны, уменьшается количество часов, отводимых на данную тему в учебных курсах истории, а, с другой стороны, непосредственных носителей социальной памяти становится все меньше и меньше (по результатам опроса у каждого четвертого респондента /23%/ нет родственников, переживших войну), основными становятся опосредованные источники информации;
- следует больше внимания уделять изучению истории Великой Отечественной войны в учебных заведениях, искать новые формы работы с этим историческим материалом, шире использовать возможности кинематографа, Интернет-порталы, поисковые экспедиции, изучение истории семьи и отдельных личностей в войне.

Следующая группа вопросов была направлена на выяснение социальных установок современных студентов на защиту Отечества.

Таблица 2

Что Вы делаете, чтобы быть достойным наследником Великой Победы?

Источники информации	Σ
Смотрю тематические передачи и обсуждаю их с друзьями	44%
Участвую в различных патриотических акциях («георгиевская ленточка», «вахта памяти», помощь ветеранам, возложение цветов)	31%
Изучаю историю своей семьи, родных, близких	30%
Изучаю тематическую литературу	21%
Готовлю себя к службе в армии	18%
Являюсь активным участником (военно)патриотической организации	7
Ничего не делаю	18%

Анализ ответов на вопрос: «Что Вы делаете, чтобы быть достойным наследником Великой Победы?», показывает, что основными механизмами наследования исторической памяти

являются просмотр тематических передач и обсуждение их с друзьями, а также участие в различных патриотических акциях. Можно сделать вывод, что молодым людям интересна данная тематика, что они готовы участвовать в различных формах гражданско-патриотической работы, но собственную инициативу при этом не проявляют. Следует отметить, что процент тех, кто выбрал вариант ответа «Ничего не делаю» (в целом это - каждый пятый), выше всего среди студентов 5-х курсов.

Рис.3. Как вы считаете, что определяет готовность россиян к защите Родины?

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что, прежде всего, определяет готовность россиян к защите Родины?» свидетельствуют о том, что личностно окрашенный и общественно значимый мотив стоит для молодых людей на одном уровне: 69% участников опроса выбрали вариант ответа «Стремление защитить родных и близких», а 60% – «Любовь к Отечеству». Следует отметить, что среди студентов 5-х курсов данная группа ответов составляет 85%.

То, что праздновать День Победы собираются все участники опроса, подтверждает тот факт, что Победа в Великой Отечественной войне остается важным элементом исторической памяти всех поколений.

Полученные ответы на вопрос: «Как Вы собираетесь отметить 65-ю годовщину Великой Победы?» свидетельствуют о том, что большая часть опрошенных собираются участвовать в общественных мероприятиях, посвященных 65-летней годовщине Победы (43%). Это позволяет заключить, что для современного студенчества Победа в Великой Отечественной войне остаётся всенародным праздником. Сложившиеся традиции по празднованию Дня Победы воспринимаются молодыми людьми, прежде всего, как дань памяти поколению Великой Отечественной войны, совершившему великий подвиг.

Пятая часть опрошенных (21%) намерена отпраздновать юбилей в кругу семьи, что свидетельствует о том, что для значительной части населения Победа в Великой Отечественной войне – не только гражданский, но и семейный праздник. Каждый пятый на момент опроса ещё не определился, как и с кем, он будет отмечать праздник. Это вполне объяснимо, поскольку для многих иногородних студентов ответ на этот вопрос зависит не только от их личных желаний, но и от того, где они будут находиться в день праздника. Определённая часть студентов (15%) намерена отмечать праздник в кругу друзей. Это также весьма показательно и говорит о том, что в среде молодёжи складываются свои традиции отмечать празд-

ник Победы, что позволяет считать, что этот праздник сохраняет свою значимость в жизни нынешнего поколения молодёжи.

Таким образом, Победа в Великой Отечественной войне остается тем историческим событием, результаты и уроки которого несут в себе большой потенциал патриотического воспитания современной молодежи. Молодежь понимает важность этого события и хочет знать о нем. Необходимым является поиск оптимальных в современных условиях форм изучения истории Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что беспрецедентная по своему масштабу подготовка к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, инициированная и координированная государственной властью, активизировала интерес к истории Великой Отечественной войны, ее событиям, к тем людям, которые ковали эту Победу. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что патриотические чувства современных россиян выше, чем они были в 1990-х гг. Следовательно, основной задачей сегодня является сохранить эту тенденцию внимания к событиям Великой Отечественной войны, использовать потенциал Великой Победы для формирования гражданственности и патриотизма молодого поколения.

Таким образом, основным фактором формирования гражданственности и патриотизма молодого поколения является сохранение и развитие этого потенциала, системность и регулярность просветительской работы, связанной с историей Великой Отечественной войны, создание специфической информационной среды, наполненной не только конкретными фактами о важнейших событиях этой войны, но и лично окрашенными повествованиями о повседневных практиках военного времени, судьбах людей, прошедших войну.

В рамках системы образования эта работа имеет большой потенциал не только через актуализацию содержания курсов истории в школе и вузе, но и через регулярное обращение к проблематике Великой Отечественной войны в научно-исследовательской работе преподавателей и учащихся, а также через проведение общественных мероприятий.

Эффективность работы по актуализации истории Великой Отечественной войны как фактора патриотического воспитания, формирования общероссийской гражданской идентичности была бы выше, если бы в ней активно участвовали молодежные организации и объединения, имеющие широкие возможности для реализации патриотических порывов и убеждений молодых людей в их конкретной деятельности.

Е.И. Пронина, П.М. Тобенгауз (ИС РАН, Москва)

Образовательные учреждения – социальное пространство формирования гражданственности и патриотизма

Современная российская молодежь живет в мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития, считают исследователи поведения российской молодежи в условиях социокультурных изменений. В начале XXI в. в России в очередной раз на фоне социально-экономического кризиса разразился духовный кризис, одним из проявлений которого, по мнению многих исследователей, выступает кризис патриотических чувств, сознания и поведения. Уклонение от службы в армии, желание существенной части молодых жить и работать за границей, неучастие в выборах – наиболее очевидные стороны этого процесса.

Положение с «дефицитом» патриотизма стало настолько серьезным, что была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2001-2005 гг.» и затем 18 июля 2005 г. Правительство Российской Федерации приняло Государственную Программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.».

У исследователей проблем гражданской социализации молодежи и подростков может сложиться впечатление, что различные социальные группы, государственные деятели, различные институты и субъекты образовательного процесса по-разному трактуют, понимают и используют это явление. Это подтверждают результаты нашего исследования «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», проведенного

в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ гг. Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Нижневартовск, нескольких городов, в т.ч. наукоградов, Московской области. На чувствах патриотизма зачастую осуществляются политические спекуляции и разжигается социальная вражда. Сегодня многие события патриотического прошлого России пересматриваются, их значимость оспаривается или преуменьшается. Знания об этих этапах жизни страны становятся фрагментарными, неполными, иногда необъективными.

В этой связи представляется важным с позиции социологии взглянуть на эту проблему, попытаться отыскать методы и инструменты ее решения с учетом традиций социальной и политической жизни Российского общества, государства и новых условий.

Как и раньше, проблема патриотического воспитания является предметом значительного числа исследований отечественных и зарубежных ученых. Данные вопросы освещались еще в трудах В.Г. Белинского, К.А. Гельвеция, Н.А. Добролюбова, А.Н. Радищева, К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского. В советской педагогике проблема патриотического воспитания подрастающего поколения разрабатывалась такими учеными, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, и другими. Анализируя протекающие в обществе социополитические процессы, тему патриотизма развивают Ю.Р. Вишневский, В.К. Левашов, А. Малинкин, Э.А. Паин, В.Т. Шапко, Н.Д. Никандров и другие авторы.

Важной особенностью сегодняшнего этапа развития патриотизма является *усиление ориентации россиян на собственное благополучие*. Направленность на общее благо, свойственная советскому времени, сочетается сегодня с заботой о себе, своем благосостоянии и положении в обществе. Государственные СМИ и другие официальные источники формирования общественного мнения предлагают точку зрения, согласно которой улучшение благосостояния каждого человека связывается с упрочением российского государства, его экономики, стабильности в обществе. И это выглядит вполне логично: чем благополучнее, стабильнее общество, тем лучше жизнь каждого его члена. Однако данные опросов не свидетельствуют о высоком доверии граждан¹ к официальным целям, провозглашаемым государством, официальным структурам, общественным деятелям и институтам законодательной и исполнительной власти. В этой ситуации личная забота о себе, своих близких, собственном благополучии и пр. естественным образом влечет за собой изменение характера патриотизма.

Другой важной особенностью содержания патриотизма в современных условиях является его направленность не только *на будущее*, но и *на настоящее*. Если в эпоху строительства коммунизма настоящее приносилось в жертву будущему, то сегодня, в условиях неопределенности, динамично и непредсказуемо меняющейся действительности, отсутствия национальной идеи, ориентация на долгосрочную перспективу не может быть оправданием проблем настоящего. Поднятие целины, строительство БАМа, мирное освоение космоса, освоение Севера по комсомольским путевкам было пронизано мыслями о будущем. Мысли о будущем благосостоянии, благополучии Родины, которые нашли отклик в песенном творчестве прошлых лет («Цвела бы страна родная, и нету других забот»; «Раньше думай о Родине, а потом о себе»), уступают место более рациональным мотивам поведения.

Одна из особенностей патриотизма, однако, заключается в том, что *подлинный патриотизм имеет непреходящий характер и относится к разряду общечеловеческих ценностей*. Действительно, любовь к Родине проявляется независимо от общественно-экономических, политических условий в государстве. Как считают многие исследователи, повышение значимости в содержании патриотизма такого признака, как *народность*, и предполагает уважение к традициям и обычаям своего народа, к родному языку, знание истории своей страны. Можно сказать, что *в современных условиях обращение к понятию «Родина» и «народность» составляют основу патриотизма*.² Это и является еще одной современной особенностью описываемого нами явления.

¹ Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С. 94.

² Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С.65.

В содержание понятия патриотизм также включаются составляющие, *отражающие развитие национального самосознания, взаимосвязь патриотизма и интернационализма* (уважение к другим народам, их обычаям и культуре, нетерпимость к расовой и национальной неприязни), что связано с расширением связей государства с другими странами, интеграцией с мировой культурой, происходящими во всем мире процессами глобализации. О чувстве самоуважения, народности и в тоже время братстве русского народа с другими народами искренне и с любовью и уважением говорили такие поэты и прозаики как А.С. Пушкин, В. Маяковский, К. Кулиев, Н. Думбадзе, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов. В последнее время с этими показателями в России не все благополучно. В нашем исследовании об этом свидетельствует распределение ответов на вопрос «Если бы у тебя была безграничная возможность проявить себя как патриот России, что бы ты сделал(а) в первую очередь?», демонстрирующее наличие националистических настроений.¹ Среди ответов на вопрос достаточно ответов, свидетельствующих об отсутствии толерантности к некоторым ситуациям в обществе, в том числе носящим националистский характер. *Нетерпимость молодых к проявлениям инаковости возрастает с нарастанием кризиса.*

Как известно, *национальное самосознание и национализм* – явления противоположные. В то время как национализм ведет к национальной розни и отчуждению, национальное самосознание ищет и находит пути сближения и сотрудничества, ибо оно возвышается над индивидуальными и групповыми интересами, формируется из потребностей социального прогресса.² Сегодня, в условиях противоречивости и неопределенности развития общества, для некоторых молодых людей националистические настроения являются попыткой обрести хоть какие-то ориентиры, считают исследователи проблем молодежи.

Известно, что важным показателем развития мировоззрения студентов и школьников выступает характеристика *отношения к государству*, обусловленная уровнем осознания молодежью своего социального статуса, прав и обязанностей, а также уровнем социально-политической активности и ее направленностью. Мировоззрение школьника и молодого человека складывается из разнообразных компонентов, среди которых отношение к историческому прошлому государства, причастность к настоящему, степень осознания социально-политического участия, понимание обязанностей, долга, законопослушание и пр.

Анализ данных свидетельствует о том, что при переходе от школьной к студенческой ступени образования меняется порядок важности компонентов мировоззрения молодежи: принадлежность к государству, долг, обязанность, конституционные права, активность участия в политике. По результатам наших и других исследований после исполнения законов, которое в обеих группах вышло на первое место, у школьников следует бдительность и готовность помочь государству в борьбе с врагами, а у студентов противостояние произволу властей.³ Анализируя данные исследований, мнения российских ученых, мы пришли к выводу, что порядок показателей свидетельствует *о наличии глубинного противоречия в формировании гражданской позиции молодежи между традиционным и современным.* Современная школа по-прежнему пользуется стандартным набором средств для воспитания гражданина и патриота. Возможно, это влияет на существующие различия в формировании моделей мировоззрения студентов и школьников. Для школьников в большей степени характерна модель «человек для государства», а для студентов – «государство для человека». Известно, что студентами становится лишь часть школьников, причем самая успешная. Но все студенты, так или иначе, являлись школьниками и прошли своеобразное «формирование» граждан-

¹ Пронина Е.И. Становление гражданской позиции подростка: константы и динамика. // Образ жизни в советской и постсоветской России / Под общ. ред. А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей. М., 2009. С.186.

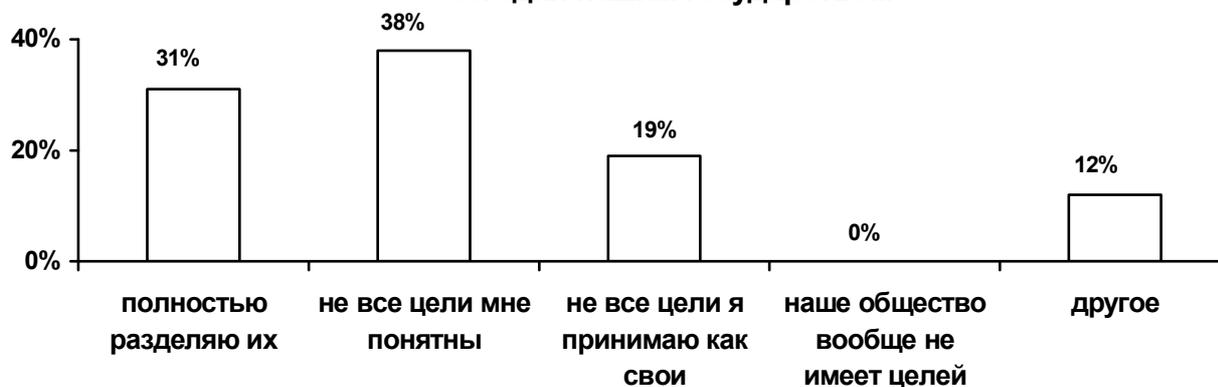
² Гасанов З.Т. Основные понятия и патриотического воспитания граждан Российской Федерации. // Воспитание российского патриотизма, дружбы народов, гражданственности: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (25-26 ноября 2003). М., 2007. С.47.

³ Вишневский Ю.Р., Лобова Е.В., Пронина Е.И., Ружа В.А., Шапко В.Т., Шапко И.В. Современное российское студенчество – становление гражданина-патриота. // Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 271.

ственности и патриотизма на уровне школы посредством участия в разного рода акциях при непосредственном контакте с различными субъектами образовательной системы.

В процессе формирования гражданского мировоззрения большую роль играют носители этого мировоззрения, в том числе школьные учителя. Чтобы понять, что движет учителями в их работе, мы задали вопрос: «Каково Ваше отношение к целям, которые провозглашает сегодня наше государство?»¹.

Рис.1. Отношение учителей к целям, которые провозглашаются сегодня нашим государством

Как видим, лишь треть учителей разделяют цели, провозглашенные государством. Более половины опрошенных не принимают эти цели, как свои, или считают их непонятными для себя. Вместе с тем, ни один из опрошенных не отметил позиции «наше общество вообще не имеет никаких целей», что свидетельствует о том, что учительская когорта не оценивает ситуацию на государственном уровне как ситуацию хаоса или неуправляемую.

По мнению учителей, воспитанию патриотизма мешает идея индивидуализма, личной безопасности и благополучия, а также, то, что родители не воспитывают детей в традициях патриотизма. Более того, по мнению самих же учителей, несмотря на то, что программа предусматривает такое направление как патриотическое воспитание, некоторые из них не занимаются этим. Причины, которые были отмечены: не остается сил (54%), не знают, как (52%), нет времени (52%), не считают это своей задачей (47%). Тем не менее, практически все учителя говорят, что в какой-то мере участвуют в патриотическом воспитании, правда, большая часть учителей «не очень активно». Учителя считают, что патриоты среди учеников есть, но их не много. Половина учителей считает, что школьники не знают, не понимают, что такое патриотизм. Большая часть учителей считают, что подростки хотели бы проявить себя как патриоты, но не знают, как это сделать.

Программа патриотического воспитания граждан на 2006-2010 гг., принятая на государственном уровне, на момент проведения исследования (2008 г.) еще «не набрала обороты». Об этом свидетельствует тот факт, что более половины учителей затруднились ответить на вопрос об эффективности программы через полтора года после начала ее реализации.

Одна из задач школы – готовить человека к функционированию, деятельности в современном мире. Вместе с тем, по мнению педагогов, патриотизм имеет среднее значение для адаптации молодого человека в современном мире. Изучая мнение учителей о мировоззрении школьников, мы спросили, насколько важно для подростка, по мнению учителей, уважать свою страну и гордиться ею. Обращает внимание большое количество затруднившихся ответить на этот вопрос учителей. В общей сложности треть педагогов не думали об этом или считают, что подростки не ощущают потребности уважать свою страну и гордиться ею.

Гражданина и патриота формируют в различной степени все агенты социализации. При этом у различных агентов социализации могут быть различные взгляды на проблему. Кто же,

¹ Исследование «Роль школы в формировании гражданственности и патриотизма» проведено в январе-марте 2008 г. Среди учителей Белгорода, Нижневартовска, Люберец, Троицка. Всего опрошено 79 экспертов.

по мнению учителей, в первую очередь должен заниматься формированием гражданской позиции школьников?

Рис.1. Кто, по мнению учителей должен заниматься формированием патриотической позиции у школьников

Подавляющее большинство педагогов отвели эту роль родителям, на втором месте оказалась позиция «Все госсистемы на всех уровнях», на третьем институт классных руководителей, на четвертом СМИ, затем детские и молодежные организации и, наконец, учителя-предметники. Военно-патриотические клубы заняли одно из последних мест в списке институтов и организаций, которые должны заниматься формированием гражданской позиции школьников.

Данные, полученные при опросе учителей, свидетельствуют о том, что в педагогическом сознании уже происходят изменения и отказ от некоторых прежних традиционных форм работы в области патриотического воспитания. Какая – по содержанию, формам и методам – работа будет перспективной и эффективной, подлежит дальнейшему изучению. Вместе с тем настораживает тот факт, что значительная часть учительского корпуса не знает, есть ли у подростка потребность уважать свою страну и гордиться ею. Также вызывает удивление тот факт, что большая часть педагогов, по-прежнему, не находит времени, сил и желания давать старшекласснику знания, помимо предметных.

Однако, как и в любом процессе, есть те, кто начинают, открывают, являются лидерами, равнодушными и пр. И в педагогической среде идет интенсивное формальное и неформальное обсуждение, как воспитывать любовь к Родине, уважение к народу, что такое гражданственность и патриотизм, какими методами предпочтительнее воспитывать гражданина, можно ли воспитать патриота в нынешних условиях и многие другие вопросы волнуют педагогов и вызывают бурные дискуссии. *Учительское Интернет-сообщество* обсуждает тему воспитания патриотизма, демонстрируя различные подходы и мнения: «Не знаю, насколько можно научить патриотизму. Наверное, можно... Как и любому другому чувству... Только вот чувства двухцветными (черно-белыми, например) не бывают», «Патриотизм, в этом смысле, наиболее уязвим в смысле фальши. Как и любое чувство, он должен быть искренним. И в этом смысле, меня (внутренне) очень настораживают «Планы патриотического воспитания». Как воспитать, научить патриотизму?». Учителя волнуются, спорят, задают вопросы: «Скажите, можно ли научить *любить* по плану? Человека – нет! А Родину – можно?». О формах работы говорится, что они уникальны, когда идут от души: «если в одной школе

десятилетиями встречаются с ветеранами, а в другой – «потому что по плану» – это разный патриотизм!!!». Такого типа рассуждения можно встретить на страницах специальной прессы, в дискуссиях интернет сообщества учителей истории и обществознания. Поиск ответов на вопросы, поставленные временем, актуален и важен. Тем более что самая главная военно-патриотическая составляющая, все, что связано с ветеранами Великой Отечественной Войны, все дальше в пространстве и времени от нынешнего молодого человека. Чтобы представить, каков разброс мнений о методах воспитания, приведем и другие точки зрения учителей истории и обществознания. Все чаще звучит призыв посмотреть на себя критически: «У нас и так слишком много ищут внешних врагов, не задумываясь о том, что главный враг России – собственная расхлябанность, тунеядство, самодовольство загадочно сопряженное с вечным нытьем о том, какие мы несчастные».

Существует такая точка зрения, согласно которой «специальные программы патриотического воспитания» составляют в основном лишь в авторитарных государствах. А в странах демократических уважение и любовь к Родине как-то сами собой приходят. В СССР таких программ было с избытком. И что? Вот год или два назад вновь заговорили о государственной программе патриотического воспитания. Сколько-то миллионов выделили даже на издание дисков с записями военно-патриотических маршей. А лучше бы для патриотического воспитания те миллионы потратить на сооружение пандусов для инвалидов. Глядишь, гражданам бы убедились, что государство не только от них любви хочет, но и *их любит и уважает. И ответили бы взаимностью*.¹ Анализируя позиции педагогов, можно констатировать, что их высказывания носят противоречивый характер и отражают столкновение мнений. Очевидно, что даже в педагогической среде нет единой или доминирующей точки зрения на методы воспитания патриотизма и любви к Родине.

Итак, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на то, что школа накопила большой практический опыт патриотического воспитания молодого поколения, в современных условиях этот опыт может быть использован лишь частично. Прежде всего, это связано с изменением политических ориентиров, с развитием новых экономических отношений, утверждением гуманистических принципов в системе образования.

В условиях деполитизации системы образования повышается ответственность воспитательных институтов в решении задач патриотического воспитания молодежи. Деполитизация школы, выведение за рамки образовательных учреждений деятельности детских политических организаций, проводивших большую работу по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, требует пересмотра содержания, форм и методов патриотического воспитания в школе и соответственно подготовки будущих учителей к проведению данной работы.

При переходе из школы в вуз со вчерашними школьниками происходят большие перемены. Если на школьной скамье учащийся чаще оценивает взаимоотношения личности и государство как личность для государства, то третьему курсу он рассуждает скорее таким образом, что складывается представление об этом взаимоотношении – государство для человека. Проанализируем некоторые данные исследования РОС «Студенчество о Великой Отечественной войне» (2010 г.) в сравнении с данными других исследований

Тема патриотизма очень актуальна не только на уровне школы, но и на уровне вуза. Большая часть (81%) опрошенных студентов называют себя патриотами. Если говорить о школе, то, согласно исследованию «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», 26% старшеклассников говорят о том, что тема патриотизма для них очень актуальна, 50% - что отчасти актуальна². Однако эти ответы свидетельст-

¹ Интернет-сообщество учителей истории и обществознания // Сеть творческих учителей. http://www.it-n.ru/Board.aspx?cat_no=2715&Tpl=Thread&BoardId=2718&ThreadId=18553

² Исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» проведено в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ гг. Нижневартовск, Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Лениногорск, нескольких городов Московской области. Всего опрошено 734 школьника. В статье анализируются ответы 534 респондентов, обработанные в программе VORTEX

вуют лишь о том, что респонденты хотят считаться патриотами, мы не можем с уверенностью говорить о том, что ими являются. Тема патриотизма сегодня поднимается государством, активно обсуждается на различных уровнях, быть патриотом России сейчас достаточно престижно, поэтому респонденты могут называть себя патриотами в том числе и для того чтобы не получить негативную реакцию со стороны сверстников или учителей, увидевших этот ответ.

Таблица 1

Влияние ответов «Вы можете себя назвать патриотом?» на мнения «ВОВ была давно, мне это не интересно» (в % от самооценки себя как патриота)

Вы можете себя назвать патриотом?	ВОВ была давно, мне это не интересно			
	согласен	не очень согласен	не согласен	Итого:
Да	1	13	86	100
нет	5	28	67	100
В целом:	2	16	82	100

Тема патриотизма связана в сознании студенческой молодежи с темой Великой Отечественной войны. Как видно из таблицы, те, кто называет себя патриотами, чаще интересуются войной, чем респонденты, которые себя патриотами не называют (86% против 67%). Наше исследование показывает, что у студентов сохранился интерес к Великой Отечественной войне. Большинство (4 из каждых 5) респондентов не согласны с утверждением «Великая Отечественная война была давно, и мне это не интересно». Это означает, что война по-прежнему актуальна, и интерес к ней сохраняется. С другой стороны, возможно, некоторые респонденты ответили, что Великая Отечественная война им интересна, потому что таков ожидаемый ответ. Кроме того, возможно, что у тех, кто называет себя патриотами, выше интерес не собственно к войне, а ко всей отечественной истории.

Подтверждают реальный интерес тех, кто называет себя патриотами, к Великой Отечественной войне ответы на вопрос о том, смотрели ли респонденты сериалы и фильмы о войне. Те, кто назвал себя патриотом, гораздо чаще смотрят такие сериалы и фильмы (70%), чем те, кто себя так не называет (49%). Просмотр по собственной инициативе фильмов и сериалов о войне является прямым индикатором интереса к ней. И респонденты, называющие себя патриотами, действительно больше интересуются Великой Отечественной войной, а не просто декларируют этот интерес. Вероятно также, что существует и обратный процесс, что просмотр фильмов может спровоцировать интерес к войне и подъем патриотических настроений. Поэтому в качестве меры по воспитанию патриотизма у подрастающего поколения можно использовать просмотр фильмов в семейном кругу. Просмотр фильмов в школе менее эффективен, т.к. студенты и школьники «больше любят литературные произведения и фильмы, которые они читали или смотрели не «по заданию» школьной программы»¹.

Таблица 2

Влияние ответов «Вы можете себя назвать патриотом?» на мнения «ВОВ была давно, мне это не интересно» (в % от самооценки себя как патриота)

Вы можете себя назвать патриотом?	Чем для семьи является День Победы			
	«праздник со слезами на глазах»	день памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	Итого:
Да	40	56	4	100
Скорее да	27	63	10	100
Скорее нет	18	60	22	100
Нет	18	45	37	100

¹ Вишневский Ю.Р., Лобова Е.В., Пронина Е.И., Шапко В.Т., Шапко И.В. Современное российское студенчество – становление гражданина-патриота. // Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 282.

Одним из показателей патриотизма может выступать отношение людей к государственным праздникам. В исследовании РОС «Студенты о Великой Отечественной войне» об этом говорит распределение ответов на вопрос «Чем для Вашей семьи является День Победы?» в зависимости от того, считают ли респонденты себя патриотами.

Четко прослеживается взаимосвязь: для респондентов, считающих себя патриотами, День Победы чаще – «праздник со слезами на глазах»; те же респонденты, которые не назвали себя патриотами, чаще отвечают, что День победы для них – просто выходной и не несет никакого смысла. Более противоречивы оценки Дня Победы как дня памяти о родных, прошедших войну.

Это подтверждает исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», проведенное в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ¹. В исследовании вопрос задавался относительно не только Дня Победы, но и других государственных праздников, а именно Дня защитника Отечества, Дня Независимости России, Дня Конституции (См.: Таблица).

Из тех, для кого тема патриотизма очень актуальна, по каждому из этих праздников дано большее число положительных ответов, наименьшее число положительных ответов дано респондентами, для которых тема патриотизма неактуальна. Гражданин-патриот видит в государственных праздниках не просто выходной, эти дни несут для него определенный исторический, духовный и нравственный смысл.

Таблица 3

Влияние «Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?» на «Какие из перечисленных ниже дней ты считаешь праздничными лично для себя?»
 , % от Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?

Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?	Какие из перечисленных ниже дней ты считаешь праздничными лично для себя? (любое количество ответов)					
	День Конституции	День Независимости России	День Победы	День защитника Отечества	Ни один из них так не считаю	Затрудняюсь ответить
Очень актуальна	17	40	88	64	2	3
Отчасти	14	35	87	57	3	2
Не актуальна	13	20	58	56	22	2
В целом:	14	33	84	58	5	2

Необходимо отметить «ведущее» положение среди этих праздников Дня Победы. День Победы (84%) и День защитника Отечества (58%) оцениваются как праздники значительно чаще, чем День Независимости (33%) и День Конституции (14%), что говорит о том, что Победа в Великой Отечественной войне является более важным событием для школьников, чем недавние важнейшие вехи в становлении современной России как государства. Следовательно, и патриотизм в сознании старшеклассников связан в большей степени с темой войны, защиты Родины, подвигов героев, чем с темой политического развития государства.

Таким образом, тема Победы в Великой Отечественной войне является и может оставаться достаточно эффективным средством воспитания патриотизма у подростков и молодежи. По-видимому, наиболее эффективно воспитание патриотизма через тему войны может происходить при участии семьи, особенно если в семье поддерживается память о войне, в частности, если хранятся реликвии войны.

Те, у кого дома хранятся реликвии Великой Отечественной войны, чаще называют себя патриотами (хотя этот разрыв и не очень велик) Вероятно, это связано с тем, что возможность прикоснуться к реликвиям делает Великую Отечественную войну более близкой, более реальной для подростка, чем просто разговоры об этом. К тому же, в тех семьях, в которых

¹ Исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» проведено в мае 2007г. среди учащихся старших классов школ гг. Нижневартовск, Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Лениногорск, нескольких городов Московской области. Всего опрошено 734 школьника. В статье анализируются ответы 534 респондентов, обработанные в программе VORTEX

хранятся реликвии войны, чаще либо живут участники войны, либо просто поддерживается почтение, интерес к этой теме, что пробуждает интерес и почтение у детей. Можно предположить, что связь в сознании студентов тем Великой Отечественной войны и патриотизма делает реликвии войны важным средством развития патриотизма.

Какой же смысл вкладывают сегодняшний студент в само понятие «патриотизм»?

Таблица 4

Что значит быть патриотом России

Варианты ответа	2010	2005
Уважать и знать историю России	70	67
Испытывать гордость за свою страну, любить Родину	59	62
Уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста	50	40
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	34	32
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	29	33
Принимать участие в общественной политической жизни страны	16	16
Не уклоняться от службы в армии	13	14
Честно и добросовестно трудиться	11	11
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	5	6
Покупать в основном отечественные товары	2	3
Другое	2	1

Как видим, в трактовке «патриота России» у студентов приоритетны уважение и знание её истории; гордость за свою страну; уважительное отношение к участникам Великой Отечественной войны, пожилым людям. В целом они отражают *эмоциональное* отношение к своей стране и к тем, кто для нее что-то сделал, уважение к ее истории, к Великой Отечественной войне. Менее популярны варианты ответа, отражающие ответственность по отношению к стране и готовность к самопожертвованию во благо страны. Достаточно редко респонденты называют качества гражданина: участие в общественной и политической жизни страны; честный и добросовестный труд. Кроме того, по мнению многих респондентов, хотя патриот должен уважать ветеранов Великой Отечественной войны, сам он необязательно должен быть готовым служить в армии и не уклоняться от службы в ней. Важно учесть и другие высказанные респондентами мнения: не мечтать покинуть страну; принимать Россию такой, какая она есть; патриотизм – то же самое, что и национализм; я презираю свое Отечество с ног до головы, но мне становится грустно, когда иностранец разделяет со мной это чувство; выступать против США, ненавидеть американцев; стремиться, чтобы страна развивалась во всех сферах жизни; вносить вклад в культуру, науку, бизнес страны; готовность умереть за страну, заботиться о будущих поколениях; любить именно страну, а не государство; уважать место, где живешь, и считаться с его правилами, порядками; сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли; и др. Столь широкий веер мнений (учтем и то, что вопрос был полузакрытым, и эти оценки респонденты вставляли дополнительно) говорит о достаточно противоречивом понимании патриотизма. Ситуация усугубляется и реальной сложностью патриотизма как чувства, идеи и ориентира поведения, а самое главное – попытками навязать студенчеству однозначное его толкование.

Интерес представляет и взаимосвязь понимания патриотизма и отношения к Великой отечественной войне. Респонденты, не согласившиеся с утверждением, что война была давно, и им это не интересно», чаще отмечают, что быть патриотом России – в первую очередь, уважать и знать историю своей страны (72%). Очевидно, их собственный интерес к истории России, в частности, к ВОВ, укрепляет их позицию, что патриот должен знать историю страны. В то же время, те, кому неинтересна ВОВ, в меньшей степени считают, что патриот должен знать историю России (47%). Респонденты, которым интересна война, чаще выбирают варианты «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста» (51% против 31% у тех, кому война неинтересна), «испытывать гордость за свою страну» (60%

против 55%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (29% против 22%). Однако они реже называют варианты, связанные с гражданским самосознанием («честно и добросовестно трудиться» (9% против 25% у тех, кому война неинтересна), «принимать участие в общественной и политической жизни страны» (16% против 20%)). Кроме того, несмотря на их уважительное отношение к ВОВ и ее ветеранам, они реже отмечают вариант «не уклоняться от службы в армии» (12% против 20%). Складывается впечатление, что те, кому интересна война, выбирают пассивные проявления патриотизма, в основном, на уровне чувств (гордость, уважение), но на поведенческом уровне они не готовы к реальным действиям. Такая ситуация характерна и для многих из тех, кому неинтересна Великая Отечественная война, но среди них таких людей несколько меньше. Подобную ситуацию можно наблюдать и в распределении ответов на этот вопрос в зависимости от того, называют себя люди патриотами, или нет. Те, кто называет себя патриотом, чаще понимают патриотизм, как чувства уважения, гордости, ответственности, но реже говорят о выражении патриотизма в реальных делах.

Знание истории России занимает первое место в списке качеств, показывающих патриотизм человека, особенно, по мнению тех, кто называет себя патриотом. Обращают на себя внимание «неправильные» ответы на вопрос «Знаете ли Вы важнейшие события Великой Отечественной войны? (напишите, о каких знаете)» (например, «Куликовская битва», «Бородино», «Битва под Полтавой» и т.д.). От 3525 участников исследования мы получили 42 неправильных ответа на вопрос о событиях ВОВ («Бородино», «Полтава», «Куликовская битва», «Брусилловский прорыв» и т.п.). Из 42-х неправильных ответов 86% были даны теми, кто назвал себя патриотами. Несмотря на то, что знание истории России, по мнению респондентов, является ключевым качеством патриота, те, кто назвал себя патриотом, чаще давали неправильные ответы, чем те, кто себя патриотом не назвал. Это подтверждает тезис, что некоторые студенты называют себя патриотами, но не готовы подтвердить это практическими действиями.

Учитывая, что современный патриотизм проявляется и функционирует в условиях объективно действующих взаимообусловленных сил глобализации, представляется несомненным наличие проблем в воспитании патриотизма, а также закономерным сам вопрос об изменении характера патриотизма. Для исследователей, изучающих тенденции гражданской социализации и проблемы социальной адаптации очевидно, что современная российская молодежь живет в мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития. В этих условиях одна из особенностей подготовки будущих педагогов к патриотическому воспитанию учащихся *связана с процессом демократизации общества*. В условиях многопартийной системы патриотические идеи выдвигаются в качестве ведущих представителями практически всех партий и течений, вплоть до явно реакционных, отмечают исследователи. Поэтому часто само понятие патриотизма связывается у молодежи с отрицательным отношением к определенным политическим теориям. Задачей педагогов при этом становится разъяснение воспитанникам сущности данного понятия, его содержания в современных условиях, а это требует специальной подготовки будущих педагогов в процессе обучения в вузе.

Молодежь воспринимается сегодня не столько как объект воздействия, сколько как субъект истории. Для того чтобы в эпоху глобализации осуществлять на практике политику государственного строительства и национальной безопасности, институты социализации должны формировать социально активное и ответственное молодое поколение, действия которого регулируются позитивными социальными нормами и общественными интересами. Это во многом по-новому ставит вопросы воспитания патриотизма и гражданственности в школе и вузе.

Принимая во внимание сложную структуру и современное содержание понятия «патриотизм», целесообразно определять патриотическое воспитание как процесс взаимодействия воспитателей и воспитанников, направленный на развитие патриотических чувств, формирование патриотических убеждений и устойчивых норм патриотического поведения, адекватных сегодняшнему дню. В осуществлении патриотического воспитания подрастающего по-

колениа, развивая различные аспекты проявления патриотизма, ведущую роль, наравне с родителями, СМИ, общественными объединениями, играют педагоги. Поэтому особенно актуальной в современных условиях становится разработка проблемы подготовки будущих педагогов к данному направлению воспитательной работы.

Анализируя работы исследователей, разрабатывающих данную тематику, можно предложить некоторые рекомендации по подготовке педагогов к осуществлению патриотического воспитания учащихся. Как отмечалось ранее и подтверждается нашими исследованиями, форма проявления патриотизма может быть различной. На методологическом уровне патриотизм реализуется как нравственный принцип; на эмоционально-психологическом – как моральное чувство, на поведенческом – как интегративное нравственное качество. Такая трактовка позволяет дать целостную характеристику рассматриваемого явления и выявить его сущность для дальнейшего практического наполнения деятельности педагога по воспитанию патриотизма. Исходя из перечисленного, целью подготовки будущих учителей в вопросах патриотического воспитания должно являться формирование готовности личности к данному виду деятельности и овладение данной деятельностью. Это включает в себя нравственно-психологический аспект и аспект теоретической и практической подготовленности личности педагога. В самом общем виде можно сказать, что содержание подготовки будущих учителей должно отражать единство структурных элементов патриотизма - патриотических чувств, патриотических убеждений и патриотической деятельности.

Перед молодежью и более старшим поколением, перед исследователями процесса воспитания гражданственности и патриотизма в школе и вузе встает множество вопросов, одним из которых является почти риторический: «Мы живем в жестокий век, где, казалось бы, при таком высоком уровне развития науки, техники и человеческой мысли, продолжают жестокое, варварское, а главное уносящее миллионы жизней войны, конфликты. Разве об этом мечтали наши деды и прадеды? Для этого ли ценой своих жизней отвоевали нам мир в Великой Отечественной войне?»¹.

Л.П. Репина, д.ист.н. (ИВИ РАН, Москва)

Историческое сознание и историческая память

Слово «история» имеет в большинстве европейских языков два основных значения: одно отсылает к прошлому человечества, другое – к литературно-повествовательному жанру, рассказу, нередко вымышленному, о неких событиях. В первом значении под историей подразумевается прошлое в самом широком смысле – как совокупность человеческих деяний. Кроме того, термин «история» указывает на знание о прошлом и обозначает совокупность *социальных представлений о минувшем времени*. Синонимами истории в этом случае выступают понятия «*историческая память*», «*историческое сознание*», «*историческое знание*» и «*историческая наука*». Явления, обозначаемые этими понятиями, взаимосвязаны, и провести границу между ними нередко трудно, почти невозможно. Однако в целом два первых понятия в большей степени указывают на стихийно формирующийся образ прошлого, в то время как два последних подразумевают преимущественно целенаправленный и критический подход к его познанию и оценке.

Примечательно, что термин «история», подразумевающий знание о прошлом, сохраняет в значительной степени и свой литературный смысл. Познание прошлого и оформление этого знания в связном устном или письменном изложении всегда предполагают рассказ о неких событиях и явлениях, вскрывающий их становление, развитие, внутренний драматизм и значение. История как особая форма человеческого знания сформировалась в рамках литературного творчества и сохраняет с ним связь до сих пор. Исторические источники разнообразны по своему характеру: это письменные памятники, устные предания, произведения материальной и художественной культуры. Для некоторых эпох эти свидетельства крайне ма-

¹ Воспитание гражданина в пионерской дружине. Минск, 2007. С.5.

лочисленны, для других – обильны и разнородны. Однако в любом случае *они не воссоздают прошлое как таковое, а их информация не является прямой. Для потомков это лишь фрагменты утраченной навсегда картины минувшего. Чтобы воссоздать исторические события, информацию о прошлом нужно выявить, расшифровать, проанализировать и истолковать. Познание прошлого связано с процедурой его реконструкции.* Ученый, равно как и любой интересующийся историей человек, не просто исследует какой-то объект, но, по существу, воссоздает его. В этом отличие предмета исторического знания от предмета точных наук, где любое явление воспринимается как безусловная реальность, даже если оно не изучено и не объяснено.

Историческое знание сформировалось в древности в процессе развития общества и социального сознания. Интерес сообщества людей к своему прошлому стал одним из проявлений тенденции к самопознанию и самоопределению. В основе его лежали два взаимосвязанных мотива – желание сохранить память о себе для потомков и стремление понять собственное настоящее путем обращения к опыту предков. Разные эпохи и разные цивилизации на протяжении всей истории человечества проявляли интерес к прошлому не только в разных формах, но и в разной степени. Общим и справедливым суждением современной науки можно считать предположение о том, что только в европейской культуре, уходящей своими истоками в греко-римскую античность, познание прошлого приобрело исключительное социальное и политическое значение. Все эпохи становления так называемой западной цивилизации — античность, средневековье, новое время, – отмечены интересом общества, его отдельных групп и индивидов к прошлому. Способы сохранения прошлого, его изучения и повествования о нем менялись в процессе общественного развития, неизменной оставалась лишь традиция искать в прошлом ответы на насущные вопросы современности. Историческое знание было не просто элементом европейской культуры, но одним из важнейших источников ее формирования. Идеология, система ценностей, социальное поведение складывались в соответствии с тем, каким образом современники понимали и объясняли собственное прошлое.

С 1960-х гг. историческая наука и историческое знание в целом переживают бурный период ломки традиций и стереотипов, сформировавшихся в новоевропейском обществе на протяжении XVIII-XIX вв. В течение последних десятилетий появились не только новые подходы к изучению истории, но и *возникло представление о том, что прошлое можно бесконечно интерпретировать.* Идея многослойности прошлого позволяет предположить, что единой истории не существует, есть лишь множество отдельных «историй». Исторический факт приобретает реальность лишь в той мере, в которой он становится частью человеческого сознания. *Множественность «историй» порождается не только сложностью прошлого, но и спецификой исторического знания. Тезис о том, что историческое знание едино и располагает универсальным набором методов и инструментов познания, был отвергнут значительной частью научного сообщества.* За историком признается право на личный выбор предмета исследования и интеллектуального инструментария.

Наиболее существенными для современных дискуссий о смысле истории как науки являются два вопроса. *Существует ли единое прошлое, о котором историк должен говорить правду, или оно распадается на бесконечное множество «историй», подлежащих истолкованию и изучению? Имеет ли исследователь возможность постичь истинный смысл прошлого и поведать правду о нем?* Оба вопроса касаются кардинальной проблемы социального предназначения истории и ее «пользы» для общества. Размышления о том, как историческое исследование может быть использовано обществом в современном, сложно устроенном, меняющемся мире, заставляет ученых вновь и вновь возвращаться к анализу механизмов исторического сознания, искать ответ на вопрос: каким образом и с какой целью занимались познанием прошлого люди предшествующих поколений. Предмет данного курса – история как процесс познания прошлого.

История как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нем, – это одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений. Память рассматривается как

одно из важнейших качеств человека, отличающее его от животных; это осмысленное отношение к собственному прошлому, важнейший источник личного самосознания и самоопределения. Человек, лишенный памяти, утрачивает возможность понять себя самого, определить свое место среди других людей. Память аккумулирует знание человека о мире, различных ситуациях, в которых он может оказаться, его переживания и эмоциональные реакции, информацию о должном поведении в обыденных и чрезвычайных условиях. Память отличается от абстрактного знания: это знание, лично пережитое и прочувствованное человеком, его жизненный опыт. *Историческое сознание – сохранение и осмысление исторического опыта общества – представляет собой его коллективную память.* Историческое сознание, или коллективная память общества, неоднородно, так же как и индивидуальная память человека. Для формирования исторической памяти важны три обстоятельства: *забвение прошлого; различные способы истолкования одних и тех же фактов и событий; открытие в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни.*

Людям свойственно *забывать одни события и преувеличивать значимость других (т. е. актуализировать их).* Не случайно исследователи проблем социальной памяти и исторического сознания считают, что в исследовании своеобразия представлений о прошлом разных обществ и культур должно учитывать, *что и почему люди забывали.* Причины, по которым то или иное сообщество вычеркивало из коллективной памяти отдельные факты и события, позволяют понять, каким образом это сообщество осмысляло свое место в истории. *Забвение тех или иных аспектов прошлого происходило по разным причинам.*

Во-первых, людям *могли быть неизвестны отдельные обстоятельства и события,* в глубине столетий терялись целые эпохи истории регионов и народов. Как правило, забытой оказывалась история тех периодов, в которые не существовало развитой традиции письменной фиксации событий. Например, с большим трудом, путем гипотез, предположений и логических построений, воссоздается история племен и народов, стоявших у истоков современных европейских наций. Мы имеем крайне отрывочные, оставленные сторонними наблюдателями сведения о рассматривавших прошлое сквозь призму собственного исторического опыта и обладавших иным интеллектуальным инструментарием? Кроме того, мнения современников могли быть разными, они не только противоречили одно другому, но отражали абсолютно несходное восприятие одних и тех же явлений. Вторжение варварских племен на территорию Западной Римской империи традиционно определяется в учебниках истории как процесс гибели античной цивилизации и одновременно как эпоха Великого переселения народов. В этих привычных формулах современной исторической науки сохранилась двойственность восприятия событий их участниками и современниками. Для людей, принадлежавших кругу античной культуры, победы варваров означали гибель привычного и казавшегося незыблемым миропорядка. Они могли оценивать падение Рима по-разному: как катастрофу и попрание основ цивилизации либо как суровое, но справедливое наказание великой империи Богом за гордыню и неверие; однако в любом случае видели в этом разрушение универсального мира. Иначе сохранила эти события социальная и историческая память германских народов, создавших серию мифов, легенд и преданий о героях и вождях, их мужестве и доблести. На протяжении столетий эти легенды питали народный фольклор и литературную традицию средневековой Европы. Самим фактом своего существования в социальной памяти они зафиксировали восприятие эпохи варварского завоевания Империи как великого и героического периода истории германских племен. Кто из современников – образованный римлянин, церковный апологет или варвары – более точен в оценке события? Чье восприятие или логика рассуждений способны полностью удовлетворить современного любителя истории или профессионального исследователя?

Современники, очевидцы или ближайшие потомки не способны дать полноценную и всестороннюю характеристику событий или состояния общества в целом. Они, как правило, пристрастны к отдельным сторонам действительности и невнимательны ко всем прочим явлениям. В любом случае они чрезмерно связаны с реалиями исторического времени, для того чтобы оценивать его объективно и отстраненно. Потомки имеют больше шансов для беспри-

страстного познания прошлого. Они могут увидеть события, действия людей, отдельные проявления человеческой жизни в более широком контексте, выявить предпосылки и следствия событий. Однако будет ли их оценка абсолютно точной характеристикой «собственного смысла» явлений? Как обыватель, так и исследователь-профессионал, размышляя над историческими явлениями, могут обнаружить множество взаимосвязанных фактов и факторов: их перечень и оценка роли каждого – разные.

Возвращаясь к эпохе падения Римской империи и варварских завоеваний, необходимо указать, что это событие может рассматриваться и как факт проявления внутреннего кризиса античной государственности, социальной и хозяйственной систем; и как отражение устойчивости римских институтов, переживших варварские вторжения и мирно растворившихся в организации средневекового европейского общества; и как свидетельство внутренних изменений в варварских племенах; и как мощный толчок, позволивший германским народам преодолеть инерцию традиционного существования. Исследователи, разделявшие идеи германского национализма, видели в действиях варварских племен отражение героического духа и военной доблести, присущих германцам как этносу. Менее ангажированные исследователи могут беспристрастно рассуждать о военной этике древних германцев или вообще видеть в их действиях признаки варварского сознания и социальной организации.

Данные оценки противоречат друг другу, по-разному характеризуют смысл исторических процессов, породивших рассматриваемые события. Спектр суждений и глубина расхождений между ними на самом деле несравненно более значительны. Смысл событий, рассмотренный с точки зрения их укорененности в прошлом и влияния на последующий ход истории, в конечном счете также зависит от того, каким образом определяются взаимосвязи между событиями и насколько далеко они уводят в прошлое или будущее от рассматриваемого предмета. *Смысл событий зависит от того, как люди определяют их причины и следствия (историческое сознание не знает точных рецептов определения взаимозависимости явлений). В той или иной степени суждения о прошлом окрашены в тона мировоззренческих или идеологических предпочтений: конфессиональной принадлежности, сочувствия тем или иным социальным доктринам и политическим теориям, приверженности определенным теориям развития общества.* И наряду с этим всегда присутствует вопрос о том, имеют ли события прошлого вообще какой-то особый исторический смысл, не являются ли они результатом случайного стечения обстоятельств?

Оценка исторического смысла события не может быть абсолютно объективной и исчерпывающей. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для изучающего или воссоздающего их общества. *Образ прошлого – это всегда, хотим мы того или нет, отражение наших интересов.*

Содержание исторической памяти определяется не только способностью человека и общества людей запоминать или забывать определенные события прошлого. *Процесс запоминания не является механическим: хранится в памяти и передается потомкам та информация, которую считают важной и достоверной, а, как показывает изучение исторических сочинений, критерии достоверности были разными в разных обществах.* Представление о том, что важно знать о прошлом, также изменялось в зависимости от задач и интересов социальных групп. Сведения, представлявшие интерес для сообщества одного типа, могли восприниматься не заслуживающими внимания теми, кто обладал иной коллективной идентичностью.

Средневековые хронисты помещали в свои сочинения рассказы о войнах и вооруженных вторжениях, действиях правителей и могущественных людей светского и духовного статусов. Также они включали в свои повествования сведения о природных явлениях, помимо действительно крупных происшествий (землетрясения, засухи и др.), фиксируя и малозначительные, с точки зрения современных представлений об истории, факты. Европейские историки XIX в. мало чем отличались от античных и средневековых предшественников, считая достойными упоминания в своих трудах деяния политического характера. Войны, восстания,

политические преобразования, взаимоотношения государственных деятелей – именно это составляло, на их взгляд, основной предмет истории. *Их не интересовала хозяйственная жизнь, повседневность, отношения простых людей.* Тип истории, создаваемый ими, может быть определен как рассказ о деяниях.

В настоящее время одним из наиболее популярных направлений является *история повседневности*, где предметом исследований, историков стали частная жизнь, отношения между родственниками, друзьями, каждодневные условия труда и существования, представления о мире и эмоциональная жизнь людей. *Повседневная жизнь* не является открытием современных ученых: во многих обществах с развитой письменной традицией существовала практика ведения частных хроник, повествовавших о жизни отдельных семей, церковных и светских сообществ. Людям было важно сохранять память о своих предках: их славных и позорных деяниях, местах их погребения, участии в тех или иных значительных событиях. Конечно, большая часть происшествий, зафиксированных в историях отдельных сообществ, не попала в официальные хроники и исторические сочинения. История как способ сохранения памяти о прошлом и его познания изначально существовала лишь в виде единства разнообразных «историй»: масштаб каждой из них определялся интересами сообщества, претензиями авторов, подходом к самому понятию истории.

Значительное влияние на состав исторической памяти оказывает система представлений об истинности и достоверности событий прошлого. Исторические сочинения, возникавшие в разных обществах, включали рассказы о фантастических и баснословных событиях, в истинности которых люди не сомневались и считали нужным передавать их из поколения в поколение. Истории многих народов и могущественных династий открывались рассказами о богах и героях, воспринимавшихся в качестве первопредков и зачинателей всех будущих событий. В средневековой Европе одним из обязательных элементов исторических повествований были истории о чудесных явлениях, которые рассматривались как важнейшие из происшествий. Что заставляло людей верить в эти невероятные события? Были ли они всего лишь легковверны, недостаточно образованы и интеллектуально развиты? Почему в самых развитых странах мира столь живуча вера в национальные мифы, а отдельные события и персонажи прошлого приобретают в массовом восприятии черты, сближающие их с героями и сверхъестественными персонажами архаического прошлого?

Вероятно, само понимание истинности и значения событий прошлого может иметь смысл, отличный от того, который вкладывают в него современные историки. Для них критерием истинности и достоверности является здравый смысл, который изначально разделяет все факты на возможные и невероятные, и правдивость свидетельств, сообщающих об этих фактах. Люди древности и средневековья, равно как и современные, отнюдь не были лишены стремления отделить реальные события от вымышленных, равно как и найти подтверждение достоверности фактов. Однако граница, отделяющая реальное от нереального, достоверное от вымышленного, определяется разными обществами или социальными группами по-разному. Для многих эпох чудесное и сверхъестественное были не менее реальными фактами, чем война, неурожай или строительство храма; люди искали подтверждение чуда и, обнаруживая свидетельства о нем, бесспорно считали его достоверным фактом. Предания и рассказы предков были достаточным основанием подтверждения реальности самых необыкновенных историй – так рождались *мифы и легенды, которые были особой формой исторической памяти и исторического сознания.* Более того, допускалось и «исправление» памяти о прошлом: средневековый монах, составляя монастырскую хронику, переписывая житие местного святого или монастырский архив, мог вставлять туда сведения о событиях, память о которых не сохранили его предшественники. Был ли он фальсификатором, который включал вымысел в цепь подтвержденных свидетельствами исторических фактов, или же им двигало собственное представление об истине и справедливости? Возможно, его уверенность в том, что какое-то событие прошлого было бы справедливым, приводило к убеждению в реальности последнего. Записывая вымышленное сообщение, летописец, скорее всего, предполагал, что восстанавливает историческую правду, а не занимается ее фальсификацией.

Историческая память и основывающееся на ней историческое сознание относятся к числу тех явлений социальной и культурной жизни, содержание которых определяется представлениями разных обществ и социальных групп о реальности, истинности и достоверности. Эти представления менялись со временем и были укоренены в мировоззрении и интеллектуальных традициях отдельных народов и цивилизаций. Различные общества, а внутри них отдельные социальные группы не только формируют присущие исключительно им типы исторического сознания и исторической памяти, но и обнаруживают разную степень осмысления прошлого. В частности, взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, – характерная черта греко-римской и иудео-христианской традиций, преемственность с которыми осознает современная историческая наука. Выяснение картины прошлого и сохранение памяти о собственной истории в этих культурах воспринимались как способ решения актуальных проблем, а история выступала и как «учительница жизни», и как инструмент познания прошлого.

Историческое сознание – память о прошлом и интерес к нему – свойственно в той или иной степени всем людям и народам. Вместе с тем и само отношение к прошлому, и способы получения информации о нем чрезвычайно разнообразны, что позволяет говорить о существовании разных типов исторического сознания. Основное различие между ними определяется двумя факторами: во-первых, разными пропорциями эмоционального и рационального отношения к прошлому; во-вторых, степенью достоверности той картины, которая воссоздается на основе отдельных исторических свидетельств.

Состав исторической памяти во многом зависит от субъективных и эмоциональных аспектов: сообщество вольно или невольно обращается к прошлому как источнику информации. *Массовое сознание воспринимает прошлое эмоционально, ищет в нем подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, с легкостью стирает границы между достоверной и вымышленной картинами событий.* Социальная, или культурная, память указывает на неразрывную связь поколений, дает примеры опыта, который может быть использован в настоящем. В основе научного исторического сознания – признание *различия между прошлым и настоящим*, требование достоверности информации, на основании которой прошлое может быть восстановлено, постоянные сомнения относительно того, в какой степени исторические явления могут быть сопоставлены с фактами современной жизни. История как опыт социальной жизни, без которой современное общество не может осознать себя и определить пути развития, критически оценивается наукой с точки зрения способов и возможностей применения этого опыта. Для *массового, или некритического, исторического сознания* характерны три особенности: *осовременивание прошлого; ретроспективный подход к прошлому, представляющему в данном контексте интерес только с точки зрения происхождения современных явлений социальной жизни; свободное использование вымысла и воображения для реконструкции целостного образа прошлого.* Массовое сознание ищет в прошлом примеры для подражания или осуждения. Это означает, что история воспринимается как своего рода иллюстрация этических предпочтений конкретной эпохи. Исторические персонажи изображаются как примеры социального поведения, им приписываются качества и мотивы, которые представители отдельного сообщества считают определяющими для собственного поведения.

Рассмотрим пример из европейской средневековой истории. В XII в. в Германии (землях, входящих в состав современной Германии) племена эпохи Великого переселения народов, варварские королевства, средневековые государства и монархии позднего средневековья воспринимались не как особые способы интеграции общества, для каждого из которых свойственны индивидуальные формы этнического сознания и политической организации, но всего лишь как этапы национального и государственного единения. Войнам средневековья приписывались те же причины, что и конфликтам нового времени: борьба национальных государств за свои интересы.

Другим примером поиска исторических корней современности является стремление найти в прошлом предпосылки нынешней демократии: в качестве таковых рассматривали уст-

ройство античных городов-полисов, Римской республики, средневековых городов-коммун, сословную организацию средневекового рыцарства. Всем этим разнородным и принадлежавшим к разным эпохам явлениям приписывались такие качества, как принципы свободы и равенства членов сообщества, культивирование институтов коллективного и публичного принятия важнейших решений. В современной России поворот к идеологии демократии и свободного общества отразился в стремлении найти подобные традиции в собственной истории: в качестве примера древней политической демократии вполне серьезно упоминается Новгородское вече.

Примечательно, что в современном мире любое сообщество или социальное движение стремится обнаружить своих «исторических предков»: так, феминистское движение ставит целью, с одной стороны, найти в истории примеры значительной и особой роли женщин, с другой — заявить о моральной несправедливости тотального господства мужчин в социальной и политической жизни предшествующих эпох. Идеологи национальных движений, борьбы этнических меньшинств за права или политическую свободу используют в качестве аргумента тот факт, что в далеком прошлом соответствующие права или свободы народа были отняты в результате несправедливых действий другого народа или государства. Одним словом, *к истории обращаются как к аргументу, оправдывающему актуальные для современности идеологические, социальные, политические притязания.* Последним приписывается моральная обоснованность и длительное существование. Подобная предыстория актуальных идей и устремлений нередко конструируется пристрастно, прошлое наделяется теми чертами, которых оно было лишено по существу.

Кроме того, *прошлое трактуется однозначно и предвзято.* Так, идея исторической справедливости притязаний какого-то народа на определенные территории требует того, чтобы из свидетельств прошлого были удалены факты, подтверждающие исторические права других народов на эти территории. Восприятие прошлого как исторической традиции, оправдывающей устремления и претензии отдельных народов или социальных групп, является иррациональным и нередко опасным порождением массового сознания. Оно игнорирует сложность исторических процессов, а иногда и прямо фальсифицирует связи между явлениями, относящимися к разным эпохам, создает иллюзию древности и бесспорности идей, порожденных современной ситуацией. Впрочем, историкам-исследователям, придерживающимся принципов объективности и стремящимся к непредвзятому анализу фактов, также трудно очистить свое восприятие прошлого от эмоциональной окраски и отказаться от трактовки минувших событий как прямых предшественников настоящего. Может ли историк быть беспристрастен? Этот вопрос является основополагающим для современной науки, однако им задавались и люди предшествующих эпох, способные критически осмыслить неоднозначность прошлого и знания о нем. Историк никогда не получает материал для своего исследования в готовом виде: факты, содержащиеся в источниках (свидетелях прошлого) должны быть сначала собраны, а затем проанализированы и истолкованы.

Обе процедуры, в том числе исходная, связанная с отбором материала, зависят от того, какие задачи ставит перед собой историк. В современной историографии широкое распространение получила идея о том, что, в отличие от специалистов в сфере наук о природе, историки сами создают материал для своего исследования. Это не значит, что они фальсифицируют или дополняют данные источников произвольными суждениями, однако из всего многообразия свидетельств они вынуждены отбирать определенную информацию.

Вопрос о том, что первично — источники (фактический материал) или интеллектуальная схема, — оказывается в работе историка сродни знаменитому парадоксу о курице и яйце. Приступая к исследованию, историк должен иметь предварительную гипотезу и систему теоретических и концептуальных представлений, так как без них он не сможет начать работу со свидетельствами прошлого. На этапе истолкования отобранных и систематизированных данных результаты его труда в еще большей степени зависят от научных, этических и моральных предпочтений. В своем отношении к прошлому историк не может руководствоваться только требованием объективного и беспристрастного анализа и не способен полностью

подчинить принципу историзма свое восприятие исторической реальности. Иные эпохи и общества интересны для историка с точки зрения их сопоставления с его собственным временем. Как и любой другой человек, интересующийся историей, подобно многим поколениям далеких предшественников, ничего не знавших о принципах научности и историзма, он ищет в прошлом истоки тех ценностей и форм социальной жизни, которые наиболее значимы в современном ему обществе. В истории исследователь находит элементы социальной организации, сходные или отличные от тех, которые являются базовыми для его собственной эпохи. Современность остается идеальной моделью, от которой историк отталкивается в истолковании прошлого.

Может ли, например, современный историк, разделяющий ценности демократии и свободы личности, быть беспристрастен в изучении социальной и политической жизни античности? Могут ли характеристики, данные им полисной демократии античной Греции и деспотическим монархиям Востока, быть простой констатацией существования различных форм государственности? Вольно или невольно он видит в античном мире черты близкой и значимой для него организации социальной жизни, а потому рассматривает античность как предшественницу современного общества и одновременно воспринимает восточные традиции как действительно чужой, отступающий от нормального пути развития. В отличие от обывателя, исследователь может сознательно дистанцироваться от подобного эмоционального и ценностного восприятия прошлого. Однако он не в состоянии освободиться от него полностью.

Еще более отчетливо моральная и политическая пристрастность историка обнаруживается при изучении недавнего прошлого, живую связь с которым еще не утратило современное общество. Изучение истории Третьего рейха или советского периода отечественной истории может осуществляться в разных направлениях, однако общие суждения, как правило, отражают идеологические предпочтения исследователя. Самый глубокий анализ объективных и глубинных причин, породивших фашизм или сталинизм, во многом снимает груз моральной ответственности с людей, живших при этих режимах и поддерживавших их, но не способен лишить исследователя права характеризовать их как трагические периоды национальной и всемирной истории. Оценка может диктоваться и реальными политико-идеологическими условиями. В гитлеровской Германии историки, разделявшие идеологию национал-социализма, последовательно искали и обнаруживали в прошлом подтверждения исконного национального превосходства германских народов и немцев как особой нации. Советские историки, следуя идеологии исключительной значимости революционной борьбы, находили в российской истории прямых предшественников господствующего режима. Это были народные восстания и крестьянские войны, декабристы, народники, революционеры и террористы – силы, олицетворявшие социальную борьбу и революцию. Вместе с тем идеология тоталитарного государства, задачей которого является борьба с внутренними врагами, требовала для советской власти новой исторической генеалогии. В качестве предшественников и образцов для подражания выдвигались монархи, отличавшиеся жестокостью и деспотизмом, – Иван Грозный и Петр I, которые были любимыми историческими персонажами Сталина.

В целом можно определить три группы факторов, имеющих социально-культурную обусловленность и определяющих отношение историка к прошлому: научные концепции социального развития, которыми исследователь руководствуется при отборе, анализе и истолковании исторических фактов; политические и идеологические принципы устройства общества, которые исследователь воспринимает как точку отсчета в своем восприятии прошлого; личные мировоззренческие и идеологические убеждения исследователя.

Историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий. Историческая наука, так же как и массовое сознание, создает собственные мифы о прошлом и использует его для подтверждения тех или иных актуальных представлений. Однако добросовестность и профессиональная честность историка требуют отказа от прямого отождествления прошлого и настоящего. Историк балансирует на грани объективности и пристрастности, однако только он может поставить заслон на пути исполь-

зования прошлого как материала для политических идеологий и ложных социальных мифов.

История – это наука, изучающая человеческое общество в его развитии. В силу предмета изучения она относится к ряду социальных наук, занимая в нем особое место. Две главных особенности отличают историю от других наук о человеке. Первая связана с тем, что история имеет дело с уникальными и неповторимыми событиями и должна заниматься конкретными явлениями. Действительно, походы Александра Македонского, Великая французская революция, Вторая мировая война и все многообразные события и явления прошлого не могут быть воспроизведены и навсегда останутся единичными фактами. Цель истории — находить подобные факты, устанавливая их причины и следствия. Конкретные и уникальные явления не просто дают историку материал для размышлений, их изучение составляет основу его работы. Все это позволяет считать историю эмпирической наукой, т. е. дисциплиной, призванной с максимальной полнотой устанавливать, классифицировать и описывать факты прошлого. Вторая особенность истории – это чрезвычайная широта ее исследовательского поля. Фактом истории, а значит, и предметом изучения, может быть любое проявление человеческой деятельности. Историк, в отличие от специалистов в других социальных науках, имеет дело с явлениями самых разных типов: экономическими – фактами хозяйственной жизни людей; социальными – группами и слоями общества, принципами взаимодействия между ними, социальными институтами – основными учреждениями и устойчивыми правилами, в соответствии с которыми регулируется жизнь общества; психологическими – эмоциями и чувствами людей и больших человеческих сообществ; политическими и правовыми – политическими событиями, формами организации государства и управления, правовыми нормами и правилами социального поведения, сложившимися в процессе развития общества; культурными – явлениями, порожденными человеческим духом в сфере литературы, искусства, научного знания, а также мировоззрением и представлениями о мире, характерными для конкретного общества. Предмет исследования сближает историка со специалистами в областях экономики, права, социологии, литературоведения и истории искусства. История – самая универсальная из всех социальных наук, так как все они связаны с ней корнями и происходят из интереса человеческого общества к своему прошлому.

Одним из характерных примеров недавней истории является Вторая мировая война. Это событие по своим формальным параметрам может быть отнесено к политической истории. Существует множество работ, в которых подробно рассматривается ход военных событий, дипломатические акции, предшествовавшие началу войны и сопровождавшие ее. Однако понять смысл и историческое значение этого события невозможно, не принимая во внимание широкий спектр явлений социальной жизни Европы, приведших к войне или порожденных ею. В последние годы появилось много исследований, которые позволяют сделать вывод о том, что действия Гитлера, Сталина, Черчилля и иных политических лидеров, влиявших на ход истории, равно как крупные военные акции и дипломатические переговоры, отражают лишь поверхностный слой больших, втягивавших миллионы людей исторических событий. Приход к власти национал-социалистов и фашистов в ряде европейских государств не был случайностью, он отражал сложные и неоднозначные процессы, протекавшие в разных сферах европейского общества, включая экономику, политические и правовые институты, национальное и социальное самосознание. Социальное самосознание и поведение формируются не только под влиянием политических институтов и правовых норм, но зависят от массовой психологии, иррациональных чувств и представлений, которые делают целые народы приверженцами идеологий, противоречащих здравому смыслу и системе ценностей, культивируемых в течение столетий. События, которые на первый взгляд порождаются действиями политических лидеров и партий, могут быть в конечном счете объяснены только с учетом многообразных и отнюдь не однозначных по своей природе фактов.

В своем исследовании прошлого именно ввиду его многообразия историки должны учитывать и использовать идеи, понятия и выводы, сформулированные иными социальными науками. Любой исторический факт имеет много измерений и смыслов, вместе с тем он интересен как уникальное событие, занимающее свое место в процессе развития общества. Так,

история хозяйственной жизни для историка имеет смысл прежде всего как один из аспектов существования людей в определенную эпоху, а по как материал для выяснения законов функционирования экономики. Поведение социальных коллективов и целых народов в отдельных ситуациях не является всего лишь кирпичиком в создании учения о законах массовой психологии. Изучение социальных групп и классов общества конкретного периода, конфликтов и сотрудничества, которые их разъединяли и связывали, осуществляется историком не для того, чтобы создавать общие теории социального устройства общества. Историк имеет дело с материалом, который накладывает существенные ограничения на создание крупных теоретических схем.

Социология, философия, психология создают теории и понятия, которые историк может применять в своем исследовании, поставляя им в свою очередь «обработанное сырье» для обобщения и формулировки законов. Утверждение об эмпирическом характере истории имеет и более радикальные последствия – его логическим завершением считается констатация того, что историка не должна интересовать задача осмысления исторических событий, его ремесло – устанавливать их истинность и достоверно описывать.

История – это эмпирическая наука, изучающая отдельные события и явления. Значит ли это, что она не должна изучать общие закономерности развития общества? Может ли историческое исследование претендовать на теоретические обобщения, характеризующие этапы истории общества и механизмы их последовательной смены? Ученые, которые считают, что целью их ремесла является только выяснение фактов и скрупулезная реанимация прошлого, представляют собой значительную часть профессионального цеха. Однако подобная позиция – самообман. Любое явление прошлого должно быть рассмотрено с точки зрения его социальных функций. Например, в рамках «антикварного» интереса к истории создаются работы, реконструирующие костюмы и предметы быта, окружавшие людей в ту или иную эпоху. Их авторы, не обращаясь намеренно к общим проблемам организации общества, тем не менее касаются таких вопросов, как отражение в предметах повседневности самосознания определенных социальных групп и его изменение с течением времени, разделение людей по социальному признаку, демонстрация социального положения людей в определенных внешних знаках. Иначе говоря, исследователи-антиквары, не ставя перед собой теоретических задач, должны иметь собственное представление о принципах организации общества в конкретную эпоху. Исследователи политической истории в свою очередь могут досконально изучить и воссоздать ход событий. Вместе с тем они прямо или косвенно затрагивают вопрос о том, как действия политических лидеров воспринимались обычными людьми, почему те или иные события втягивали в свой ход массу участников (нередко целые народы), какое влияние войны или политические реформы оказывали на состояние общества.

Систематический интерес к прошлому и историческое знание как таковое были порождены желанием ответить на вопрос: имеет ли развитие человечества цель, стоит ли за этим некий единый замысел или план, и если да, – то каковы они. Прошлое могло рассматриваться как процесс морального развития людей, воплощения божественного замысла, движения к цивилизованности и прогрессу или становления государства и наций. Задолго до того как эти представления были сформулированы в концепциях европейских философов, экономистов и социологов нового времени, они воплотились в сочинениях их далеких предшественников – создателей библейских текстов, античных и средневековых историков. Со временем задачи исторического исследования, с одной стороны, и создания общих концепций организации и развития человеческого общества, с другой, были осмыслены как отдельные, принадлежащие к различным сферам интеллектуальной деятельности.

Из наук об обществе наиболее близкой к истории считается социология: обе имеют своим предметом общество в целом и исследуют различные формы социального поведения. В этом смысле они отличаются от экономики, политологии, психологии, истории религии и культуры. Историков и социологов разделяет не предмет исследования, а подход к задачам и методам изучения человеческого общества. К числу важнейших отличий относится разная интенсивность использования обобщающих концепций и теоретических построений. Для со-

циального историка модели и схемы являются инструментом познания исторической реальности – это скорее гипотезы, которые заставляют задавать новые вопросы прошлому, чем позволяют получить конечный ответ на вопрос о его смысле. Цель социолога – обобщение представлений о структуре и закономерностях развития общества, выявление основных и универсальных закономерностей поведения людей как социальных существ. Историк сосредоточен на многообразии социальной жизни. Его задача – определить особенности существования общества в конкретный период времени, в конкретных обстоятельствах и в конкретном месте. Историк, в отличие от социолога, занимается различиями, а не общеприменимыми обобщениями.

Являются ли подходы социальной теории и конкретного исторического исследования взаимопротиворечащими или взаимодополняющими? Ответ на этот вопрос неоднозначен.

Анализируя отдельные факты и события, историк должен так или иначе соотнести их с многообразными историческими явлениями и процессами. Он рассматривает изучаемый материал в системе причинно-следственных связей, сопоставляет его со сходными явлениями, имевшими место в иных регионах и в иное время. Зачастую историк осуществляет эти логические операции автоматически, неосознанно.

Рассмотрим несколько типических ситуаций. Исследования, посвященные войнам и крупным конфликтам, нередко сводят причины их возникновения к действиям политических вождей и военных руководителей, т.е. приписывают воле, инициативе, амбициям и дальновидности отдельных личностей значение главного фактора. В них опускается вопрос о том, в какой степени и каким образом походы Александра Македонского, военные экспедиции Наполеона или начатая Гитлером Вторая мировая война были порождены состоянием общества, и можно ли считать все последующее развитие прямым следствием этих политических акций? Эмпирический и фактографический подходы игнорируют проблему соотношения индивидуальной воли отдельных исторических личностей и социально-экономических предпосылок военного конфликта. Наконец, эти исследования не отвечают на главный вопрос о своеобразии данного события в ряду подобных. Великие военные конфликты в истории различаются лишь своими внешними и формальными аспектами: политическими акциями, масштабами военных действий, целями и результатами завоеваний.

Другим примером может служить изучение хозяйственной жизни. Нередко в исследованиях, посвященных экономике античности или средневековья, логика поведения людей в сфере производства или денежного обращения уподобляется логике современной экономической жизни. Факты, относящиеся к разным эпохам или регионам, в том числе и современного мира, интерпретируются с точки зрения универсальности экономических законов, а различия в хозяйственной жизни сводятся к измерениям интенсивности развития отдельных институтов или уровня производства. Однако универсальные на первый взгляд экономические законы при ближайшем рассмотрении оказываются гораздо более ограниченными. Они учитывают в лучшем случае специфику экономического развития и поведения людей в западноевропейском обществе нового времени, но не применимы к экономической истории других эпох и регионов. Так же как и в рассмотренной выше ситуации с военными конфликтами, исследователи, ориентирующиеся на факты, занимаются произвольной модернизацией истории: переносят понятия и социальные категории своего времени на события и явления прошлого. Исследовательский подход, который опускает задачу анализа конкретного события с точки зрения особенностей развития общества, исходит из представления, что история – это всего лишь совокупность отдельных и сходных по существу фактов. Этот взгляд в основе своей антиисторичен, он не учитывает того, что история – это процесс изменения общества во времени, причем не только в разные эпохи; одновременно могут существовать общества, чье развитие определяется разными закономерностями.

Определить исторический смысл любого явления в сущности невозможно без учета особенностей того общества, в котором оно укоренено. В свою очередь, определение этих особенностей не может быть дано без использования понятий и концепций, отражающих характеристики устройства общества и закономерности его развития. Эти понятия и концепции

позволяют выявить универсальные для всех социумов элементы. Исследование отдельных обществ в соответствии с этими абстрактными моделями позволяет преодолеть хаос бесконечного многообразия исторических фактов – их можно систематизировать и изучить в рамках определенной системы координат. Только таким образом можно сопоставить различные явления и формы социальной жизни, корректно выделить черты сходства и различия. Вместе с тем концепты и теоретические построения не являются буквальным отражением исторической реальности — они лишь инструмент, позволяющий эту реальность изучить и решить вопросы, которых факты сами по себе не ставят и не разрешают. Историк использует любые социальные модели и схемы как гипотезы, состоятельность которых проверяется только при анализе конкретного материала. Историческая наука, которая изначально была связана со стремлением общества понять закономерности своего становления, стала два столетия назад родоначальницей целого спектра самостоятельных наук об обществе. В настоящее время она обращается к теоретическим моделям и схемам социологии, антропологии, экономики и психологии как инструментам познания общества и одновременно испытывает эти теории на истинность.

Исторический анализ опирается на три категории абстрактных моделей, характеризующих устройство общества и определяющих правила его изучения. Эти категории различаются степенью своего обобщения конкретной реальности. Первая – концепции, трактующие общие закономерности организации общества и его развития. Вторая – понятия, которые претендуют на обозначение общих для любого общества принципов и форм поведения людей, и вместе с тем означающие, что их воплощение было строго индивидуальным в каждом конкретном случае. Третья – методы познания общества, т. е. совокупность проблем и приемов их разрешения, позволяющих вскрывать глубинное содержание исторических фактов.

Е.Ю. Рождественская, к.ф.н. (ВШЭ-НИУ, Москва)

Историческая память и политики меморизации

Статья посвящена социальным аспектам исторической памяти, способу обращения людей с малой, биографической, и большой историей, топосу вспоминать, означивать, понимать. Рассматриваются отношения между индивидуальной и коллективной памятью, функционирование которых в обществе пульсирует в ритме политической задачи. Развитие гражданского общества, его плюрализация востребует и утверждает право социальных акторов на разные исторические памяти, но это приводит к конфликтам в публичной сфере как свидетельствам дискурсивного передела и идеологической борьбы. Стратегии этой борьбы, реализуемой в политике меморизации (*что* стоит помнить и *как* вспоминать), рассматриваются в статье на примере медиализированных образов Второй мировой войны.

Человеческая память и социальная история находятся в непростых отношениях взаимного отчуждения освобождения. Как писал М.К. Лавабр, «память... славится умением тихо, но искренне сопротивляться тогда, когда политические власти грубо обращаются с историей и манипулируют прошлым»¹. Это искреннее сопротивление памяти, не вошедшей в официальную память, соответственно в официальную историю общества, стало широко востребованным в наше время переписывания идеологий. Перестройка открыла архивы, сформулировала политический заказ на новые национальные идеи, заодно либерализировала и отношение к ущемленным социальным группам, коллективная память которых стала оформлять собственные дискурсы. Можно солидаризироваться с мнением П. Нора о предперестроечном Советском Союзе: «В противовес истории, которая практически из лжи превратилась в так называемую научность, возврат к памяти, может быть, и не является прямым подходом к исторической правде, но, без сомнения, является символом свободы и альтернативой тирании»².

¹ Лавабр М.К. Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке / Ред. Е.В. Филлипова, М. Шуаре. М., 1996. С.233.

² Цит. по: там же. С.234.

Исторические науки стали занимать гораздо более активную позицию в воспроизводстве коллективной памяти и чаще рассчитывать на свидетельства очевидцев, чем это было ранее. Идентификация самих историков с собственным социальным слоем, полом, поколением приводит часть из них к тому, чтобы рассматривать, обозначать передачу памяти через участников и свидетелей как «коммуникативную традицию»¹. Под коммуникативной памятью мыслится больше, чем передача памяти благодаря свидетелям событий; скорее, это такие события и связанные с ними стратегии воспоминаний, на основе которых коллективы объединяются в сложном процессе выработки дискурсивных стратегий. Коллективы, о которых идет речь, – семьи, социальные группы, партии или даже этнические и некоторые другие группы с определенным опытом коллективного страдания, преследования, стигматизации и т.д. Они сами культивируют воспоминания исходя из определенных целей. Воспоминание – стартующее прежде всего как индивидуальное – впоследствии конструируется через институционализированный процесс организации воспоминания (например, через фонд памяти) таким образом, что становится чисто коллективным воспоминанием. Мы уже вспоминаем себя в таком модусе, который указывает на коллективные инстанции социализации в рамках коллективов, которые это восприятие контролируют, подкрепляют или отклоняют. Мы рассказываем их в той форме, которая также структурирует эти воспоминания. В этом заключается сложность позиции Устной истории или той ниши культурного поля, на которую она претендует. И еще сложнее она станет со временем, если доминирующие сообщества – не только очевидцы – внесут новые рамки соотношения или изменят доминантный образец толкования. Ведь последующие поколения будут иметь другие ценности и другой горизонт опыта по сравнению с очевидцами, но каждый человек стремится по мере взросления и старения репрезентировать свой аутентичный опыт. Тем драматичнее, если написанная, медиально опосредованная, на выставках представленная история выступает чужой или даже враждебной. Для ставших рутинными воспоминаний столь же трагично простое обесценивание пережитого исторического опыта как форма символической смерти. Эта оспариваемость истории, разорванность различных поколений и социальных групп с собственными переопределяемыми традициями и ставшими самостоятельными мифами «снимается» в единении, реализуемом в стратегиях воспоминаний, а также в создании островков коллективной памяти в виде Фонда жертв Холокоста, «Мемориала», различных биографических архивов. А. Ассман описывает культурную память как перешагивающую эпохи и поддерживаемую нормативными текстами, а коммуникативную память – как, главным образом, связующую поколения через устно передаваемые воспоминания². В связи с историей Шоа (Shoah) Р. Козеллек писал, что Шоа, или Холокост обозначает историю геноцида еврейского народа во время Второй мировой войны со сменой поколений изменяются характеристики воспроизводимого прошлого. Из насыщенного опытом, современного прошлого выживших очевидцев возникает «чистое» прошлое, лишенное опыта³. С вымирающим воспоминанием дистанция не только становится больше, но также изменяет свое качество, которое может быть скомпенсировано фильмами, мемуарами, выставками, картинами. История девочки по имени Анна Франк заново переживается через поставленный спектакль, переизданный на многих языках мира дневник, позволяя поколениям, уже далеким от реалий Второй мировой войны, пережить, а не только узнать, как это было.

Дилемма Устной истории – сохранять и передавать ли микрознание о стратегиях совладания с историей в виде «моральной ущемленности, скрытых защитных маневров, гнева и стыда» в описании истории, что составляет полноту ее субъективного отражения, – или ее задача готовить сегменты лишенной субъективности коллективной памяти для копилки культурной памяти сообщества. А. Ассман задается вопросом, должна ли «история» в голо-

¹ Plato A., von. Zeizeugen und die historische Zunft // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History). Heft 1/2000. S.11.

² Assmann A. Erinnerungsraume. Formen und Wandel des kulturellen Gedachtnisses. Muenchen, 1999. S. 20.

³ Koselleck R. Nachwort // Beradt Ch. Das Dritter Reich des Traums. Frankfurt/M., S.130.

вах, сердцах и телах пострадавших сначала умереть, прежде чем она возродится в качестве науки, как феникс из пепла исследовательских опытов. Объективность, по Ассман, это не только вопрос метода и критического стандарта, но и мортификация, вымирание, выцветание страдания и ущербности¹. Очевидно, что документированная коммуникативная память, которая живет несколькими поколениями, реифицируется при вхождении в культурную память сообщества, объективируясь как нормативный, пограничный или аномативный текст. Вопрос только в том, какова позиция в общем, но не равноценно означенном символическом пространстве культурной памяти, которую займет та или иная коммуникативная память определенной социальной группы. Реабилитация одних с неизбежностью требует развенчания других, поскольку наличие дискурса официальной истории иерархизирует культурное поле по принципу ближе – дальше. Из этого следует, насколько тесно связаны «История и память», «Опыт и история эпохи», насколько актуальны переходы от коммуникативной к культурной памяти, и что теряется, если «насыщенное опытом прошлое» со всеми его стратегиями подавления/овладения прошлым само не становится предметом исследования. Пример такого исследования – документация и анализ воспоминаний еще живых и передача их в «чистое будущее», которое не столь уж и «чистое»: свидетели эпохи, физически умирая, теперь имеют долгую медиальную жизнь после смерти. Их рассказы становятся частью медиальной «культуры воспоминаний» и все больше влияют на коллективную память.

Интерес и потребность социологов в материалах, собираемых в рамках не только устно-исторических, но и биографических исследований, назрела давно. С Устной историей эти направления объединяет тематизация субъективности. Устная история также занимается субъективностью: субъективными воспоминаниями, личными переработками пережитого, индивидуальным поведением и его объяснением в истории, личной ответственностью в исторических процессах и их толкованием вместе с биографическими конструкциями и жизненными путями. Субъективность, индивидуальность, активность актора в процессе социальной практики приобрели легитимность в глазах социолога-исследователя в связи с динамикой социологического знания, интересом к генезису социальных изменений. Как упоминал П. Штомпка в своей книге «Социология социальных изменений», не существует безагентных структур, равно как и неструктурированных агентов. Место встречи тотальностей и индивидуальностей, оперирующих структур и действующих агентов – практика². И если продуктом агентно-структурной реальности является социальное событие, то воспоминание агента об этом событии может пролить свет на репертуар социальных возможностей и структурных ограничений его практики. Воспоминания, опрос свидетелей, биографии и автобиографии, личные фотографии и другие субъективные объекты воспоминаний – важнейшие источники для исследования исторического и социального развития, в котором субъекты, а также их опыты играют существенную роль в анализе развития консенсуса и конфликта в обществе, в отношении между «большой политикой» и субъективными возможностями в общественных отношениях, их границах и связях. В центре внимания – исследование людей в истории и их способе обращения с историей, топосе вспоминать, означать, понимать. Поэтому субъективные свидетельства являются источником для микроистории, где имеется мало других источников, или где субъективные источники вследствие своего предмета выходят на авансцену: например, гендерная идентичность, семья, родство, гендерные роли, стили воспитания, практики труда и профессии, а также воспроизводство элит во властных структурах, партиях и прочих институтах, религиозные связи и ритуалы, их секуляризация и т.д.

Как понятие Устная история – историографический импорт из США, оно прижилось, несмотря на редукцию к источникам устного характера. Но под Устной историей имеется в виду более чем техника опроса свидетелей событий, скорее – смена перспектив в буквальном смысле слова. Речь о другом способе рассмотрения, речь о том, чтобы сделать субъективность и опыт субъектов вообще предметом историографии и объяснить их как передаваемые по наследству или традиции, тем самым они получают статус, ранее неприемлемый в других

¹ Assmann A. Erinnerungsraume. Formen und Wandel des kulturellen Gedächtnisses. Muenchen, 1999. S. 14.

² Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер с англ. Под ред. В.Ядова. М., 1996. С.272.

историографических школах. Для такой постановки вопроса и исследовательских целей недостаточно одних устных источников, необходимы многообразные другие эмпирические изыскания и комбинация методов. Задача Устной истории заключается в том, чтобы с помощью различных источников и методов обнаружить и описать след передачи индивидами и группами населения их опыта, культуры и жизненных форм.

Устная история – междисциплинарное направление на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, антропологии, все более социально ориентированная область истории, которая и методологически (Устная история как дополнительное производство источников через ретроспективное интервью), и концептуально (историческое исследование как субъектно ориентированная наука об опыте) дает представление о новых перспективах социального познания.

Эти перспективы безусловно связаны с историей сознания как индивидуализированным процессом присвоения/освоения истории. Историческое сознание означает в этом контексте синхронию переработки истории, интеграцию биографического в коллективную историю как результат превращения пережитой истории в означенное переживание, соединение прошедшего с современным и будущим посредством поиска смысла. Процесс присвоения истории, автономная реконструкция исторического переживания происходят в воспоминании как модальной форме интернализированной переработки истории.

Устные историки и социологи (П. Томпсон, Д. Берто, Г. Элдер, М. Коли, Т. Харевен) мотивировали свое участие в этом направлении следующим образом: «Нашей задачей было заново внести в социологию не «предмет» (который в большей степени является философской категорией), а конкретный опыт людей, погруженных в социальные отношения и исторический период времени. Мы обращались к людям, которых мы интервьюировали, как к носителям информации о социальных (или, скорее, социально-исторических) средах, истории жизни которых были запечатлены в этих контекстах в конкретное время (хотя и не обязательно вся их жизнь). Мы отдавали себе отчет, что люди, от которых мы получали информацию, общались нам не только «правду и ничего, кроме правды», однако мы полагали, что, собирая множество историй жизни из одной и той же среды, мы сможем обнаружить повторяющиеся модели, относящиеся к коллективным явлениям или разделенному коллективному опыту в конкретной среде. И, в самом деле, нам впервые удалось описать определенные социальные среды и коллективный опыт. Мы считали, что люди приобретают знания относительно механизмов функционирования среды, в которую они вовлечены. Такое знание социальных процессов и структур, без сомнения, имеет лишь частичный характер, однако его невозможно получить иначе (например, в книгах или архивах). Поэтому, с эпистемологической точки зрения, представлялось разумным спрашивать людей об их знаниях – чем всегда занимались антропологи. Кроме того, такой подход представлялся нам возможностью по-новому оценить «врожденные» знания, а, следовательно, и их носителей. Мы считали это полезным и в «политическом» плане, с точки зрения социальной справедливости и моральной реинтеграции в коллективное сознание членов общества более низких социально-экономических классов»¹.

Какие же эпистемологические проблемы устной истории по-прежнему возникают в дискуссии? Прежде всего, это проблема достоверности устной истории. Кто-то ищет в историях следы тщательно похороненной под официальными версиями событий правды, кто-то – логику и типичу совершаемых поступков, кто-то реконструирует причины умолчания или оправдания, как, например, в переведенной на русский язык книге П. Сихровски «Рожденные виновными. Исповеди нацистских преступников»². Правда и вымысел сплетены в единое целое под названием «история жизни». Можно отнестись к вымыслу изящно, как это делает в «Шести прогулках по повествовательному лесу» Умберто Эко. Он рассказывал, что любая реальность в мире реальности может быть поставлена под сомнение. Кто знает, прав ли на

¹ Bertaux D. A response to T.Kochuyt's 'Biographical and empiricist illusions: a reply to recent criticism' // *Biography and Society*. Dec. 1996. P.2.

² Сихровски П. Рожденные виновными. Исповеди детей нацистских преступников. М., 1997.

самом деле Эйнштейн, между тем как в мире вымысла факт смерти Эммы Бовари непреложен... Художественный вымысел дает нам прочный мир, куда устойчивее мира реального, даже если мы привыкли думать иначе¹.

Исследователи автобиографической памяти, не оставляя усилий по развитию методик, стимулирующих рассказчиков к возможно более правдивой версии пережитых событий, тем не менее так же скептически. Так, Б. Росс считает, что «в большинстве случаев задача исследователя заключается не в различении правдивой и ложной «версий» (исключение составляет ситуация судебной экспертизы), а в выявлении пути, которым преобразуется значение действительного биографического факта, и в безусловном признании ценности автобиографического рассказа как способа создания субъектом ощущения реальности переживаемого события»². Внимание исследователя переключается тогда с сомнения в правдивости на анализ направления преобразований запомненного события в процессе жизни. И мы не случайно углубляемся в специальную, хотя и смежную область изучения автобиографической памяти, поскольку вопрос о принципиальной и неизбежной субъективной окрашенности воспоминаний чрезвычайно важен. Из недавних экспериментальных исследований памяти (Тульвинг, Маркович, Гриффит и др.) явствует, что человеческая способность вспоминать свидетельства составлена из семантической памяти, впоследствии переименованной Тульвингом в память знания, и эпизодической памяти³. Эпизодическая память удерживает контекстуально (через время и место) связанные биографические эпизоды, которые позволяют путешествовать во времени (как правило, в прошлое), ее природа часто аффективна. Напротив, память знания (первично семантическая) контекстуально свободна и тем самым современна. Если эпизодическая память всегда основывается на активном воспоминании себя, то память знания соотносится с «чистым» знанием об информации. Поэтому отношение обеих систем памяти между собой – это встраивание эпизодического (воспоминания) на уровень знания, а не наоборот. Другие особенности автобиографической памяти, по Тульвингу, состоят в том, что информация должна пройти сначала семантическую память, прежде чем сможет достичь уровня эпизодической, и что часть информации «отвердевает» на уровне знания, в то время как другая часть связности с контекстом репрезентируется эпизодически. Если вызывать воспоминание, стимулируя в ситуации интервью рассказ о прошлом, насыщенный конкретными эпизодами, то есть апеллировать к эпизодической памяти, то не удастся минуя семантики, заложенных значений, поскольку именно через семантическую память информация «закладывается на хранение». Это означает принципиальную невозможность «очистить» автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических императива: «реабилитацию» субъективности и развитие техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих произошедшее-пережитое-рассказанное.

Серьезная критика субъективных источников в историческом исследовании касается следующих оснований:

- как субъективные источники, они отражают только воспоминания отдельных индивидов, не давая обоснованных обобщений относительно опрошенных;
- они возникли вследствие субъективных интересов;
- эти источники, например, автобиографии, возникли гораздо позднее описываемых событий и часто в целях легитимации;
- ничто так не обманчиво, как воспоминание или память, населенные новыми событиями и опытами;
- устные источники возникают благодаря диалогу с Другим, преимущественно оценивающим, и тем самым создают собственные источники, которые в большей степени отражают

¹ Eco U. Interview of M. Arseno with Umberto Eco // Lire. November, 1991.

² Ross B.M. Remembering the Personal Past. Descriptions of Autobiographical Memory. Oxford University Press, N.Y., 1991. P.10.

³ Markowitsch H.J. Die Erinnerung von Zeitzeugen aus der Sicht der Gedächtnisforschung // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History). Heft 1/2000. S. 30-50.

современность и взгляды участников или коды их понимания, их отклонения или идентификации¹.

Часть представленной критики относительно «опыта» или значения «субъективности» основывается на определенной подмене. Если исключить те работы по истории, например, менталитета, которые относятся к источникам памяти некритично, недифференцированно, с наивной верой в их правдивость, останутся работы, обращающиеся к исследованию субъективности в истории и нуждающиеся именно в тех источниках, которые могут опосредовать эту субъективность. Выбранный метод исследования должен соответствовать его предмету. В таком случае те, кто критикует субъективность источников, должны в действительности критиковать не источник, а постановку вопроса.

Кроме того, многие пункты критики, направленной против субъективных источников, можно адресовать любому другому источнику, особенно официальным документам, которые разработаны субъектами социальных институтов со специфическими интересами. Очевидно, что здесь мы выходим за рамки собственно истории и конкурирующих внутри нее парадигм, – ведь то, что ограничивает политическая культура, позднейшая история утрачивает, если пренебрегает субъективным опытом и проработкой истории.

Год юбилея окончания Второй мировой войны обязал – и всех по-разному – вновь обратиться к теме памяти, – коллективной, индивидуальной, но не единой. Плюралистичные общества современности порождают и разные «памяти» как различные толкования одного и того же события с точки зрения определенного коллектива, социальной группы. Существенный культурный сдвиг заключается, пожалуй, в том, насколько эти «иные» памяти приобретают институционализированный характер. Монополия одной большой истории вынуждена тесниться и не без боя отдавать часть дискурсивного пространства иным коллективным «памятям» как полям иного смысла.

Но есть и другое, непространственное, – временное изменение толкования исторического сюжета, которое происходит как смена перспективы. Переживание военных событий вначале стартует как аутентичное воспоминание непосредственных участников – современников тех лет. Затем возникает новая фаза, изменяющая перспективу восприятия исторического события, – медиализация через романы, фильмы, выставки. Наконец, третья фаза связана с политизацией – пересмотром смысла, девальвацией прежних политических ценностей, переносом геополитических акцентов, сменой поколений с новыми задачами политической социализации и т.д. Итог – все более расходящиеся непосредственное воспоминание и память о нем. Здесь имеются в виду не последствия естественной убыли населения, выражаясь демографическим языком, или драма уходящей природы. Мы подразумеваем (и потому спешим описать) те сложные идентификационные проблемы, которые выпали на долю поколения, которое пережило, училось языку рассказа, рассказывало другим, а затем не узнавало себя в том дискурсе, который преобладал либо утрачивал свои позиции в изменившейся социальной истории. Более того, сегодняшний день дарит нам удивительные картины битвы за свою интерпретацию (но за свое ли переживание?).

Подобный инсайт демонстрирует Прибалтика – Латвия, Рига, на улицах которой фронтовики с советскими медалями и латышские легионеры СС шли соседними улицами, свидетельствуя тем самым, что непосредственные участники исторических событий уже не делегируют свою память историкам как экспертам по прошлому и политикам как держателям исторического дискурса в политически легитимных целях. Прикрытые 9 мая платком медали, высаживаемый из троллейбуса шофером титульного этноса фронтовик с иконостасом на груди – свидетельства памяти, уходящей в подполье, редкого и краткого безвременья, промежуточного дискурса уходящий и нарождающийся, опосредующего новую дискурсивную иерархию. Тот посыл, с которого мы начали, – плюрализация обществ востребует разные памяти – с очевидностью представляет высоко конфликтную публичную сферу, в которой нет места мирному сосуществованию, возникает соблазн манипуляции, инсценирования воспо-

¹ Plato A., von. Zeizeugen und die historische Zunft // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History). Heft 1/2000. S.7.

минания в целях политически ангажированных *памятей*. Политика открывающихся на краткий период архивов, эпохи гласности, остроумно названной немцами *Milchglasnost* (симулякр из гласности и молочного стекла), манипуляции со спецхраном, коллективные мероприятия к юбилеям, прокатывающиеся волны мемуарного освоения ушедших событий – все эти сюжеты говорят о том, что коллективная память общества пульсирует в регулируемом политической задачей ритме.

Парадоксальным образом это может привести к исчезновению самого воспоминания, когда доминирующую позицию занимает политизированная версия истории, инструментально относящаяся к памяти и вычищающая иные аспекты, версии, что в итоге и приводит к омертвлению переживания. Этот процесс заметен в нарративах фронтовиков, которые вовлекаются в рассказ о пережитом по накатанному сценарию и используют устоявшийся язык. В результате новые темы, не столько факты, сколько ракурсы тематизаций рассказа вне героического дискурса (рассказ о том, как Мы ковали победу, как выстояли)

приводят часто к языковому ступору или порождают иного лингвистического субъекта (и соответственно проблему совмещения рассказов). А поколения уже непрямых к войне столкнулись с проблемой ритуализации отфильтрованного военного прошлого и, как следствие, с эмоциональной усталостью и частичным отторжением.

Остановимся на эмпирическом анализе одного упомянутого аспекта – медиализации как культурной политике меморизации. Этот аспект привлекает нас скрытым характером подготавливаемых изменений коллективного сознания, своего рода метафорой «черного ящика», когда известно, что на входе и выходе, но скрыта внутренняя конструкция. Одной фразой (принадлежащей Лассуэлу) – «кто что сказал, кому с каким эффектом» – раскрывается методологический подход к реконструкции медиализированных усилий по культивированию той или иной памяти как дискурсивного явления. И в этом смысле различаются собственно история как прошедшая реальность и тот образ относительно истории, который создается в нашем сознании с помощью медийных и арт-возможностей на пересечении образов памяти о пережитом-рассказанном и того репертуара смысловых интерпретаций, которые порождены актуальным социально-культурным контекстом.

Очевидно, спрос, социальный заказ на медийную интерпретацию прошлого может быть сформулирован в той ситуации, когда все меньше становится непосредственных носителей аутентичного исторического опыта, обращение к которым реализует стремление понять, «как это было», из первых рук, а их социально-возрастной статус в обществе снижается. Доминирующая массовидная культура воспоминания уступает со временем место маргинализирующейся культуре уходящего поколения, чей этос тем не менее инструментализируется в целях легитимации ценностей государственного порядка. То есть возникает временная поколенческая дистанция по отношению к завершеному историческому событию, и эту позицию, это пространство стремится занять медийная структура, привносящая новые (или, скорее, ревитализирующая прежние, работавшие) социально-политические значения на языке новых поколений. Прежде чем очертить фреймы анализа, стоит упомянуть изменившийся контекст взаимоотношений медиа-мира, политики и искусства, о которых писал Б. Гройс в «Феноменологии медиального мира»¹. Он полагает, что «искусство оказалось в другом отношении к политике, по сравнению с тем, в котором оно находилось все это время. Оно начало оперировать в том же пространстве, в котором оперирует политика». Сближение систем политической и художественной репрезентации имеет следствием превращение политика в художника по объему производимой художественной продукции (постеры, клипы, документальные фильмы, ток-шоу и пр.), присутствию в средствах массовой информации и степени своей медиализации. «Мы живем в идеальной системе, в которой художник не является основным производителем визуального... Именно эта новая ситуация художника – потеря художником монополии на эстетическую репрезентацию политики – превратила радикально-политическую акцию в новый предмет интереса для искусства, именно эта потеря художни-

¹ Гройс Б. Феноменология медиального мира // http://azbuka.gif.ru/_important/groys-art-moscow-2004/

ком контроля над производением искусства». Эстетизация политического пространства и политизация, привнесение политического дискурса в сферу искусства задают рамки той темы, которую мы назвали *политиками меморизации, медиализации и визуализации в отношении прошлого*. Здесь для нас важен тот аспект медиа-сферы, который per se создает интригу презентации. Б. Гройс делится своими наблюдениями: «Если вы спросите любого специалиста по медиа, каким образом создать медиа-фигуру, любой американский специалист скажет, – «вы должны быть controversial». Это означает, что вы должны создать такой имидж, который представляет ситуацию некоего столкновения, конфликта. Это является современной медиальной иконой в форме controversial, то есть в форме конфликта или кризиса. Икона пространства, в котором происходит идеологическая борьба, где сталкиваются различные современные пропагандистские машины, которые функционируют таким же образом, как и пропагандистская машина церкви»¹. Таким образом, современное искусство политизируется, стремясь к медиальным репрезентациям, поскольку попадает ввилку отвержения либо поклонения.

Социальный аспект производства медиализируемого образа, участвующего в дискурсивной игре меморизации, с очевидностью увязан с теми социально-политическими идентичностями, которые мобилизуются в процессе этой игры. Ниже мы рассмотрим текст, произнесенный во время публичной дискуссии о вкладе СМИ в память о войне Е. Немых², режиссером телекомпании НТВ, автором сценария и режиссером проекта «Рождение Победы». Продукт – гламурное игровое кино, стилизованное под фильмы 1960-х, в сопровождении биографических рассказов известных в стране персонажей. Но речь автора интересна прежде всего с точки зрения публично конструируемой позиции оправдания (почему я это делаю) и обнаруживаемой биографической дилеммы (скрытый выбор собственной идентичности), что в целом оказывает влияние на образы меморизации.

Нижеследующий, законченный в смысловом отношении отрывок содержит, словами французского социолога Л. Тевено (L. Thevenot), несколько режимов оправдания. Режим оправдания отвечает дискурсу коллективной аргументации и координации действий, которые затем разворачиваются в более узком формате режима запланированного действия, в терминах целей и средств их достижения. Режим оправдания соотносится с различными ценностями, которые могут стать основанием определенного видения ситуации и ее публичного определения и критики: например, рыночные ценности, гражданские, технократические, приватные, ценности публичности. Аргументация с точки зрения одной ценности неизбежно ведет к критике других, провоцируя напряжения. Первый из режимов оправдания, который мы здесь встречаем – частный, биографический, т.е. собственная причастность к истории благодаря судьбам близких родственников:

«...я хочу все-таки сказать о своем отношении к проекту «Рождение Победы»... Для этого мне вкратце придется рассказать свою семейную историю. У меня оба деда воевали, и оба погибли в 1941 г. Погибли они, по странному стечению обстоятельств, практически в одном месте – под Тулой. Один из моих дедов был из семьи раскулаченных и репрессированных, он попал в штрафбат. Когда мне еще не было 10 лет, бабушка рассказывала, как она провожала деда, а он плакал и потихонечку ей на ушко сказал: «Ты знаешь, нам вообще не дают оружие». То есть их без оружия выгнали в чисто поле, под танки. Вот это, наверное, и есть та правда, которую поприветствовали бы мои старшие товарищи (участники дискуссии – авт). Другой мой дед, мамин папа, был начдив, у него все было прекрасно, он был красным командиром. Он тоже попал под Тулу и там погиб. В 1975 г. было празднование очередного юбилея Победы и нас нашли «красные следопыты». Это были пыльные брежневские времена, тогда это было полным официозом. Нас привезли под Тулу, там маршировали

¹ Там же.

² Дискуссия «Память о войне в современных российских СМИ» состоялась 15 октября 2004 г. в рамках конференции «Малые Банные чтения», организованной журналом «Неприкосновенный запас» при участии журнала «Osteuropa» и поддержке Немецкого культурного центра им. Гёте (см.: Неприкосновенный запас. 2005. №2(3) (40(41)).

пионеры и играли оркестры, я первый раз увидела фронтовиков. Мне это было глубоко противно – потому, что официоз никак не сочетался с моим отношением к истории семьи, потому, что я знаю, что было потом с моей бабушкой, которая осталась одна с пятью детьми на руках. Что я хочу этим сказать? У меня два деда, мне сложно было разделить их в своем сознании. Когда я стала погружаться в проект «Рождение Победы», мне было важно найти интонацию, верную для них обоих. А это и оказалось сложным».

Биографический режим оправдания построен на стремлении совместить образы обоих дедов, несмотря на разорванность их общей истории: один репрессирован, другой – признанный герой-командир. Следовательно, режимы запланированного действия должны были бы выдать зрителю картинку сложной «полной» истории, озвученной через свидетельские голоса переживших. Режим оправдания, введенный Е. Немых, скорее всего, имеет отношение к содержанию национальной государственной идеи. Ее смысл возможно сформулировать следующим образом: гласность добавила сложности истории, но не отменила главного – подвига, поэтому основная/официальная ее версия не подлежит изменению.

«Что я могу возразить своим оппонентам? (Звучали упреки в клишированности, официальной версии истории войны, заказе – авт.). Когда Горбачев принес нам свободу слова, а при Ельцине появились независимые средства массовой информации, возникла новая правда о войне и всплыло много историй, которые все это время замалчивали. Мне кажется, истина лежит где-то посередине. Были все эти истории, но и подвиг был, и ходили они в атаку под красным знаменем, хотя для многих сейчас это знамя КПРФ и Зюганова. Самое сложное сейчас – найти истину. Но 9 мая для очень многих граждан все равно День Победы. Это, может быть, единственный праздник, связанный скорее не с идеологией, а с национальным самосознанием. Да, во времена Брежнева он был фальшивым. Когда мы начинали работать над «Рождением Победы», оказалось очень сложно работать с этим материалом».

Следующий фрагмент, отражающий режим запланированного действия, раскрывает приоритеты, вытекающие из оправдательных мотивов. «Истина, что посередине», развертывается в понятный каждому видеоряд в сопровождении настоящих документальных историй. Важно отметить здесь термин «понятный» как эвфемизм известного, что понадобится нам ниже.

«Почему возникли эти ролики? Я не знаю, насколько наша концепция считывается при просмотре программ – надеюсь, что ближе к Дню Победы это станет понятнее. Все действие происходит в кинотеатре, мы показываем фрагмент, стилизованный под советские фильмы о войне. Я писала сценарии, естественно с помощью военного консультанта, ко всем 60 роликам и прибавить к ним ничего не могу. Они действительно отчасти придуманные и, наверное, никакого отношения к действительности не имеют. Но это же ролики – без слов под музыку смонтированный видеоряд, понятный любому зрителю. А вот сопровождаются они настоящими, документальными историями. Они очень разные – есть и те, в которых рассказывают, как необученных солдат выгоняли под танки, а есть, где, наоборот, шли умирать с именем Сталина на устах. Правда в том, что было и то, и это – было смешное и грустное, ужасное и восхитительное, если можно применить такой термин к войне».

И, наконец, еще один заход на режим оправдания, обозначим его псевдогражданским¹. Его уплотненное содержание таково: прилюдная порка эпохи гласности себя изжила, отсюда возникает общественная потребность в истине о войне на другом уровне.

«И здесь нельзя не учитывать мнение общества. По крайней мере, нам, телевизионщикам, нельзя. Ведь проблема не в том, что правительство что-то навязывает, – общество устало бесконечно слушать, какой русский или советский народ такой-растакой. Ни в одной другой стране этого нет, я в этом уверена. Вот так прилюдно себя пороть десять лет, честно вам скажу, надоело. Мне кажется, что важно осмыслить войну и найти истину на

¹ Псевдо – хотя бы потому, что это позиция корпоративная («телевизионщиков») манипулятивная (им известно, что общество «устало» и какое именно общество).

другом уровне, в ходе своего рода дискуссии. Я сейчас искренне говорю о своих чувствах, своих мыслях».

Если мы вспомним посыл биографического режима оправдания как стремления идентифицировать себя с обоими дедами, представить, завизуализировать, отдать должное историям как одного, так и другого, и попробуем найти точки соприкосновения с другим прозвучавшими режимами оправдания, то обнаруживается следующее. Между частно-биографическим сюжетом (историческая правда обоих дедов, равно имеющая право на доступ к дискурсивному пространству масс-медиа) и гражданским уровнем оправдания существует противоречивое напряжение. С одной стороны, справедливо рассказать и о репрессированном деде; с другой стороны, или на другом уровне оправдания, общество устало от этих историй. И делая выбор в пользу «иной истины», золотой середины, подвига, прагматика этого шага скрыто подвигает и к биографически идентификационному выбору в пользу деда – красного командира, у которого «все прекрасно». И теперь дополнительный, валидирующий наши рассуждения, момент.

В развившейся впоследствии дискуссии на вопрос К. Эрнста: *«Вы говорите о том, что хотите создать многостороннюю правду. А вы бы поставили, например, рассказ человека, который воевал в РОА, во власовской армии? – Почему нет? Интервью идет ровно 40 секунд. Если за 40 секунд будет яркая и понятная история, мы, конечно, ее дадим. Если она будет запутанная и без определенных комментариев непонятная, то, скорее всего, она не пойдет».*

Выше мы отметили режиссерский критерий отбора историй и сюжетов – понятность всем и каждому. Потребность в комментариях сопровождает любой, не вписывающийся в официальную версию истории войны, сюжет. Запутанность – свидетельство противоречия интерпретаций и «разных правд» участников событий, имеющих различную легитимность в доступе к праву на мета-нарратив истории.

Соответственно, избегая запутанности, сложности, неоднозначности, эта позиция воспроизведет прежде всего принятую, известную и таким образом понятную историю (войны). Этим примером мы хотели показать, как корпоративное сознание причастных к производству медийных образов (войны) совершает серию выборов в напряженном поле различных режимов оправдания. Социальная подоплека этих выборов в нашей культуре и актуальных поколениях, переживших и еще удерживающих в памяти опыты войны, репрессий, послевоенного времени, а также испытавших травму социально-стратификационных перемен, весьма драматична и противоречива.

В заключение, обязывающем к более широким выводам, отметим, что проступают параллели между проблематикой противоречивого биографического опыта, официальной макроистории о войне и политикой медиализации, объединяемые термином «фигура умолчания». Документация военного прошлого (от события до повседневности) в медийном пространстве стремится избегать конфликтности как характеристики современного политизированного медийного продукта, предлагаемого на культурном рынке, но, с очевидностью, западном. Вследствие этого и возникают гламурность, хрестоматийность, стилизации и все большее отдаление и разрыв события, переживания и рассказа о нем. Непроговоренность всех сложных, неоднозначных событий войны в публичной сфере как ее уже дискурсивная «непрожитость» блокирует и на индивидуальном уровне готовность принять другие «правды» о войне.

Рассматривая характер коллективной памяти россиян о войне на основе многочисленных репрезентативных опросов, известный социолог Л. Гудков приходит к выводу, что «российское общество миновало период критической переоценки своего прошлого, в том числе – и военного, оставив в стороне дискуссии о «цене» победы, оценку предвоенной и послевоенной политики. Сегодня память о войне и победе включается главным образом механизмами консервации социального целого, удерживающими общество от усложнения, функциональной дифференциации. Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызова-

ми вестернизации и модернизации, общества, не выдержавшего напряжения начавшихся социальных изменений. Российская власть поэтому вынуждена постоянно возвращаться к тем травматическим обстоятельствам своего прошлого, которые воспроизводят ключевые моменты национальной мобилизации»¹.

Эти возвратно-поступательные движения идеологической машины между политическим заказом и собственно историей становятся все более затухающими, поскольку исчезает со сцены непосредственный участник и свидетель этих событий. Тем более важно деконструировать связь «политизация – медиализация – непосредственное воспоминание», поскольку во временной перспективе она будет дополняться и осложняться мифологическими образованиями.

Н.В. Романовский д.филос.н. (зам. гл. редактора журнала «Социс», Москва)
Историческая социология в структуре социологического знания

Историческая социология – относительно и старая и новая социологическая дисциплина. «Старая» – потому что первые попытки ее осмысления и изучения делались более ста лет назад. Новая – потому что в нашей стране она по существу делает первые шаги. Непросто выявить специфику исторической социологии, как непросто найти соотношение между историей и социологией. Даже в публикациях, которые претендуют на право быть исторической социологией, нередки крайности. Одни авторы тяготеют к истории, отводят социологии инструментальное место, другие решают чисто социологические задачи и т.п. Это проявляется в характере статей в рубрике «Историческая социология», которая появилась в журнале «Социологические исследования» с мая 1998 г. Ситуация в этой отрасли социологического знания достаточно сложна и специфична. Для ответа на возникающие вопросы следует рассмотреть ряд основополагающих теоретических аспектов исторической социологии. Анализ генезиса комплекса этих проблем позволяет выявить *пять (минимум) контекстов функционирования исторической социологии* и выйти на вопрос ее обновления и укрепления статуса в рамках современной отечественной социологии:

1. *Исторический*. За годы существования исторической социологии сложилось множество точек зрения на ее специфику. Менялось отношение социологов к исторической науке: Конт определял социологию как историю без дат и имен; позднее имело место увлечение поиском законов истории; какое-то время исторические данные служили одним из главных источников информации для социологов, и т.д. Менялись научные дисциплины, в рамках которых велись исследования настоящего и прошлого общества. Появление не в столь отдаленном прошлом «социальной истории», активное использование в исследованиях историков социологических методов и техник, изменения представлений о взаимодействиях истории и социологии, – все это влияло на понимание предмета «историческая социология». Так, многолетнее использование методов социологии учеными школы «Анналов» (Франция) уточнило диапазон и пределы социологического анализа в практике историков (менталитеты, роль природной среды, гендер и др.).

2. *Социологический*. Обособление исторической социологии во времена М. Вебера и Э. Дюркгейма только начиналось: не было жесткого различия между социальными фактами и фактами историческими; собственно социологические методы исследования эмпирической реальности тогда только создавались; социологи широко использовали материал истории для формирования выводов – практически как решающий банк эмпирических данных. Но на этом этапе обнаружилось зависимости между пониманием предмета социологии и разработкой проблем исторической социологии. Были попытки понять ее как философию истории, изучение законов (закономерностей) исторического процесса. Формировавшиеся отрасли социологического знания по-своему (и по-разному) относились к истории. Бурное развитие прикладной социологии снизило интерес к исторической социологии, но в конце XX в. она стала признанной отраслью знания.

¹ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3.

3. *Общенаучный.* Проблемы взаимоотношений социологии и истории затрагивали комплекс наук об обществе. Историческая социология причастна к спорам позитивистов с антипозитивистами, неокантианцами, «спорам о методе», о соотношении исторического метода с социологическим, о законах и закономерностях общественного развития. Общественные науки обогащались социологическими теориями, терминологией, техниками сбора эмпирического материала, измерений, методами анализа и синтеза. Уточнения специфики социологии как науки касались и исторической социологии. Историческая социология причастна к спорам о классификации наук, о специфике знания об обществе, о «социальной науке», «исторической социальной науке», о новых научных дисциплинах (культурология, социальная антропология, этнология и др.).

4. *Общественный.* Социология (и историческая социология) меняли круг общественных функций. Социальная физика Конта служила исправлению язв, идеалам научного руководства обществом, а эволюционные теории социологии были в сущности своей историчны. М. Вебер исторической социологией называл социологию, обеспечивавшую историко-эмпирическое обоснование современных релевантных выводов¹. Разные страны в разной степени реализовали возможности социологии (и смежных наук об обществе) влиять на общественные процессы. Подвижки в обществе, общественном сознании стимулируют переосмысление прошлого. В Англии и США в 1960-е гг. активно стали изучать социальные низы, массовые движения, позднее – гендерные аспекты истории. В Южной Африке потребовалось «переписывание» истории для преодоления идеологии апартеида. Даже с учетом отказа части социологов от позитивизма участие в делах общества, активная социальная роль остается спецификой социологии.

5. *Российский контекст.* Энтузиасты веры в законы истории, в возможность их использования обратились к исторической социологии в России во второй половине XIX в. В советское время значительная часть литературы (она показана в следующем разделе статьи), близкой к исторической социологии или называемой авторами таковой, сложилась в условиях, когда ученые были вынуждены, прежде всего, выяснять отношения с истматом, истории с социологией, разяснять методы, пользу историко-социологического знания. До настоящего времени заметно наследие ограничений на интерпретацию исторического процесса, социологические и исторические исследования. Объем социологического освоения проблем нашей истории отечественной наукой и зарубежной пока не в пользу первой. Сохранились опасения «социологического империализма», «вульгарного социологизма»; не преодолен синдром репрессий против школы М.Н. Покровского. В трудах историков чаще всего используются отдельные методы социологии.

Для анализа реальной ситуации с историко-социологическим знанием (в современной России и за рубежом) создан банк данных о соответствующих публикациях. Число публикаций на русском и иностранных языках, с которыми была возможность познакомиться непосредственно и по ссылкам в научных публикациях, близко к тысяче. Некоторая часть вошедшей в банк данных литературы приведена в ранее публиковавшихся статьях в журнале «Социологические исследования»², что позволяет минимально сослаться на литературу. В банк данных включались:

- труды, авторы которых отнесли их к жанру исторической социологии;
- публикации в международном «Журнале исторической социологии»;
- статьи из историко-социологических рубрик «Социса»;
- труды, анализирующие соотношение истории и социологии и касающиеся в разной мере проблем исторической социологии;
- исторические работы с большим объемом социологических методов и информации, близкие к дисциплине исторической социологии.

¹ Wei B. J. Max Webers Grundlegung der Soziologie. Munchen u.a. 1992. S. 94.

² Тощенко Ж.Т. Историческая память и социология: Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социс. 1998. № 5.

Дифференциация включенных в банк данных работ делалась по основанию – цель постановки и решения проблемы, которую автор рассматривает как историко-социологическую. По этому критерию выделены следующие группы такой литературы:

1. Попытки нормативного описания исторической социологии как дисциплины. Так в отечественных справочных изданиях по социологии формулируется специфика исторической социологии¹:

- изучение исторических процессов развития общества,
- изучение социальных систем, институтов и явлений,
- разработка социологических теорий исторического развития,
- методов анализа исторических данных,
- прикладные историко-социологические исследования.

Условно говоря, дифференциация осуществлена по целям и, укрупненно, по уровням (мета-, микро- и мезо-). Приводимые ниже данные такое описание дополняют.

2. Социологический ретроспективный анализ институтов, структур, ценностей и др. обществ прошлого; показ того, как социологическое знание применимо к прошлому, например, античность, что человеческому обществу присущи изначально определенные механизмы и процессы, что многие аспекты прошлого актуальны для современности. Типология подобных социологических этюдов показана в анализе публикаций в «Журнале исторической социологии». Те же сюжеты отражены в рубрике «Историческая социология» нашего журнала: социальные слои и группы, социальная мобильность, гендер, демография, государство, модернизация, институты, ментали-теты, повседневность и т.п.². Монография А.И. Черных о социальных институтах советского общества 1920-х гг. определяет целью исторической социологии «понимание повседневной жизни» ушедших поколений, – важная составляющая нашей собственной жизни³.

3. Построение теорий, концепций социологии на эмпирической базе исторического (и современного) материала. Здесь образцом являются труды классиков социологии на этапе становления и развития в конце XIX - начале XX вв. исторической социологии.

4. Историческую социологию как поиск общего (всеобщего) в историческом процессе рассматривали В.О. Ключевский – энтузиаст исторической социологии, его многие ученики. Курсу истории России он ставил «социологические задачи», назвав историю подготовительной ступенью «научного здания социологии». Со временем, по его словам, из науки о том, как строилось человеческое общежитие – «и это будет торжеством исторической науки» – может выработаться общая социологическая часть ее – наука об общих законах человеческих обществ⁴. В этом же направлении шел П. Сорокин, анализируя циклы социально-исторического процесса⁵.

5. Концептуализация исторической социологии как теоретического поиска законов и закономерностей общественно-исторического процесса⁶. Э. Барнс понимал предмет исторической социологии как «теорию социальной эволюции» от первобытности до современности⁷.

¹ Энциклопедический социологический словарь. М. 1995. С. 716-717 - перепечатка из ранее изданного справочника по западной социологии и реферативного обзора ИНИОН РАН. Автор этих работ В.В. Кудинов.

² Галкин Е.Б. Некоторые историко-социальные черты российской монархии // Социс. 1998. № 5; Герасимов Г.И. Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919-1941 гг. // Там же. 1999. № 8; Орлов И.Б., Лившиц А.Я. Социологический анализ «писем во власть» (1920-е годы) // Там же. 1999. № 2; Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Там же. 1999. № 9; и др.

³ Черных А.И. Становление России Советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С.19.

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 5, 9, 15.

⁵ См.: Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социс. 1998. №12.

⁶ Ельчанинов В.А. История и социология. Уч. пособие. Барнаул, 1992; Бобров М.Я. Законы исторической социологии и методы их исследования. Барнаул, 1999; Иванов В.В. Введение в методологию социологии. К проблеме соотношения методологии и методики в социологии науки. Казань, 1997; Он же. Методологические основы исторического познания: Учебное пособие по исторической социологии. Казань, 1999; Он же. Введение в методологию социологии. Казань, 1999; и др.

⁷ Barnes H.E. Historical sociology: its origins and development. Theories of social evolution from cave life to atomic bombing, NY, 1948.

В советских условиях подобные закономерности общественно-исторического процесса достаточно жестко сформулированы в теории исторического материализма. Частично эти труды нельзя отнести к исторической социологии, если в них нет социологической специфики.

6. Историческая социология как метод исследования этнографических явлений¹. Это часть наследия времен, когда только в этнографии (а также лингвистике) в какой-то мере разрешалось применять социологические методы.

7. Описание возможностей инструментального использования методов, техник, приемов социологии историком, показ, о чем писали Дюркгейм и другие, близости истории и социологии². В наших условиях это также пришло из времени, когда, прежде всего, приходилось (путем демонстрации на примерах) доказывать возможность использования социологии за пределами конкретных социальных исследований.

8. Компаративные историко-социологические исследования. Их объектом становились современные революции, судьбы крестьянства в модернизирующемся мире, модели модернизации на примерах нескольких стран и т.п. С помощью сравнений формулируются, проверяются, уточняются теории среднего уровня, метатеории. В последнее время стала объектом социологических сравнений, например, история СССР в рамках теории модернизации, индустриального общества³.

9. Сопоставление социологических данных за достаточно продолжительный период времени, часто с определенными интервалами, позволяет выявлять тенденции, реально происходящие в социальных, межнациональных и других отношениях. В СССР – это исследование изменений в 1930-е, затем 1960-70-е гг. в селе Копанка, этносоциологические исследования⁴ и др. В Великобритании начиная с конца прошлого столетия с интервалом в десять лет проводилось исследование «Бедность в Йорке»; в США известность получили исследования Мидлтауна (среднего города).

10. С исторической социологией связано изучение исторического сознания, исторической памяти – своеобразное отражение в сознании и поведении людей исторического опыта народа, формировавшего реально функционирующие ценности, мотивы и др., – часть общественного сознания народа.

11. Характеристика крупных социологов, историков, этнографов и др. с точки зрения исторической социологии. Так, в учебном пособии «Историческая социология»⁵, показаны соответствующие аспекты творчества Н. Данилевского, К. Леонтьева, О. Шпенглера, П. Сорокина, Л. Гумилева. Персоналии печатал международный «Журнал исторической социологии».

12. Публикации источников по исторической социологии практиковала редакция «Журнала исторической социологии». В журнале «Исторический архив» опубликован журнал дежурных секретарей Сталина, демонстрирующий характерные черты стиля этого государственного деятеля. Такого же рода источники – справочник абонентов правительственной связи АТС-1 («кремлевка»), справочники по историкам, социологам России, которые могут дать количественные и качественные характеристики названных групп и т.п.

¹ Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977.

² Громыко М.М. О некоторых задачах исторической социологии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 3. № 11. С.115-120; Дробижина Л.М. История и социология. М., 1971; Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1987; и др.

³ Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth. 1977; Skocpol T. States and social revolutions. A comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge. 1979; Rimlinger G.V. Welfare policy and industrialization in Europe. America, and Russia. NY., 1971; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989; Вишневский А.Г. Серп и рубль? Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа России и Японии // Социс. 1999. № 4; Островски К., Тюни Г. Три политические культуры в Европе // Там же. 1998, № 2; и др.

⁴ Копанка 25 лет спустя. М., 1965; Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социс. 2000. № 4.

⁵ Афанасьев В.В. Историческая социология. Барнаул. 1995.

13. Отдельно можно выделить источники в большей мере количественного социологического анализа - историко-статистические публикации.

14. Социологические исследования прошлых лет, в настоящее время ставшие источниками трудов по исторической социологии¹. В особой мере это касается социологического знания, накопленного в России в досоветские времена и в первые 15 лет советской власти. Перечень таких публикаций достаточно велик и на русском, и на иностранных языках. Журнал «Социологические исследования» по возможности знакомит современников с этим наследием². В своей массе эти материалы не введены в научный оборот. К сожалению, современные обществоведы в России слабо знают публикации, которые длительное время находились на специальном хранении, как, например, данные опросов учащихся в педологических журналах «На путях к новой школе», «Педология», «Народное просвещение»; интересны как социологические источники, ждущие интерпретации, губернские статистические издания 1920-х гг., спутники активиста, отчеты к съездам Советов и т.п.

15. История современности (нового, или новейшего времени как эпохи) с опорой на социологическое освоение прошлого и с выходом на прогнозы общественного развития. Пример здесь работы И. Валлерстайна³.

16. Выделяются историко-социологические труды, цель которых – идеологические (ненаучные) задачи. Характерная черта таких трудов – под заранее взятую автором схему (грядущей мировой революции и т.п.⁴) подбираются факты.

Можно заметить, что группировка публикаций по исторической социологии достаточно условна и не завершена; в ней, например, не выделены работы, рассматривающие взаимосвязи, взаимодействия истории и социологии. Но банк данных – при всей условности выделения его составляющих – расширил понимание типологии задач, решаемых в трудах жанра исторической социологии. Разные грани показанных выше подходов, осуществлявшихся в рамках индивидуально трактуемой исторической социологии, многоликость функций, целей трудов по исторической социологии отражают практику постановки и решения широкого круга задач. Вместе с тем, очевидно, часть из охваченных нашим банком данных публикаций могут не рассматриваться как часть исторической социологии, поскольку носят характер инструментальный, вспомогательный, находится на периферии социологического знания или вне его. На наш взгляд общеисторические, социальные закономерности, – тема отдельного разговора.

Наиболее близки проблемам нового в социологической теории и практике (в применении к современной России) позиции 2, 3, 4, 8, 15; социологический ретроспективный анализ институтов, структур, ценностей прошлого; показ того, как аспекты прошлого связаны с актуальными современными проблемами, оказываются составной частью нашей жизни; построение теорий, концепций социологии на эмпирической базе исторического (и современного) материала; компаративные историко-социологические исследования, в которых формулируются, проверяются, уточняются теории среднего уровня, метатеории; история современности как эпохи, опирающаяся на социологическое освоение прошлого и делающая прогнозы общественного развития. То есть, в контексте постановки проблем данной статьи, выделены

¹ Зингер Л. Национальный состав пролетариата в СССР. М., 1934; Авдеев Н. Трудовые конфликты в СССР. М., 1928; Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Чч. 1-2. М., 1925; Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л. - М., 1926; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починской волости Смоленской губернии). М. - Л., 1925; Росницкий Н. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М. - П., 1926; Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926; и др.

² Например: *Исаев А.А.* Переселение русских крестьян; *Кравченко А.И.* Исследование А.А. Исаевым крестьянской миграции // Социс, 1999. № 9.

³ Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир – экономика 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5; Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна / под ред. А.И. Фурсова. М., 1998.

⁴ Kilian H. Der politische Mord. Zu seiner Soziologie. Zurich, 1936; Monnerot J. Sociologie de la revolution. P., 1969; и др.

связи прошлого с настоящим, а также прогнозированием будущего а) непосредственно или б) через обобщающие концепции, теории, по своей научной природе имеющие элемент «загляда» в будущее.

Историко-социологическое знание прошлого для российской современности важно как а) (не-)пригодное наследие; б) исходная точка для движения вперед; в) фундамент, опора такого движения; г) теоретическое (социологическое) осмысление итогов и уроков прошлого и др. Историко-социологическое знание прошлого России и СССР (ограничимся XIX и XX вв.) может служить обновлению отечественной социологической теории и практики, обеспечивая достоверный анализ прошлого, настоящего и будущего.

В письме Г.Е. Зборовского (Екатеринбург) в «Социологические исследования» выделена одна из наиболее значимых проблем современной отечественной социологии: «...Неудовлетворенность ее состоянием часто обусловлена именно тем, что социологи не умеют (часто не хотят уметь) или не пытаются прогнозировать развитие социальных процессов, даже конкретных социальных ситуаций»¹. Дополняя аргументацию автора, отметим, что корректное знание о современности, проекция его на формирующиеся тенденции будущего невозможны без опоры на историческую основу. Прошлое как состоявшийся социальный факт – доминанта настоящего и будущего. Прошлое – это знание о том, как возникло общественное явление, через какие этапы прошло и как приобрело современный вид. На его основе раскрываются смысл и значение настоящего, альтернативные потенции будущего, строятся мысленные (теоретические) конструкции, служащие руководством для исследующего.

В последние годы в нашей стране регулярно случаются неожиданные для общества, руководства страны, для ученых события. Ответ на вопрос о причинах неожиданностей дают наука или практика; последняя чаще запаздывает. Одна из причин такого положения, на наш взгляд, фрагментарность знания о современном обществе вследствие малой изученности советского общества во взаимосвязи с постсоветским настоящим.

Мы не знаем общества, в котором живем, — констатировал Ю.В. Андропов в 1983 г. Эта оценка знания советского общества на завершающем этапе его исторической траектории могла предупреждать политиков: управлять объектом, не зная его, равноценно плаванью по бурному морю без компаса и руля. По необходимости беглый анализ изученности (на тот момент) истории СССР в нашей стране и за рубежом позволяет предметнее раскрыть природу и следствия (для социологии) обозначенного «формулой Андропова» разрыва прошлого, настоящего и будущего. В теоретико-методологическом плане в обществоведческой мысли СССР (я упрощаю ситуацию, говоря о доминировавших взглядах, определявших общественное сознание и поведение большинства) господствовала догма о движении советского общества и всего мира к социализму и коммунизму. В сфере идеологии и политики аксиома социалистической природы советского общества вела к оценкам реального с точки зрения норм должного при социализме: социалистические классы, государство всего народа, отмирающее в перспективе, дружба народов, новая историческая общность – советский народ, превосходство социалистической общественной, государственной, экономической системы над противостоящей ей, социалистический образ жизни и др. Данные, не укладывавшиеся в схему, архивировались с тщательностью, исключавшей их попадание в руки исследователей. Жесткая опека над исследованиями социологов, возобновленными в 1960-е гг., имела целью хранить рамки идеологически допустимого.

В капиталистическом зарубежье взгляды были более дифференцированы. Их – тоже упрощенно – можно свести к трем позициям (они были перенесены и дискурс постсоветских обществ). Примерно равной силы позиции занимали оценки социалистического лагеря с позиций а) доктрины тоталитаризма и б) теории модернизации. Они не во многом расходились, но и не во всем исключали друг друга. Третью группу взглядов представляли сторонники (не изолированные от приверженцев тоталитарных подходов или теории модернизации) неомарксистских оценок, интеграции которых в доминировавшие взгляды препятствовал их мар-

¹ См.: Социс, 1999. № 6. С.101.

ксистский аппарат. В оценках перспектив зарубежная мысль делилась на тех, кто или предрекал «кумулятивный кризис» советской системы (в частности, «после Брежнева»), или считал возможным реформирование ее. Распад СССР советологи едва ли считали альтернативой до начала 1990-х гг.

Для обновления социологии, однако, важно, что на исходе советской эпохи научное знание о советском обществе с теоретической и информационно-фактической точек зрения выражалось метафорами «белое пятно», «черная дыра». «Развитой социализм», «ускорение», «перестройка» отражали размашистость выдвигаемых планов ускоренного движения вперед, непонимание реальных условий среды, в которой эти действия намечались к проведению. Поспешный пересмотр ряда позиций после 1989 г., некоторые осторожно сформулированные обновленные подходы оказались не востребованными. Возобладало «незнание», о котором предупреждал Андропов, – мнения, убеждения сомнительной достоверности. Началось вторжение через СМИ в общественное сознание метафор и мыслей, вращавшихся вокруг бездумно повторяемых, часто компенсируемых агрессивностью формул типа «элиты», «тоталитаризм», «реформы», «обновление», «Россия, которую мы потеряли» и т.п. В дальнейшем негативным социальным фактором стала легковесная пропаганда в СМИ сенсационных субъективистских концепций, – сродни «Ледоколу» В. Суворова. Таких примеров, к сожалению, слишком много. В условиях нарастающей роли электронных средств информации, Интернета, резко повысилась степень манипулирования историческим знанием. Создалась перспектива столкновения крупных социальных слоев в виртуальное сознание, дезориентированное поведение. Корпорация историков не консолидирована, затруднено оформление консенсуса взглядов на последние десятилетия XX-го в. в СССР и вокруг него, а затем в России.

Социологам ясна важность социальных фактов. Редакция журнала «Социологические исследования», когда либерализация доступа к ранее секретным архивам породила «архивную лихорадку», создала рубрику «Архивы начинают говорить». Публиковались важные для понимания социальной структуры, процессов советского времени с научными комментариями материалы об особенностях менталитета, поведения социальных групп¹, облике и мотивациях руководящего слоя СССР, аналитические данные о депортациях этнических и социальных групп, массовых репрессиях, перемещенных лицах². Но ответ на вопрос «что?» (установление факта) переходит в вопросы «как?», «почему?». Сменившая ее рубрика «Историческая социология» пытается на них отвечать. Редакция журнала привлекает внимание к монографическим исследованиям о прошлом России и СССР, в которых есть попытки выявлять социологически важную проблематику³. Понимание недавнего прошлого, однако, далеко от потребностей. Осмысливание актуальной проблематики российской истории, к сожалению, удел малотиражных изданий. Современным исследователям российского общества трудно сделать прошлое доступным, понятным, используемым в актуальной практической деятельности. Трудность эта предметна.

Едва ли целесообразно разбирать меру исследованности конкретных событий или этапов истории России. Социологу важен весь релевантный исторический материал для анализа современности, сравнения тенденций, специфических для России и характерных для других стран, проверки «больших» теорий. Между тем, в последние годы по отечественной истории

¹ Панкратова М.Г. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995; Козлова И.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социс. 1994. № 4; Она же. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996; Она же. «Повесть о жизни с Алешей Паустовским»: социологическое переписывание // Социс. 1999. № 5; и др.

² Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социс. 1991. № 12; Он же. Жертвы среди мирного населения в годы Великой Отечественной войны // Социс. 1992. № 11; Попов В.П. Причины сокращения населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социс. 1994. № 10; Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический очерк) // Социс. 1991. № 6; Он же. Заключенные в 30-е годы (демографический аспект) // Социс. 1996. № 7; и др.

³ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т.1; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти (1945-1991). М., 1999; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). В двух томах. СПб., 1999.

относительно мало исследований второй половины XX в.; робко ставятся общие вопросы исторического процесса в России.

Социологическая актуальность нашего прошлого очевидна. Мало исследованными, полными парадоксов остаются институты – опоры советского строя, активные и теперь – в измененных видах. Это партия, не противодействовавшая собственному запрету. Силловые ведомства, вначале ключевые в реализации установки на мировую революцию, затем стали ключевыми по доле расходов и во все большей, но неясной мере, по влиянию в политике: не исследованы их «интеракции». Не выяснены эволюция института «союзная республика» (специально – РСФСР, ключевого звена Союза). Парадокс института «колхоз»: насильно, казалось, навязанный, всеми проклятый, он устоял, даже в Украине, особенно пострадавшей во время голода 1930-х гг. Коминтерн – орган мировой революции, вырождается в малозначимый инструмент советской внешней и военной политики, сохранившись как миф о мировом революционном процессе.

Среди социальных проблем слабо проанализирована урбанизация с ее ощутимыми сейчас последствиями. Рабочие, в массе вчерашние крестьяне, резерв и опора партии, не поддержали в августе 1991 г. КПСС: крестьянство стало основой «красного пояса». Дискутируемая проблема современной элиты требует уточнить исходный материал советского времени: «новый класс», «номенклатура», «бюрократия». Истоки гендерных или этносоциологических проблем, характер и особенности (типология) этноконфликтов частью уходят в советский период. Динамика девиантного поведения, криминальности и коррупции частично коренится в повседневном бесправии, низком правосознании, грубых нарушениях законности и смыкании частного («прото-бизнесмена») с криминалом в «тюремных университетах». Попутно подчеркнем, что проблемы преступности и коррупции в современной России понять без историко-социологического знания трудно. Ситуацию здесь часто сравнивают со средневековьем. И в этом сравнении истины больше, чем подозревают говорящие об этом. Как показывает анализ феномена силового предпринимательства, круг задач создания рыночной экономики, который стоит сейчас перед Россией, должен был решаться в средние века. Поскольку они не были решены, их решать приходится – с сопровождающими начальными период становления рынка явлениями.

Среди историко-социологических проблем экономической сферы важен вопрос вознаграждения за труд. Функция зарплаты в России и СССР была деформирована: работник не получал регламентированной и понятной части созданной стоимости. «Жалованное» сверху в сознании и поведении работника не связывалось с количеством и качеством труда, подрывая трудовую мотивацию, отношение к труду, трудовую мораль, обратной стороной стала популярная ныне «халява». Вероятно, в массовом сознании предприимчивость, интенсивный труд наталкиваются на укоренившийся ментальный барьер отсутствия связи качественного личного труда с вознаграждением и уровнем жизни. В духовной сфере (наряду с последствиями войн и лишений) не изучены метаморфозы патриотизма, его взаимодействие с национальным, этническим, интернациональным. Даже не поставлены как предмет исследования человеческие последствия и аспекты Великой Отечественной войны, потерь и лишений, – массовое одиночество женщин, сиротство, безрадостное существование пожилых, переживших утрату детей.

Это некоторые вопросы из сферы «что?». Что касается «как?» и «почему?», предстоит посмотреть на историю СССР в компаративном плане (применимы они или нет) ряда социологических, обществоведческих теорий. Структурно-функциональный анализ советской системы властвования вероятно, подтвердит малую применимость формул Парсонса к процессам перемен. Взгляды Дюркгейма на интеграцию и солидарность в индустриальном обществе в определенных пределах плодотворны и в применении к судьбе советской системы. Коммуникационная теория общества и власти (Н. Луман и др.) может обнаружить отсутствие в СССР ключевого элемента современной жизнеспособной политической системы. Разрывы «коммуникации» между властью и народом, обществом, интеллигенцией, случавшиеся в уходящем столетии, несут и более общий урок. Тип взаимоотношений общества и государ-

ства в России пора менять, он не может сохраняться прежним. Власть, в соответствии с Конституцией РФ и по природе – публичный институт, институт общества. Может быть, это главный социологический урок социальной, политической, военной, экономической, духовной и иной истории страны в XX в. Наконец, на это указывают некоторые публикации социологов о грядущих глобальных переменах, возможно, актуальными в обновленном виде будут идеи социализма, интернационализма.

В несколько ином ракурсе проблемы исторической социологии возвращают современника к тем классикам социологии, кто ратовал за сближение истории и социологии. Между социологией и историей существует некая диалектическая взаимосвязь: многообразие подходов к исторической социологии, возможностей ее использования связано с конкретным пониманием социологии как науки. «Разным социологиям» соответствует разная историческая социология. Возможно, специализация, дифференциация научных дисциплин уходит в прошлое: информационная революция делает сбор эмпирических данных на порядок доступнее, чем сейчас; взаимоотношения некоторых общественных дисциплин могут перейти в плоскость формирования «социальной науки» о прошлом, настоящем, будущем общества.

Историческая социология России прошлого позволяет выйти на более глубокие пласты современных проблем. Так, Октябрь 1917 года (казалось бы, какой период нашей истории исследован лучше?) можно считать попыткой большевистских лидеров «забежать» вперед при отсутствии предпосылок социализма. Но «забегание» могло стать и результатом просчета в отношении мировой (европейской) революции, или уже начинавшуюся европейскую революцию (Германия) остановил эффект (среди других факторов опыта социалистической революции в России, оттолкнув пролетариат Европы от попытки взятия власти. Революции 1917 г. могли быть также проявлением глубинного фактора российской истории XX в.: стремление низов (подавляющего большинства) к выживанию. Не был решен продовольственный вопрос. Инстинкт выживания был усилен опытом окопников мировой войны (решающий фактор революций 1917 г.). Война поражала масштабами миллионных жертв. Низы крупных городов также встали перед проблемой выживания – голода (очереди за хлебом – «локус» движения за свержение царизма). Но 1917 г. этот вопрос не ограничивается. Установку россиян на выживание укрепили: гражданская война (с интервенцией), последствия насильственной коллективизации, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенный голод. Сколько написано историками о Великой Отечественной войне? Лишь сейчас складывается консенсус о числе людских потерь в эту войну: 26- 29 млн. Но кто исследовал психологическое воздействие войны, ее последствий, воздействия на социальные слои и группы населения СССР – женщин, детей, фронтовиков, стариков и т.д.? Даже социально-демографический состав этих миллионов погибших пока неизвестен. «Холодная война», угроза ядерной катастрофы, Карибский кризис, противостояние с НАТО, «Афган» и Чечня способствовали поддержанию инстинкта выживания (знаменитое: «лишь бы не было войны»). Выживание как доминанта истории России в XX в., запечатленная в менталитете, и сейчас удивляет аналитиков. Способность россиян не роптать в годы «реформ», их социальный оптимизм, традиция веры в «лучшее завтра» подчеркнуты в статье С.Ф. Гребениченко «Куда и почему идет Россия?»¹. Как фактор перехода на путь «устойчивого развития» такой менталитет, можно утверждать, содержит элементы будущего и России, и регионов, где выживание или давнее прошлое (Европа, Северная Америка, Япония, Австралия, Новая Зеландия) или обычная повседневность. Стремление к выживанию, можно утверждать, сродни солидарности. Оно уходит в первобытное (примордиалистское) сознание (даже подсознание) людей. Это обстоятельство, заметим, указывает на близость социологии к «метафизике» бытия. Социологам многое можно обсуждать в предмете своей дисциплины – «человек живой», его жизнь. Социологическая наука, не раз писал Ж.Т. Тощенко, – это социология жизни. Выделенный мной аспект исторической социологии говорит в пользу такого взгляда на социологическое знание.

¹ Социс. 1999, № 7. С. 35.

«Патриотизм» как историческое понятие и его политические характеристики

Историческая ситуация 1990-х гг. в России коренным образом изменила ход общественного развития нашей страны. В период радикальных социально-экономических преобразований в обществе началась ломка прежних ценностей и поиск новых нравственных ориентиров. Это обусловило появление новых демократических идеалов, вошедших в противоречие с советским социально-классовым содержанием просвещения и воспитания. Последовавшее изменение психолого-педагогического отношения к гуманистическим теориям развития личности актуализировало проблему определения содержания морального воспитания молодежи в целом и патриотического воспитания в частности в русле реструктуризации идеалов отечественной науки, ведущей роли духовных ценностей в становлении человека и его связей с обществом. Особенно большое значение вопрос воспитания патриотических чувств имеет для политической культуры молодежного сегмента социума. Обусловлено это тем, что ее отношение к патриотизму формировалось в условиях «шоковых» реформ и последующего затяжного социокультурного кризиса, вызванного сменой парадигмы государственного целеполагания ценностных ориентаций граждан.

Как показывают социально-философские исследования, на начальных этапах истории человечества патриотизм носил стихийный характер. Осознанию и осмыслению данного понятия как социального явления предшествовало его элементарное наличие в практической деятельности людей (уважительное отношение к земле, любви к Родине, почитания умерших предков).

Что же такое «патриотизм», и какого человека можно назвать патриотом? Ответ на этот вопрос достаточно сложен и неоднозначен. В литературе «патриотизм» (греч. patriotes – соотечественник, от patris – Родина, Отечество) в общем определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины». Будучи конкретно- историческим понятием, патриотизм в каждую эпоху может иметь различную социальную и ценностную трактовку. Однако первооснова его остается одной и той же, как и структура составляющих его элементов: отчий дом – родной край (малая родина) – ареал обитания народа – страна в целом, и связана с процессом самоидентификации, т.е. с осознанием себя членом какой-либо группы, принятия на себя свойств этой группы и ответственности за неё. При этом последние два элемента структуры не обязательно выступают в названной последовательности, поскольку государственные границы могут не совпадать с ареалами обитания народов. В этом смысле патриотизм не всегда созвучен с понятием государства, хотя и тесно с ним связан и более выражен в понятии «Отечество».

В. Даль толкует «патриотизм» как «любовь к отчизне». «Патриот», по Далю, – «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник». Советский энциклопедический словарь ничего нового к вышеприведенному понятию не добавляет, трактуя «патриотизм» как «любовь к родине». Более современные понятия «патриотизма» связывают сознание человека с эмоциями на проявления воздействий внешней среды в месте рождения данного индивида, его воспитания, детских и юношеских впечатлений, становления его как личности.

Патриотизм, как явление социальной действительности, не существует вне субъекта и вне объекта. Субъектом патриотизма выступают все социальные образования: личность, социальная группа, слой, класс, нация и другие общности. Объектом патриотизма является Отечество как совокупность элементов природной и социальной среды данного общества, образующих, в силу неповторимости и своеобразия географических, исторических, духовных, культурных, социально-экономических, политических и иных сфер, условия для единения граждан, социальных групп и т. д., составляющих структуру этого общества. Являясь субъектом патриотического сознания и патриотического действия, человек имеет полное право пользоваться благами созданной им социальной ценности — патриотизма.

Существует также ряд подходов к интерпретации развития феномена «патриотизма» в культуре. *Натуроцентрический, теоцентрический, социоцентрический и антропоцентрический подходы* формирования патриотизма используют совершенно ясные и неоспоримые аргументы в защиту своих позиций. Но данные концепции не в состоянии дать исчерпывающей трактовки таких сложных интегральных понятий, как патриотизм, Отечество, Родина. Философ-энциклопедист А.Ф. Лосев писал: «Родина ... не есть только территория, она не есть только национальность, она не есть только социальная жизнь. Родина есть Родина. Я знаю, что это нечто большое, великое, нечеловеческое; я знаю, что это что-то прекрасное, желанное и возвышающее». Хотя предложенные подходы и дают возможность рассмотреть и учесть основные типы факторов развития при построении конкретных образовательных программ, направленных на формирование патриотизма, но есть внутренние противоречия в каждом из этих подходов. Многие элементы патриотизма несут в себе одновременно и *охранительный, конструктивный, и деструктивный аспект*.

В исследованиях И.Ф. Бондаренко и В.В. Колпачёва выделены следующие основы, или истоки, патриотизма:

- *Естественные основы.* Первичный патриотизм был характерен, прежде всего, для кочевых народов и держался на кровной связи между членами семьи, рода.
- *Духовно-нравственные основы.* Патриотизм объединяет людей духовными узами и нравственными обязанностями. Духовность – это, прежде всего, религия, идеология и культура народа.
- *Политические основы.* В политическом плане патриотизм предполагает принятие народом существующей власти, формы правления, политического устройства государства, перспектив и целей его развития.
- *Государственный подход.* Он предполагает любовь человека к своему государству как таковому, ко всем его атрибутам: территории, населению, власти, армии, гимну, гербу, флагу и т. д.

Попытаемся дать понятиям «патриотизм» и «патриот» более четкие определения:

- Главный из них – наличие среди основных здоровых эмоций каждого человека *почтения места своего рождения и места постоянного проживания как своей Родины, любовь и забота об этой земле, уважение местных традиций, преданность до конца своей жизни этому месту*. В зависимости от широты восприятия места своего рождения, зависящего от глубины сознания индивида, границы его Родины могут простираться от площади собственного дома, двора, улицы, поселка, города до больших территориальных масштабов. Для обладателей высших уровней патриотизма широта их эмоций должна совпадать с границами всего государства, его Отечества. Низшими уровнями данного параметра, граничащего с антипатриотизмом, являются мещанско-обывательские понятия, отраженные в поговорке: «Моя хата с краю, ничего не знаю».
- *Уважение к своим предкам, любовь и проявление терпимости к своим землякам, проживающим рядом, желание помогать им, отучать от всего дурного.* Высший показатель данного параметра – благожелательность ко всем своим соотечественникам, являющимся гражданами родного государства, т.е. осознание общественного организма, называемого во всем мире «нацией по гражданству».
- *Делать конкретные, каждодневные дела для улучшения состояния своей Родины, ее украшения и обустройства, по оказанию помощи и взаимовыручки своим землякам и соотечественникам* (начиная от поддержания порядка, опрятности и упрочения дружеских отношений с соседями, в своей квартире, подъезде, доме, дворе до достойного развития всего своего города, района, края, Отчизны в целом).

Таким образом, широта понимания границ своей Родины, степень любви к своим землякам и соотечественникам, а также перечень каждодневных деяний, направленных на поддержание в должном состоянии и развитие ее территории и проживающих на ней жителей – все это определяет степень патриотизма каждого индивида, является критерием уровня его истинно патриотического сознания. Чем шире территория, которую патриот считает своей

Родиной (вплоть до границ своего государства), чем больше любви и заботы он проявляет к своим соотечественникам, чем больше каждодневных деяний он совершает для блага данной территории и ее обитателей по нарастающей (свой дом, двор, улица, район, город, область, край и т. д.), тем больший патриот данный человек, тем выше и истинный его патриотизм.

Эволюция понятия «патриотизм» в системе общероссийских ценностей.

За последние годы новейшей российской истории, пожалуй, ни одна идеологическая ценность не подвергалась таким глобальным переосмыслениям, а, следовательно, испытаниям, как патриотизм. Характерной чертой перестроечного времени стало крушение различных устоявшихся за советский период догм и постулатов. Так, была брошена в оборот и подхвачена интеллектуалами фраза: «Патриотизм – это чувство примитивное, оно есть даже у кошки». Предполагалось, что патриотизм – отжившая ценность, мешающая строить новое демократическое общество, свободное от прежних стереотипов».

Однако вскоре оказалось, что без патриотизма невозможно построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважение к закону. Без ясного, определенного акцента на защиту интересов России невозможно выработать сколь-нибудь плодотворную и самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Без заботы о собственной национальной экономике, национальном рынке, росте отечественных производителей, опоры на собственные силы невозможно улучшить жизнь людей. Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь. Без возрождения национальной гордости, национального достоинства невозможно вдохновить людей на высокие дела.

Исторически формирование патриотической идеи совпадает с возникновением Русского государства. В период перехода от родового общества к древнерусскому государству этническое самосознание воплощалось в представлении об общности происхождения и принадлежности к определенному племенному объединению, что привело впоследствии к формированию общей идеи русской земли, Руси как государства, русского, российского народа. Но не только географическое пространство сплачивало формирующуюся древнерусскую народность. Язык, верования, историческая память о прошлом, общность судьбы – все то, что можно назвать *историческим пространством*, и составляло вкупе Отечество.

Одной из ведущих в памятниках русской средневековой письменности была идея защиты своих, а не захвата чужих земель. «Да не посраим земли Русской!», – эти слова киевского князя Святослава могут быть лейтмотивом всей боевой истории Российской армии. С середины XIII в. с утратой государственного суверенитета, ослаблением политической роли русской земли общерусская патриотическая идея уступила место локальным призывам. Со второй половины XIV в. клич «За землю русскую!» возродился в сочетании с другим – «За веру православную!». Православие объединяло русских в борьбе за государственную независимость, олицетворяя и одухотворяя эту борьбу. Неписанным правилом для русского воина было стоять насмерть за отца и брата, мать и жену, за родную землю. Верность воинскому долгу скреплялась устной присягой, клятвой на оружии и перед Богом. В военных походах и сражениях воспитывались взаимовыручка, товарищество, смелость, героизм, презрение к смерти во имя спасения Отечества. Постепенно эти качества стали основой патриотизма как важнейшего явления в социально-политическом и духовном развитии нашего общества, явившегося важной составляющей российского менталитета. В петровское время, с утверждением абсолютизма, государственное начало безраздельно господствовало в общественном сознании. Для этого времени характерен был рост национального самосознания складывающейся русской нации, что нашло свое выражение в новом осмыслении таких духовных ценностей, как «Отечество» и «патриотизм». Отечество отождествлялось с определенной территорией и исторически сложившейся на ней общностью населения, постепенно вырабатывалось представление: «мы – россияне».

Понятие «патриотизм» для того времени наиболее точно определил Вл. Соловьев: «Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма». Исходя из этих определений, суть любви к Отечеству со-

стоит в понимании главных задач, стоящих перед обществом и государством, в неустанной борьбе за их решение. Патриотизм в русском национальном самосознании был связан с жертвенностью, с необходимостью, если надо, отказаться от себя, от семьи. В то же время патриотизм чаще всего сопряжен в общественном сознании с военной, но не захватнической деятельностью. В годы правления Петра I патриотизм приобретает характер государственной идеологии, считается выше всех ценностей и добродетелей, а главным девизом россиян становятся слова «Бог, Царь и Отечество». С тех пор воспитание в армии основывается на положении: русский солдат служит не ради чести и славы своей или императора, а в интересах государства Российского. «Вот пришел час, который решит судьбу Отечества, – обращался Петр I к воинам перед Полтавской битвой. – И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего». Такой подход к военной службе был закреплен в «Учреждении к бою», «Артикуле воинском», а также в Уставе воинском 1716 г.

Во времена СССР в стране произошло переподчинение собственно русских и российских интересов задаче интернационализации отношений в обществе. Это отразилось на русском самосознании, которое деформировалось, ослаблялось, утрачивая национальные корни. Значительнее слабее стала преемственность поколений, нарастали тенденции маргинализации населения, особенно молодежи, ее отчуждения от героических свершений и славы великих предков. В то же время в ходе Великой Отечественной войны, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, народ и армия проявили небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над фашистской Германией. Вспомнивая тяжелые дни сражения за Москву, Г.К. Жуков отмечал, что «не грязь и не морозы остановили гитлеровские войска после их прорыва к Вязме и выхода на подступы к столице. Не погода, а люди, советские люди! Это были особые, незабываемые дни, когда единое для всего советского народа стремление отстоять Родину и величайший патриотизм поднимали людей на подвиг». Этот исторический факт свидетельствует о том, что форма власти, общественная система не в состоянии оказать решающего воздействия на высшие духовные ценности народа в моменты судьбоносных испытаний.

Менталитет советского общества, хотя и содержал в себе многие общерусские ментальные черты, тем не менее, весьма существенно отличался от менталитета прошлых веков. Этому способствовало стремление власти ограничить влияние церкви, режим террора и насилия в стране, принижение роли семьи в воспитании подрастающего поколения, культ личности. Этот период привел к образованию своеобразного и неповторимого менталитета «советского человека», по выражению Л.Н. Пушкарева, «сдвигающего горы и меняющего течение рек, не задумываясь о последствиях».

В современное время в условиях господства эгоцентрически трактуемой либеральной идеи стала возможной общественная деморализация. А.И. Солженицын характеризует следующим образом изменения в русском менталитете в новом Российском государстве: «...Рублево-долларовый удар 1990-х годов по-новому потряс наш характер: кто сохранял еще добрые прежние черты – оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными, негодными неудачниками, не способными заработать на прокормление. «Нажива» стала новой идеологией. Разгромная, разрушительная переделка... – густо дохнула распадом в народный характер». Перед Россией встала важнейшая задача – реализовать огромный духовно-нравственный потенциал, накопленный за всю историю существования государства, для решения проблем в различных сферах жизни общества. Государственная стратегия России должна постоянно опираться на историческое и духовное наследие народа, поэтому в последнее десятилетие остро встал вопрос выработки национальной идеи, которая смогла бы объединить российский народ в новых исторических условиях. По мнению А. Кывы: «Национальная идея – это обруч нации. Как только он лопается, нация либо впадает в глубокую депрессию, либо распадается, либо становится жертвой какой-то реакционной идеи и даже человеконенавистнической идеологии».

Героическая и драматическая история России, ее величайшая культура, национальные традиции всегда были основой духовно-нравственного потенциала нашего народа, своеобразным стержнем общественного бытия. Поэтому, необходимо всегда помнить пророческие слова В.В. Розанова: «Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, «на роду написанных», на которых «все тесто взошло». Как свидетельствует история, России об этом следует всегда помнить.

Особенности «патриотического воспитания» современной российской молодежи в условиях политической трансформации российского общества.

В настоящее время особо остро стоит проблема патриотического воспитания молодого поколения, становления личности, обладающей качествами гражданина-патриота. Это крайне важно сейчас, когда появляются отдельные случаи перерождения патриотизма в национализм, когда во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма, в общественном сознании широко распространились равнодушие, эгоизм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Сейчас под «патриотическим воспитанием» нужно понимать систематическую и целенаправленную деятельность общества по формированию у граждан патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Это сложная система социально-педагогической деятельности, связанная с передачей жизненного опыта от поколения к поколению, с целенаправленной подготовкой человека к созидательному труду на благо Отечества, формированием и развитием духовно-нравственной личности, способной любить свою Родину, постоянно ощущать связь с ней, защищать ее интересы, сохранять и приумножать лучшие традиции своего народа, его культурные ценности, постоянно стремиться к обеспечению безопасности личности, общества и государства. Содержание такого воспитания основывается на системе сформировавшихся на протяжении многих веков ценностей. В настоящее время российское общество не имеет общепризнанного идеала, а также набора духовно-нравственных ориентиров. В этой ситуации общество и государство должны вернуться на путь развития, основанный на использовании ценностей, которых в России больше, чем у многих других народов, но которые пока востребованы лишь отчасти.

В последние годы стала подчеркиваться особая актуальность переоформления содержания патриотического воспитания с учетом тенденций нового демократического развития России. Что говорит о востребованности реструктуризации теорий Русской идеи и осмысления феноменов патриотизма и патриотического воспитания в русле традиций культурно-ценностного подхода как наиболее адекватной ментальности народа России. В связи с этим, целью «патриотического воспитания» должно являться становление патриотизма, основанного на развитии готовности к сознательному служению Отечеству. А «патриотическое воспитание» должно являться процессом, направленным на становление политического сознания личности, отражающего отношение человека к своему Отечеству: уровень развития патриотических чувств, готовность к осознанному служению Родине и опыт деятельного созидания на благо своего народа.

Е.С. Сенявская, д.ист.н., А.С. Сенявский, д.ист.н. (ИРИ РАН, Москва)

Образ прошлого в контексте современной геополитики: Вторая мировая война и историческая память

Рубеж 1980-1990-х гг. явился крупным, международного значения поворотным пунктом динамики исторической памяти о войнах XX в. Вследствие распада «социалистической системы» и Советского Союза подверглись переоценкам все военные события столетия и особенно – Вторая мировая война. Этот процесс затронул все страны: и ведущие державы Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в Восточной Европе, и новые государства, прежде входившие в состав СССР, включая постсоветскую Россию. Исторический поворот конца 1980-х гг. имел ряд составляющих, которые по-разному повлияли на разные страны и, соответственно, историческую память их народов.

Во-первых, речь идет о *капиталистической реставрации в странах бывшего «социалистического содружества»* со всеми вытекающими последствиями, в том числе в области идеологии, пропаганды, воздействия на массовое сознание. В этом контексте интерпретация многих событий, особенно имеющих отношение к социалистическому периоду в этих странах, закономерно *подверглись инверсии*: говоря упрощенно, знаки плюса и минуса поменялись местами. Так, в Российской Федерации во многом изменилась трактовка истории революции 1917 г. и Гражданской войны. Внесены были существенные коррективы и в оценку внешнеполитического курса советской эпохи, включая военные события, хотя здесь изменения были не столь радикальными. Аналогично в бывших соцстранах корректировалась их история, особенно периодов «революционных переходов» и связанных с ними или предшествовавших им военных событий.

Другой пласт перемен с конца 1980-х гг. затронул *геополитические изменения на карте мира*, соотношение сил между государствами и их коалициями: победители в «холодной войне» получили явное преимущество и в текущей политике, и в возможности продвигать такие свои интересы, которые были нереальны в сложившейся исторически ранее системе международных отношений; изменились или выявились скрывавшиеся прежде геополитические интересы стран – осколков «соцсдружества» и новых государств, возникших на развалинах СССР, что закономерно привело к попыткам ревизии многих исторических событий и вытекавших из них правовых следствий (в виде фиксированных международными нормами границ и т.д.). Продвижение НАТО на Восток явилось мощным фактором, подкреплявшим эти претензии.

Наконец, геополитический наследник СССР – *Российская Федерация* – оказалась в *ситуации новых геополитических реалий и возможностей, существенно для нее урезанных*. Одновременно она стала объектом и мощного давления со стороны стран Запада, навязывающего ей роль побежденной в «холодной войне» страны, и объектом разнообразных притязаний и претензий со стороны соседей, – как новых постсоветских государств, так и бывших союзников по «соцлагерю». И здесь интерес новой России во многом заключается в сохранении, возможно более полном удержании тех элементов системы международных отношений, которая способствует обеспечению ее геополитической безопасности, а она исторически сформировалась именно в советскую эпоху, главным образом в результате Второй мировой войны.

В такой, очень непростой ситуации происходила и *трансформация исторической памяти*, в том числе и о войнах XX в. в указанных категориях стран с очень разными «историческими» интересами. Ревизии или «корректировке» в той или иной степени подверглись оценки практически всех войн XX столетия. Но наиболее яростным атакам подверглись представления о *Второй мировой войне и Ялтинско-Потсдамская система*. Причина заключается в том, что эта система зафиксировала итоги войны и строилась на основе сложившегося тогда соотношения сил в мире. Радикальные изменения этого соотношения к началу 1990-х гг., естественно, поставили под вопрос не только саму систему, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика стала раздаваться со стороны не только основных побежденных стран и их союзников, но и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире. Причем в том, что касается России, в большинстве стран используется *практика двойных стандартов*¹.

¹ СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее «корректные» действия других стран признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский сговор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но «демонизируется» Пакт Молотова-Риббентропа, явившийся для СССР лишь ответом на англо-саксонскую стратегию подталкивания фашистской Германии к походу на Восток. При этом парадоксальной и во многом комичной выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш. Например, Литва именно благодаря секретному протоколу к этому пакту получила территориальные приращения в виде Виленской области со своей современной столицей Вильнюсом, причем в тот

Обращение к историческим событиям приобретает характер откровенного давления на современную Россию. То, что при существовании СССР в международных отношениях невозможно было и помыслить, превращается в реальность. Например, в странах Запада, которые сами были партнерами в строительстве Ялтинско-Потсдамской системы, открыто подвергаются сомнению те аспекты в изменении миропорядка, которые были зафиксированы в международных правовых документах в интересах СССР, при этом ни в коей мере не затрагиваются изменения, в которых до сих пор заинтересованы страны Запада и их нынешние союзники¹. Включение в орбиту НАТО стран Восточной Европы, в том числе ряда бывших союзных республик СССР, позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов².

момент – в октябре 1939 г., т.е. через два месяца после подписания протокола, получив Вильно, Литва ликовала, отмечая это праздничными манифестациями, а отнюдь не возмущалась «позорным сговором» (Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 36-37). Осуждая итоги Второй мировой войны, та же Литва почему-то не отказывается и от других территориальных приращений, в том числе порта Клайпеды. Не отказывается и Польша, которая приобрела Силезию и часть Восточной Пруссии, при этом предъявляя многочисленные обвинения СССР и претензии к России. Поляки забывают, как их руководство накануне Второй мировой войны вело активные переговоры с фашистской Германией на предмет присоединения к Антикоминтерновскому пакту и совместному походу на Восток, если та поддержит притязания Польши на Украину. Польша, которая пытается сейчас представить себя невинной жертвой двух агрессоров, отнюдь не являлась таковой. Обвиняя сегодня СССР в «четвертом разделе Речи Посполитой», сама она в 1938 г. с готовностью воспользовалась Мюнхенским сговором, чтобы выдвинуть собственные территориальные претензии при разделе Чехословакии, потребовав Тешинскую область Силезии. Между тем, СССР по этому пакту лишь возвратил территории дореволюционной России, которые были отняты у нее в период Гражданской войны и интервенции, включая агрессию Польши в 1920 г. В 1939 г. И.В.Сталин, защищая национально-государственные интересы своей страны и стараясь обеспечить ее безопасность в условиях агрессивной угрозы, в том числе и со стороны Польши, сговаривавшейся с Гитлером о разделе СССР, был отнюдь не более циничен, чем польские политики того времени, а точнее – прагматичен. Не нужно забывать и о прогерманской позиции Прибалтийских государств в конце 1930-х гг., так что их попытки предстать невинной жертвой сталинской экспансии также не выдерживают критики. И уж совсем откровенно циничными являются реабилитация и даже возведение в ранг национальных героев пособников Гитлера в этих странах, установка им памятников и проведение маршей ветеранов СС. Особенно наглядно тенденции усиления профашистских настроений в Прибалтике проявились в год 60-летия окончания Второй мировой войны. Так, президенты Литвы и Эстонии отказались приехать в Москву на празднование Дня Победы. Несколькокими месяцами ранее, в начале февраля 2005 г. президент Латвии В. Вики-Фрейберга публично оскорбила ветеранов войны, заявив о том, что невозможно изменить сознание пожилых россиян, которые «9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они геройски завоевали Балтию» (Заявление МИД РФ от 03.02.2005 г. по этому поводу см.: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/BBA0F14BC6C1F9D4C3256F9D00567836_2), а 15 марта опубликовала официальное заявление, в котором призвала латышей воздержаться от празднования 9 мая. 16 марта при попустительстве президента в Латвии прошел нацистский митинг (http://www.sng-baltia.ru/?cnt=allcnt&month=02&day=04&year=2005&rub=politics&id=7681_3). В столице Эстонии 8 мая 2005 г. состоялось открытие мемориала гитлеровскому вермахту и эстонцам, воевавшим на стороне фашистской Германии, участникам «оборонительных боев против Красной Армии», на церемонии присутствовал премьер-министр страны А. Ансип (http://top.rbc.ru/index.shtml?news/society/2005/04/26/26152427_bod.shtml 4). В ночь на 9 мая в центре Таллинна был осквернен монумент советскому воину-освободителю, а накануне мэрия города запретила ветеранам Великой Отечественной войны зажигать в День Победы у этого памятника вечный огонь (<http://www.prooua.com/news/2005/05/09/142455.html>). Два года спустя, 27 апреля 2007 г. по решению правительства Эстонии памятник «Бронзовому солдату» был разобран и перенесен из центра города на военное кладбище Таллина. Демонтаж монумента и снос мемориальной стены повлекли за собой массовые волнения в Таллине и других городах Эстонии (См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/6>). При этом прибалтийские государства требуют от России официальных извинений за «советскую оккупацию», «покаяния» за пакт Молотова-Риббентропа, несмотря на то, что еще в 1989 г. Верховный Совет СССР дал ему четкую правовую и моральную оценку.

¹ Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С.66.

² Яркий тому пример – позиция правящих кругов США в отношении Прибалтики. Так, 20 мая 2005 г., всего 11 дней спустя после празднования 60-летия Победы над фашизмом во Второй мировой войне, Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 по 1991 гг. прибалтийских стран – Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утвер-

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений. Так, по данным социологического опроса 1985 г., среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну (почти 30%)¹. Причем многие респонденты подчеркивают, что это было «большое мировое столкновение», «война справедливая, в которой мы сражались и победили», и война значимая, которая вызвала «создание новой мировой структуры»². Еще более существенное место Вторая мировая война занимала и занимает в российском историческом сознании. Поэтому «сражение за умы» в этом принципиально важном вопросе носило не только «абстрактный» характер, но и всегда имело политическое значение.

Вместе с тем, в период существования СССР попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы интерпретации причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы. Теперь же, с конца 1980-х гг. началась *эскалация ревизии исторической памяти*. При этом предметом «переосмысления» оказались *инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое*. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

Историческая память о войне подверглась атакам как изнутри страны, так и извне. Наиболее радикальные российские политики, публицисты, историки не только раскрывали «белые пятна», ставя запретные ранее вопросы и рассекречивая документы, но многие из них необоснованно переставляли акценты в оценках и даже откровенно фальсифицировали историю по принципу «чем хуже, тем лучше», считая, что *разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии*. Но дело в том, что в своей деятельности они смыкались с внешними критиками России, которые руководствуются далеко не только формально-идеологическими соображениями, но и собственными геополитическими интересами, враждебными интересам России как таковой, в том числе и «новой». И сегодня ей для того, чтобы отстоять свои законные права, ранее обеспеченные нормами международного права и общепризнанными договорами с другими государствами, заключенными в результате исторических, в том числе военных событий, приходится часто напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не только абстрактными «общечеловеческими ценностями», но и вполне корыстными целями.

Вместе с тем, *российское историческое сознание демонстрирует весьма значительную устойчивость*. Как и ранее, в социологических исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признается Великая Отечественная война, занимая первое место, причем этот порядок в оценке событий не изменился и в последующие годы. По данным репрезентативного обследования ВЦИОМ в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. ее назвали 77%, а в 1994 г. – 73% опрошенных. Значимость этой войны для истории страны отметили 70% молодежи в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет³. В ноябре 2004 г. было проведено общероссийское социологическое исследование «Великая Отечественная война в ис-

ждалось, что их включение в состав СССР было «актом агрессии, осуществленной против воли суверенных народов». 23 июля аналогичную резолюцию приняла Палата представителей конгресса США.

¹ Шуман.Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социс. 1992. № 2. С. 49.

² Там же. С.57.

³ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 5. С. 12-13.

торической памяти народа», в ходе которого более 90% респондентов указали, что события Великой Отечественной войны в той или иной степени их интересуют, а День Победы 9 мая является для них праздником¹. Таким образом, Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем во всех поколениях россиян. В условиях ценностной и идейной дезориентации современного российского общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, которое отторгло многочисленные попытки, предпринятые в 1990-е годы, по ревизии оценок событий и итогов этой войны². Для России историческая память о Великой Отечественной войне и Великой Победе играет особую роль, выступая в деморализованном обществе фактором его единения и мобилизации моральных сил народа на выдвижение позитивного и конструктивного сценария будущего развития. Пожалуй, пик интереса к исторической памяти о Второй мировой войне и одновременно массированных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005 г. – год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре РИА Новости, подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с мстью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие «темной стороны» освободительного подвига Красной армии, которую якобы замалчивают в современной России»³.

Таким образом, сознательно *переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание*. При этом даже не упоминается главное – тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить фашистскую агрессию, что «плохо воевал», добывая победу большой ценой, «плохо освобождал» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России «покаяться» «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 1980-х - 1990-х гг.». При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, «демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления»⁴.

В последние годы некоторыми кругами на Западе активно ставится под вопрос Освободительная миссия Красной Армии в Европе, а также делается акцент на жестокость ведения

¹ См.: Меркушин В.И. Великая Отечественная война 1941-1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 58, 60.

² Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.

³ «Зверства» Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6-19 апреля 2005 г. С. 9.

⁴ Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 158; Трубникова Н. Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.

советскими войсками боевых действий на территории Германии. Позиция западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в течение всего послевоенного периода состояла в том, чтобы приписать решающую роль в Победе себе, в частности, преувеличивая значимость других театров военных действий – на Тихом Океане (при этом основные участники событий в этом регионе представляют их именно как отдельную войну, принципиально отличную от Европейского театра боевых действий), в Африке и в Западной Европе после запоздалого открытия в 1944 г. Второго фронта и высадкой англо-американских войск в Нормандии. В последние годы эта позиция усугубляется стремлением представить Освободительную миссию СССР в Европе не как освобождение, а как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния. Отсюда и откровенная ревизия Ялтинской системы, на которой строился послевоенный мир в Европе, и даже приравнивание ее к Мюнхенскому сговору.

Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, с нацистской агрессией, расизмом и геноцидом народов. Попытки умалчивать правду о войне, переписывать историю, переставлять акценты в ее интерпретации выгодна только тем силам, которые стремятся к разжиганию розни и конфронтации. В этом отношении гораздо более позитивной оказалась инициатива России и группы стран СНГ, к которым присоединились и другие государства, объявить 8 и 9 мая Днями памяти и примирения. Генеральная ассамблея ООН без голосования приняла соответствующую резолюцию, где говорится, что историческая победа в мае 1945 г. создала условия для учреждения Организации Объединенных Наций, призванной избавить грядущие поколения от бедствий войны, и что отныне 8 и 9 мая будут отмечаться ежегодно как день памяти жертв Второй мировой войны¹.

Важный пласт проблем, связанных с исторической памятью о войне, заключен в теме «*Война глазами победителей и побежденных*». Историю войн с древности, как правило, писали победители. Однако после войн нового и новейшего времени обычно сохранялись побежденные страны, государства и народы с их самосознанием, культурой и т.д. Естественно, они тоже пытались осмыслить проигранную войну. И образы одной и той же войны у победителей и побежденных всегда существенно отличались. *Память о войне весьма дифференцирована*. В случае победы война обычно ложится в «копилку» национальной памяти, становясь предметом гордости за свою армию, страну, государство и т.д. В случае поражения о войне стараются либо забыть, либо переставить акценты так, чтобы отсечь вызываемые ею отрицательные эмоции и, напротив, вызвать положительные, а для этого используются разные средства. Например, акцентирование внимания на героических или победоносных эпизодах войны, героизация отдельных воинов и военачальников, поиски «объективных причин» поражения и т. д.

Интересно то, как *формировалась и эволюционировала историческая память Германии о Второй мировой войне*. Немецкий историк Р. Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 г. как поражение, а освобождение от нацизма – как порабощение. ... За исключением некоторых известных публицистов значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе. На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о «юстиции победителей»².

¹ См.: <http://www.from-ua.com/news/41a2f33b6e002>

² Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна. Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в странах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга «альтернативные истории», «и причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем. Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего»¹. Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становится вполне объяснимыми: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Вот как пишет об этом российский социолог А.Г. Здравомыслов²: «Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей – средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение – фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот «рассказ» желательно вытеснить из памяти!.. Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях «победителям и «побежденного», палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления «фашизма» и «коммунизма». В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в «Черной книге коммунизма». Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов».

Отношение к войне потерпевшими поражение (Германия и ее союзники) характеризуется попытками *вытеснения из исторической памяти самого события, отказом от коллективной вины немцев и перекладыванием ответственности на руководство (остальные – «исполняли приказ»)*, *подменой виновников развязывания войны (теория «превентивного удара»)*, *палача и жертвы, обвинением победителей (в первую очередь, Красной Армии) в жестокости, насилиях, преступлениях, акцентированием внимания на частных вопросах, на страданиях самих немцев, и др.* Однако наиболее объективные немецкие историки признают: «Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории»³. Конечно, этот факт и эта оценка с трудом принимаются массовым национальным сознанием в современной Германии. Более того, тенденция «вытеснить» память о войне, провести ревизию и переакцентировку оценок характерны и для профессиональных историков, и для немецкой интеллектуальной элиты в целом. Вот как выглядят *тенденции в динамике исторической памяти о Второй мировой войне*, выявленные А.Г. Здравомысловым в результате экспертных интервью с ее представителями: «Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен *следующими вехами*:

¹ Цит. по: Владимирский А. Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова-Рибентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 228.

² Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003. С. 485.

³ Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 79.

- стремление ввести в дискурс концепцию «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной «ужасности» войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 1920-е, и даже 1930-е гг., при этом «проба сил» в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;
- преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как «неправильный союзник». Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;
- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы «коллорабационизма». Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;
- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? - «поражение» или «освобождение»? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу «поражения», несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об «освобождении» (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);
- интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемое к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора»;
- введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;
- признание вины за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, т.е. перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения¹.

Как отмечает А.Г. Здравомыслов, проблема вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения в общественном мнении ФРГ ранее ставилась весьма остро, причем если в 1960-е гг. преобладали мотивы индивидуальной ответственности, то к началу 1980-х гг. утвердилась концепция «коллективной ответственности нации». Проблема вины немцев за нацистские преступления рассматривалась на трех уровнях: «Во-первых, на индивидуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932-1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории. Во-вторых, на уровне институтов – организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями. Наконец, третий уровень ответственности и вины – общенациональный, состоящий в вычлениении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идей расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом»². Но в немецком обществе происходят смена поколений и существенные изменения в массовом сознании, ключевым моментом которых является тезис, что молодые поколения не должны чувствовать себя виновными за дела отцов и дедов. *Поколенческие сдвиги* наряду с перечисленными выше содержательными изменениями в памяти о войне, позволяют утверждать, что трансформация исторической памяти немцев зашла достаточно далеко и характеризуется вытеснением «памяти побежденных и виновных»³.

¹ Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003. С.502-503.

² Там же. С.516-517.

³ В этой связи важно отметить и официальную позицию германского руководства, выраженную Г. Шрёдером в интервью газете «Бильд» 7 мая 2005 г. «Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за

Интересно и то, как отразились в немецкой исторической памяти отдельные важные аспекты войны. Например, восприятие противника, – как западных стран, так и СССР: «В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться антисоветские стереотипы, – отмечает Р. Рюруп. – Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э.Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой. ... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым – его не постигло правосудие»¹.

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ. Так, в год 60-летия Победы «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка М. Гастингса «Армагеддон: Битва за Германию, 1944-1945», посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его «первобытным «изнасилованием» целой нации»².

Однако мораль войны – совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя, и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

Кстати, закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. В апреле 1945 г. 16-летний житель Бер-

все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача – строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее – наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда» (http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E). Эта ответственная позиция далеко не совпадает с массовыми настроениями послевоенных поколений немцев, особенно современной молодежи. Вместе с тем, тенденции, отмеченные А.Г. Здравомысловым, находят подтверждения и в данном интервью. Признав, что именно Россия вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции освободила Германию и Европу от нацистской тирании, а русский народ заплатил за это наибольшую цену, Г. Шредер подчеркнул, что «конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода». Как видно из этих слов, акценты смещаются даже в официальной позиции немецкой стороны.

¹ Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. С.148, 158.

² Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Под ред. Р.Рюрупа. Berlin, 1992. С.255.

лина записал в своем дневнике слова одного из солдат вермахта, обращенные к толпе беженцев: «Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!». Он знал, о чем говорил.

Но руководство Советской Армии принимало меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии. Политическая работа в войсках также была направлена на то, чтобы «направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу».

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права», тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным. Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем Указ Гитлера как Верховного Главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск». Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости - ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не оттаивайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец - абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»¹. В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем, все эти явления были стихийными, а не организованными, и со всей строгостью пресекались советским армейским командованием.

Между тем, документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Например, в докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилова-

¹ См.: Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 5.

ния, хотя за изнасилование получается расстрел». Особенно отличились американские негритянские части. В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Г. Ендрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились, главным образом, в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров как: ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей. В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства...». Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как отнюдь не менее масштабные аналогичные явления со стороны западных армий, – которые отнюдь не имели под собой такой психологической основы, какая была у советских солдат, чей народ пережил все ужасы фашистской агрессии и оккупации, - замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.Серова наркому внутренних дел Л.П.Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам», а в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Ящечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления. Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами». Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам».

Таким образом, сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточноевропейские страны».

В России в «образе войны» тоже присутствует такой важный компонент как «образ врага». В XX веке русские дважды сталкивались в смертельной схватке с немцами. Однако у русского народа восприятие немцев весьма существенно различалось после двух мировых войн: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с

Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения – это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней – плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»¹.

В феврале 2005 г., накануне 60-летия Победы, Институтом социально-политических исследований РАН было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование «Ветераны о Великой Отечественной войне». В тематическом блоке, посвященном отношению к немцам, ответы распределились следующим образом. На вопрос «Какие чувства испытывали советские люди к немцам в годы войны?» 53% респондентов назвали «ненависть к немецким фашистам», 24% – «ненависть ко всем немцам», 18% – «ненависть к солдатам и офицерам вермахта», 5% затруднились ответить. На вопрос «Какие чувства испытываете Вы к бывшему противнику сейчас?» самый большой процент ответов – 58% – был – «никаких», «ненависть» назвали 15%, «сострадание» (!) – 17%, «уважение» – 9%, и только 1% респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ответы на еще два вопроса оказались более дифференцированными. Так, на вопрос «Могут ли русские и немцы быть друзьями?» 56% участвовавших в опросе российских ветеранов войны ответили положительно, 13% отрицательно и 31% затруднились ответить. Наконец, когда респондентов спросили «Есть ли у Вас желание встретиться с бывшими противниками?», 15% подтвердили, что желали бы такой встречи, 60% ответили, что такого желания не имеют, и 25% затруднились ответить на этот вопрос².

Естественно, что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не воспринимают события прошлого столь лично и остро. В совместном интервью Президента России с Федеральным канцлером ФРГ Г.Шрёдером газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В.В.Путин сказал: «Даже в самый тяжелый период войны руководство СССР призывало население не идентифицировать всех немцев с нацистами: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». И это не было пропагандой. Это убеждение подавляющего большинства советских граждан. Немецкий народ во многом стал тогда жертвой политической безответственности своих тогдашних руководителей. Он был отравлен нацистской идеологией и втянут в кровавую бойню. Но ненависть и жесточенность, возникшие вследствие германской агрессии и установившиеся на оккупированных территориях, преодолеть было очень не просто. Для этого потребовалось время и немалые усилия политиков и миллионов людей как в Германии, так и в нашей стране, чтобы вернулись чувства уважения и взаимной симпатии, веками существовавшие между нашими народами. И я с полным основанием могу сказать, что именно граждане Советского Союза, несмотря на все пережитое, смогли простить. При этом в некоторых других странах мира многие граждане к такому примирению так и не пришли». А канцлер Шредер подчеркнул, что «ввиду ужасов войны германо-российское примирение до сих пор остается политическим чудом»³.

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что люди, в наибольшей степени влияющие сегодня на историческую память, – политики, идеологи, журналисты, ученые, – принадлежат преимущественно к поколениям детей и внуков участников и современников Второй мировой войны. Следствия этого противоречивы: с одной стороны, отсутствие непосредственного опыта участия в тех драматичных событиях позволяет более спокойно и рационально подхо-

¹ Медведев Р.А. Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 15.

² См.: Кузнецов В.Н., Иванов В.Н., Сергеев В.К. Юбилей Великой Победы. Материалы к научной конференции «60 лет победы в Великой Отечественной войне». М., 2005. С. 36-37, 56-57.

³ Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sp/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E

дять к их оценке; с другой, – существует опасность и даже тенденция забвения и искажения образа войны и стоящей за ним исторической правды. Речь не только о «неинформированности», но и об отсутствии мотивации сохранить правду об уже далеком прошлом, о стремлении подменить истину такой интерпретацией, которая выгодна в рамках современной политической и иной конъюнктуры.

В.М. Соколов, д.филос.н. (РАГС, Москва)

Патриотизм – суть российского менталитета¹

Российский менталитет, духовный мир россиянина... В чем их суть, в чем специфика? Как меняются они в ходе исторического развития России? Какова их связь с коренными социальными преобразованиями современного общества? Каково влияние этих преобразований на патриотизм россиян? Все эти вопросы сегодня находятся в центре дискуссий в современном российском обществе.

В последние годы много говорится о патриотизме. Одни утверждают, что это «выдумка советской власти», другие – что патриотизм – исконное позитивное качество россиянина. Единственно правильный путь к выявлению истины – заглянуть в суть самого этого феномена, попытаться понять его истоки и специфику. Патриотизм – как социально-психологическое качество россиян – обусловлен самой сущностью российского менталитета: его духовностью, государственностью, коллективизмом (соборностью) и, отчасти, мессианством. Вернее, он равноправно стоит в одном ряду с ними, ибо все эти понятия тесно связаны между собой, одно обуславливает другое. Хорошо сказал об этом известный наш драматург В. Розов: «Мы – народ духовный. Чтобы разрушить россиян – надо разрушить духовность и все то, что с ней связано». Именно поэтому патриотизм – понятие базовое для характеристики россиянина.

Государственность русского человека сформирована многими объективными факторами и, прежде всего: трудностью сурового климата, спастись от которого в одиночку, без помощи организованного общества было нельзя, большим пространством, на котором проживали россияне и которое трудно преодолевать опять-таки без государственной заботы и, главное, необходимостью на протяжении всей своей истории защищаться от многочисленных врагов. Следует иметь в виду и то, что в силу этих и других причин (особенности характера, религии и т.д.) государство зачастую наделялось некой священной сущностью: многие люди начинали считать, что государство создано по Высшей воле, оно преследует Высшие цели, оно представлено Высшими существами и т.д. Поэтому россияне исторически были склонны подчиняться государству не столько как внешней для них силе, но как Божественной воле, которая во многом соответствовала их собственным мировоззренческим представлениям. Подобная «государственная доминанта» в сознании россиян тесно связана со своеобразным *мессианством* российского менталитета. В истории цивилизации только два государства традиционно именовали себя как *святые*: Израиль и Россия. Со временем мессианство в российском менталитете стало окрашиваться не только в религиозные цвета. Исключительно истинным, «богоизбранным» примером для всех народов и государств «становиться» и великая Российская империя, и советское государство, и коммунистическое строительство... И не только государство, но и русский народ, русский человек. Мессианство нельзя определить однозначно нравственно положительным или нравственно отрицательным качеством. Оно аморально, когда ведет к *насильственному* приобщению людей и народов к великой империи или великой идеи. Оно несет позитивный заряд, когда обуславливает особо развитое чувство гордости за свое государство, за свой народ, когда выливается в действенный патриотизм, способность к самопожертвованию во имя истинно великой цели. Думается, в российском менталитете присутствуют оба эти аспекта мессианства. Вера в величие России, в ее особую роль в мире настолько фундаментальный момент в российском ментали-

¹ Подробнее см.: Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути Отечества: Записки социолога. М., 2007.

тете, что пренебрегать этим – значит или бессознательно, или целенаправленно пытаться его разрушить.

Государственная доминанта в российском менталитете тесно связана и с *коллективизмом*. Коллективизм – не просто одна из известных и характернейших черт российской ментальности, это ее основополагающее качество, ибо определяет главную направленность *нравственности* россиян. Справедливо утверждается, что различные моральные системы отличаются друг от друга, прежде всего, соотношением коллективистских и индивидуалистических доминант в нравственном сознании людей. Западноевропейская, североамериканская цивилизации характеризуются тем, что в них господствуют нравственные нормы, которые основаны, прежде всего, на ценностях индивидуальных. В православно-славянской цивилизации в общественной морали господствуют нормы коллективистские. Речь не идет о том, чтобы на этом основании оценивать одну этическую систему как положительную, а другую как отрицательную. И то и другое имеет свои плюсы и минусы. Речь о том, что все они – государственность, мессианство, коллективизм, патриотизм – суть сути россиянина как представителя православно-славянской цивилизации. На практике, в социальной, политической деятельности, необходимо считаться с данными особенностями ментальности, без чего любое реформирование общества и более того, государственная политика в целом, обречены на провал. Пренебрегать же ими и тем более бороться с ними, искоренять эти качества – значит вольно или невольно стремиться уничтожить саму российскую нацию.

К сожалению, достаточно часто и весьма настойчиво различные политические силы, известные общественные и государственные лидеры пытаются это делать. Особенно это относится к тем, кто безоговорочно и некритично разделяет идеи либерализма. Типичными в этом отношении являются высказывания одного из теоретиков правых – Д. Дондурей¹, который особо сетует на то, что большинство российского народа «еще думает так, как будто битва на Куликовом поле кончилась вчера». В этом, по его мнению, главная наша беда, надо избавляться от подобной направленности мышления, и всем нам «нужно быстрее принориться к неизбежности либеральных ценностей». Лидеры правых без устали говорят о том, что чем полнее и быстрее россияне перейдут на позиции либерализма, тем лучше будет для них. Какие же «привлекательные», манящие «своей новизной» ценности содержит либерализм? В самом кратком виде суть их состоит в следующем: социально-экономические процессы в обществе должны проходить без всякого вмешательства государства, спонтанно, через безличный механизм свободного рынка, по принципу «не мешайте действовать»; ничто и никто не должен ограничивать индивидуалистическую свободу личности, тем более государство; равенство понимается только как равные условия конкуренции. И основное – в духовном плане: проповедь накопительства, приобретательства, богатства как главная и зачастую единственная ценность.

В корне неверно, прежде всего, утверждение наших либералов о том, что подобные теории разделяет «большинство цивилизованного человечества», что они единственно верные и неизбежны для всех. Они отчасти разделяются только западноевропейской и североамериканской цивилизациями, составляющими явное меньшинство среди всего человечества. Либеральные ценности не разделяют ни Китай, ни Япония, ни Индия, ни мусульманские страны, да и на Западе уже во многом отказались от тех постулатов либеральной теории, кото-

¹ *От редакторов-составителей: Представляется, что позиция Д. Дондурей не столь прямолинейна или – в процессе осмысления итогов российских реформ – существенно менялась: «Нужно сразу сказать об огромных, непростительных идеологических ошибках так называемых реформаторов. Они сделали очень много для страны, осуществили бескровную социально-экономическую и социально-политическую революцию – но совершили преступление, отделив социально-экономические, политические, технологические революционные процессы от мировоззренческих, идеологических, духовных. Они исходили из превратных представлений о том, что люди, увидев изменения жизни, одновременно сами будут менять свои представления о ней, и не занимались созданием новой мифологии, новой идеологии, которая поддержала бы реформы. В 2000-е наступила ситуация двойственности, мировоззренческой обезвоженности» (Д. Б. Дондурей). Дондурей Д. Б. Наше понимание любви к родине выращено Сталиным. Запись интервью В. Семенова // Независимая газета. 2006. 24 октября. [Эл. источник]: http://www.ng.ru/scenario/2006-10-24/11_dondurey.html*

рую исповедуют наши «новые либералы». Главное же заключается в том, что исторический опыт показывает, что либерализм в современном мироустройстве не только не ведет общество к духовному расцвету, к стабильности, но, напротив – загоняет его в тупик. И в этих условиях с какой-то маниакальной настойчивостью многие наши либералы стремятся сегодня загнать Россию в этот тупик, сломать российский менталитет, вытравить из него государственность, патриотизм, считают патриотизм отжившим понятием.

Почему же с такой же настойчивостью не пытаются разрушить свой менталитет японцы? Они успешно строят свое постиндустриальное общество, основанное на приоритете государства над личностью, не изменяя корпоративного характера своего мышления. Почему «бедные» французы до сих пор мыслят так, будто взятие Бастилии было вчера, до сих пор отмечают этот день как национальный праздник, до сих пор своим гимном считают революционную Марсельезу? Почему в той же Франции и государство, и общество так настойчиво борются против попыток размыть национальное, против того, чтобы чуждая культура не проникла к ним. В Париже вы практически не встретите вывески, рекламу, название фирм и т.д. на английском языке, известно, что там устанавливают квоты на показ иностранных кинофильмов. Думаю, наши господа либералы хорошо знают, что патриотизм в США – государственная политика, что американизм – национальная идея. Ничтожен там процент иностранной продукции, транслирующейся и по ТВ, и в кинотеатрах. На наших же экранах – засилье низкопробных американских фильмов, но почему-то это мало волнует либерально-демократических идеологов.

Встречаясь с американскими коллегами, очень трудно отвечать на их закономерные вопросы: почему мы показываем американские фильмы, в которых русские представлены как сплошные пьяницы, бандиты, дебилы? Почему и во многих наших фильмах такое негативное отношение к своей стране, к ее истории, людям? Один из американцев заметил, что если бы нечто подобное показали у них, то не только государство, но и общество выступили бы с таким протестом, что эта компания разорилась бы. У них не допустимо унижение своего народа, своего государства, тем более иностранцами.

Хотел бы коснуться еще одной темы, которая, хотя и косвенно, но также связана с темой патриотизма. Некоторые наши безоглядные поклонники Запада весьма своеобразно трактуют понятие «демократия». Как-то неловко повторять прописные истины, что демократия – это власть народа. Они же манипулируют понятием «демократия» по своим понятиям: когда в Государственную Думу народ избрал большой процент коммунистов, то они обозвали народ «быдлом», которому нельзя доверять. Как только большинство народа – 72% по результатам репрезентативных исследований, проведенных серьезными социологическими центрами – высказалось за возврат к музыке гимна, написанного Александровым, то наши либерал-демократы возмутились: а почему мы должны прислушиваться к мнению большинства народа? Сразу же раздалась классические демагогические измышления: если бы на обсуждение народа выставили закон Ньютона, то он никогда не был бы открыт. Никто не собирается обсуждать на всенародном референдуме не только математические и физические теоремы и формулы, но и серьезные социальные и экономические вопросы, требующие решения узким кругом специалистов. Никто, например, не собирается выносить на референдум статьи Налогового или Уголовного кодексов, но Гимн страны – это дело *каждого* гражданина, *большинства* народа, а не кучки демагогов от демократии. Позиции современного нового либерализма в российском обществе, отрицающие патриотическую направленность российского менталитета, целенаправленную государственную политику по воспитанию достойного гражданина России, поддерживают не более 8-12% населения (об этом свидетельствуют результаты репрезентативных исследований). Но это активное меньшинство всеми силами пытается навязать свое мировоззрение большинству. Тревожно то, что это навязывание идет очень активно, агрессивно, используя сложившуюся ситуацию, при которой многими средствами массовой информации владеют как раз люди, выражающие мнение незначительного меньшинства населения России. Кстати, американские наблюдатели, о которых я уже упоминал, были удивлены, что по ТВ в различных дискуссиях чаще всего мелькают «знакомые все ли-

ца», входящие в эти 8-12%. Выразители же интересов подавляющего большинства населения России – весьма редкие гости.

Особенно острым атакам либеральных демократов подвергается именно патриотизм россиян. Это объясняется и тем, что патриотизм во многом определяет «линию раздела» в решении важнейшей проблемы: Россия должна, не раздумывая, идти по пути западноевропейской и североамериканской цивилизаций или у нее свой путь к прогрессу (как и свои особенности понимания самого прогресса).

Сегодня мы часто слышим, что негоже говорить о величии России, о ее особом предназначении, особом пути развития. Негоже – потому что это отголоски имперских замашек, негоже – потому что вообще нет и не может быть у России какого-либо особого места в мире и не должна она выделяться из общего строя «цивилизованных государств». И вообще, как можно говорить о ее величии, когда бюджет России составляет лишь 2% от бюджета Соединенных Штатов? Конечно, о финансовой, военной, экономической мощи России сегодня, к величайшему сожалению, говорить не приходится. В то же время психологически сильное желание видеть свою страну великой, прежде всего, духовно, нравственно, в сфере науки, культуры, образования есть не «блажь» нищего народа и не происки коммунистов. Это желание исходит из самой сущности российского менталитета. Разумная опора на российский патриотизм облегчает реформирование общества, может помочь выработать общенациональную идею.

Серьезный анализ позволяет сделать вывод о том, что в массовом сознании россиян во все большей степени будет проявляться ренессанс *патриотической доминанты*. Эта тенденция, если она не будет учитываться нынешней политической элитой, приведет к определенному ее отторжению в обществе. Так, общественное мнение весьма серьезно расходится с нравственной и политической оценкой СССР, часто исходящей от определенного толка общественных и политических деятелей России. Одобряют определение «империя» (в ее *негативном* звучании!) по отношению к бывшему СССР только 5% опрошенных (в основном – публицисты, научные работники, руководители некоторых общественных и государственных организаций). Если в 1992 г. для 25% опрошенных распад СССР уже был проблемой, вызывающей наибольшее беспокойство, то в 1993 г. уже *более половины* респондентов считали именно это событие главной причиной экономических трудностей, межнациональных конфликтов и других кризисных явлений. В 1999 г. таких стало почти 70%. Если в 1990-1991 гг. наблюдалось существенное падение (уменьшение) в сознании людей нравственного веса, значения таких понятий, как «Родина», «великая держава», «любовь к отчизне», «патриотизм», то, начиная с 1993 г., четко просматривается обратная тенденция: заметно возрастает значимость для многих людей данных понятий и особенно – «великая держава», «сильное государство», «патриотизм». Так, исследования, проведенные Институтом социальных технологий в 1999-2001 гг., показывают, что почти 70% опрошенных согласны с тем, что «Россия должна сохранять себя как великая держава, даже если это ухудшит ее отношения с окружающим миром», 65% из них считают, что прежние руководители страны (при президенте Б. Ельцине) не проводили подобной политики. Особенностью мнения о непатриотизме прежних властей России является то, что этого мнения придерживаются приблизительно в равной мере представители разных социально-демографических групп населения.

Характерно, что уже сегодня, в отличие от начала 1990-х гг., практически нет такой партии, серьезных общественных движений, которые бы не взяли на вооружения своих доктрин лозунги патриотизма, сильной России, то, что еще совсем недавно многие клеймили как отсталость и невежество. Только в обществе стабильном и стабильном на протяжении длительного времени можно ожидать преобладающее в сознании людей понимание первичности личности по отношению к государству, определенного космополитизма в ценностных ориентациях. В период перехода от общества кризисного, раздробленного к обществу стабильному вне всякого сомнения будет и дальше возрастать нравственная значимость понятий «Родина», «Россия», «патриотизм», которые по своей сущности носят связывающий, объединяющий характер.

Состоялось ли гражданское общество в России¹

Ж.Т. Тощенко: По проблемам гражданского общества существует огромное количество точек зрения, я думаю, мы коснемся их, но основное внимание надо бы уделить ответу на поставленный темой вопрос. В связи с этим выскажу несколько тезисов.

Первое. Понятие «общество» в научной литературе начало использоваться только в XVIII в. В это время стали формироваться силы, которые могли оппонировать государству, противостоять ему, высказывать иную точку зрения, претендовать на то, что проблемы развития страны можно решать по-другому. Это связано с появлением политических партий, общественных организаций. Стала формироваться буржуазия, которая претендовала на политические права, не имея их. Т.е. появилась оппонирующая политической власти и государству сила.

Второе. Когда возникло гражданское общество? Я лично связываю его с Великой французской революцией, когда к тем силам, которые появились после Английской революции в XVII в. – партиям, общественным организациям, движениям, различным объединениям – добавилось принципиальное, гарантированное законом положение, что *каждый человек* может претендовать на участие в общественной, политической жизни страны. Данный момент – вовлеченность каждого человека во все основные виды деятельности государства я считаю важнейшим критерием формирования гражданского общества. Замечу однако: хотя это положение было провозглашено, это не означало, что оно было во всем реализовано. Не реализовано оно и до сих пор – ни в полном объеме, ни в странах, где зарождалось.

Третье. Гражданское общество – прежде всего феномен человека, хотя нельзя отрицать роли политических партий, общественных организаций, объединений, разнообразие которых определяет и политическая, и социальная, и экономическая, и культурная, и даже спортивная сферы общественной жизни. Спектр этих организаций увеличивается, и представляют они различные возможности реализации этого права. Даже общества садоводов или автолюбителей реализуют некоторые аспекты гражданского общества.

Так состоялось ли в России гражданское общество? И да, и нет. Рассуждая об этом, мы и здесь встречаемся с парадоксальностью, концепцию которой я изложил в монографии «Парадоксальный человек». С одной стороны, люди высоко оценивают возможность свободы слова, передвижения, ряд других позитивных моментов. Но одновременно возникает вопрос о возможности и праве влиять на решение государственных дел, даже на уровне местного самоуправления, о возможности его реализации. На вопрос одного исследования «Как Вы считаете, нужно, чтобы трудящиеся, население принимало участие в управлении?» 80% сказали – «да». А реально участвуют 12-13%. Столь же противоречивый характер носит отношение людей к «защитным» мерам. Поясню: если они попадают в трудное положение, то по сравнению с советским периодом, когда жаловались в партком, профком, завком, в подавляющем большинстве говорят: сейчас мы надеемся только на близких, родных, тех, кто связан с нами невидимыми узами. А на официальные органы, администрацию предприятия надеются примерно 15%. Таким образом, можно, конечно, говорить о том, что в России есть начала гражданского общест-

¹ В апреле 2006 г. в Российской академии государственной службы при Президенте РФ прошел «круглый стол» «Состоялось ли гражданское общество в России?». Его организаторами выступили социологические структуры РАГС и редакция журнала «Социологические исследования». Вели заседание директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти», д.ф.н. В.Э. Бойков и главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко. В основу обсуждения легли результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в ноябре 2005 г. (Результаты исследования, а также некоторые аналитические материалы и статьи по данной проблеме опубликованы в вестнике «Социология власти» (2005. №6). В обсуждении приняли участие В.К. Егоров – президент-ректор РАГС, зав. кафедрой теории и практики культуры, д.ф.н.; В.К. Левашов – зав. отделом стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН, д.с.н.; И.Д. Жук – депутат Московской областной Думы; С.В. Туманов – директор Социологического центра МГУ им. М.В. Ломоносова, д.ф.н.; О.Ф. Шабров – заместитель зав. кафедрой политологии и политического управления РАГС, д.п.н.; И.Г. Яковлев – директор научно-исследовательского центра Московского городского педагогического университета; Г.И. Марченко к.ф.н., доцент философского факультета МГУ; В.И. Патрушев – д.с.н., профессор РГСУ; В.Ю. Леденева – к.с.н., доцент кафедры социологии РАГС; О.А. Митрошенков – зав. сектором Социологического центра РАГС, д.ф.н.; другие специалисты.

ва, но до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично.

В.Э. Бойков: Несколько проблем отчетливо высвечивается в наших исследованиях относительно обсуждаемых вопросов. Первая – это глубочайшее отчуждение населения, различных социальных групп и институтов от государства. Многие социологи считают, что категория «отчуждение» не может быть операционализирована в социологических понятиях и с помощью социологических индикаторов. Возможно, во всей полноте и нет. Тем не менее такие индикаторы есть. Когда человек не понимает политику государства, не доверяет государству, отстранен от властных структур и т.д., это, хотя бы в социально-психологической форме, и есть проявление реального отчуждения – и правового, и экономического, и политического, и других его форм.

Согласно нашему исследованию, доля респондентов, отметивших непонимание смысла и цели экономической и социальной политики, составляло 78-80%. Это – устойчивая цифра, начиная с 1990-х гг. (2002 г. – 78%, в 2005 г. – 81%). Посмотрим, как оценивают люди конституционное «равенство всех перед законом». До 60% считают, что на чиновников, милицию, прокуратуру и т.д. эта конституционная норма не распространяется абсолютно. Более того, к одним применяются одни нормы, к другим – иные.

Вторая проблема связана с отчуждением, разделением публичной политики и частной жизни. На вопрос «Как Вы считаете, участие в выборах – обязанность гражданина?» две трети говорят – «да». А вера в то, что участие в выборах дает возможность повлиять на власть, резко уменьшилась. Если в 1995 г. 62% ответили «да», то в 1999 и 2003 гг. – только 20-21%; сейчас этот уровень еще ниже. Две трети респондентов не верят в возможность влиять на деятельность властей и во всех других случаях, столько же – не хотели бы участвовать в управлении общественными делами в своем поселке, городском районе и т.д., потому что не видят в этом никакого смысла.

Так состоялось у нас гражданское общество или нет? Институционально вроде бы все в порядке: профсоюзы и партии есть, фонды какие-то существуют, общественные организации, но, по сути дела, только около 3% дееспособных граждан участвуют в какой-либо партийной деятельности. К тому же все эти институты гражданского общества стали тенью государственных структур, например, партия «Единая Россия». Другие институты или торпедируют государство, причем разрушительно, например, некоторые средства массовой информации, или становятся квазиинститутами. Это затушевывает проблему: по видимости все нормально, есть возможности, каналы, формы реализации гражданской активности, а на самом деле это не каналы, а «глушилки» гражданской активности. И люди чувствуют это. 5 лет назад наиболее действенными формами гражданского волеизъявления 20% респондентов считали акции массового протеста, митинги, демонстрации, сейчас – почти половина. И такая тенденция может приобрести протестный, я бы сказал, разрушительный характер.

Смысл гражданского общества – в консолидации интересов, в проявлении волеизъявления. У нас гражданское общество в тех формах, в которых оно сегодня проявляется, приводит к обратному эффекту. И пока не будет гражданского общества, говорить о демократии, о прогрессе, о свободе личности и т.д. просто бессмысленно.

В.К. Левашов: Широкая дискуссия, связанная с определением гражданского общества, идет не только у нас. Чтобы прояснить ситуацию, нужно обратиться к истории, генезису понятия, генезису социального, политического процесса. На мой взгляд, процессы установления гражданского общества прошли раньше, чем назвал здесь Ж.Т. Тоценко. Они связаны с появлением института имущественных отношений и отношений по этому поводу между гражданами и государством. Как только появился институт собственности, имущества, возникла необходимость оформлять эти отношения, появились свободные граждане. В греческом полисе, например, но поскольку не все члены общества были свободными гражданами, сфера гражданского общества объединяла лишь совокупность членов общества, которые являлись гражданами.

Медленно, сквозь века шел процесс понимания государством интересов граждан, постепенно оно все больше вовлекало их в процесс политического и социального управления. Ко-

гда классики марксизма говорили по поводу отмирания государства, то в первую очередь имелся в виду процесс, когда граждане принимали на себя в повседневной жизни часть государственных функций по управлению обществом. Т.е. они активно вовлекались в процессы социального и политического управления по мере того, как расширялся ареал свободных граждан. При этом гражданское общество было неравнозначно и неодинаково по своему качественному и количественному составу. Таким образом, гражданское общество есть изменяющееся в своей сущности понятие, в котором, по мере того как развивается человечество, появляется новое качество, меняются сущностные количественные и качественные характеристики...

И.Д. Жук: Я хотел бы остановиться на третьем вопросе: перспективах осуществления реформы самоуправления в российском обществе. У более чем половины муниципальных образований Московской области сегодня есть представление, как дальше жить в связи с проводимой реформой. Мы приняли Закон, утвердили Кодексы, но не подумали, что общество не подготовлено к этому, что у нас сегодня огромный голод на кадры работающих именно в низшем звене муниципальных образований. Как избрались главы городов и депутаты, мы знаем: кто больше заплатил, тот и прошел, но они тоже не знают, как «делать» это общество.

А проблем накопилось много. Возьмем жилищно-коммунальное хозяйство. Вроде бы все знают, что с ним сделать. Но все делается наоборот, и каждый год все хуже и хуже. Сегодня сказано, что должно управлять им именно общество, т.е. владельцы квартир, домов. В новых домах это еще возможно. А что делать со старым жилищным фондом? Похоже нужны другие схемы управления. Но их нет, а есть только недовольство населения, притом на всей территории.

Я занимаюсь вопросами развития дорожной сети на территории Московской области. В 2004 г. в России было 30 тыс. деревень, откуда люди не могли попасть в районные города. А на этот год по статистике таких деревень уже 50 тыс., потому что даже те оставшиеся грунтовые дороги, которые были, разбиты тракторами. Можно ли говорить серьезно о вопросах образования, здравоохранения, ЖКХ, если в России такое бездорожье? Сегодня без развития дорожной сети мы не реализуем ни одного национального проекта, а теряем по этой причине более 500 млрд. рублей.

Правительство нередко вносит вопросы, не продумав до конца возможность их решения, не прояснив, как это скажется на качестве жизни населения. Если такая задача не будет ставиться по каждому вопросу, по каждой программе или закону, мы не сумеем создать необходимого правового поля, которое нам бы дало возможность создать настоящее гражданское общество.

С.В. Туманов: Сформулирую три тезиса, которые также могут быть предметом для нашей дискуссии.

Первый. На протяжении последних полутора столетий в нашем Отечестве существовала специфическая социальная группа, которая была очень эффективным индикатором гражданского общества. Это интеллигенция. Как известно, в структуре западного общества такой группы нет. Я бы не стал утверждать, что это специфический российский продукт, хотя такая точка зрения существует и достаточно распространена. На мой взгляд, интеллигенция возникает в странах, которые вступают в стадию индустриального общества, требующую независимого от государства собственника и квалифицированного, достаточно самостоятельного работника, когда в силу ряда конкретных исторических причин в этих обществах, в этих странах нет нормальных зачатков гражданского общества. В данной ситуации на плечи интеллигенции ложатся функции отсутствующего гражданского общества: если не общественный контроль за государственной властью, то, по крайней мере, оппонирование ей с позиции интересов народа. Как любой паллиатив, интеллигенция выполняла эти функции противоречиво, порой уродливо, и об этом писал еще Ф.М. Достоевский, а потом практически каждый серьезный российский и советский писатель. В какие-то периоды эта группа объявляла свое право быть лидером в выражении интересов народа, будь то революция 1905 г. или трансформация коммунистической системы. В какие-то периоды, наоборот, подчиняла себя реализации этих интересов, как, скажем, народники или та часть интеллигенции, которая сознательно пришла на службу Советской власти. Но в любом случае речь шла о некоей специфической функции –

исторической миссии интеллигенции. Вот этой группы, на мой взгляд, сейчас в России больше нет. По результатам наших опросов (последний в 2003 г.), есть 5-7% людей, которые считают себя интеллигентами. Большею частью это люди старше 50 лет, основная задача которых сегодня – выжить самим и помочь выжить своей семье. Есть женщины в возрасте 30-50 лет, которые тоже идентифицируют себя таким образом. Новейшая российская история не оставляет сомнений в том, что интеллигенция приняла самое активное участие в сломе той общественной системы, в рамках которой она только и могла существовать. Но она оказалась совершенно неспособной реализовать те лозунги гражданского общества, демократии и свободы, которые были вынесены на ее политические знамена. Несостоявшиеся в своей профессии завлабы, которые тогда правили от имени народа, в лучшем случае, руководствовались корпоративными интересами, но чаще всего – своими личными. Издевательский парадокс нашего времени состоит в том, что функцию контроля за властью у нас осуществляет сама эта власть. Понимая ненормальность положения. Но в российской истории все это уже было. В XVIII в. главным радетелем интересов народа была матушка-императрица, а её главными помощниками в этом благородном деле – помещики, «отцы родные» своим холопам. Тогда писалось Гражданское Уложение, создавались комиссии, и причина этой государственнической активности была та же самая – стремление понравиться цивилизованной Европе. Поговаривают, что сейчас у нас наверху очень озабочены предметной критикой по поводу слабости российского гражданского общества. Значит, есть шанс увидеть новые «потемкинские» деревни, потому что давно уже известно, что и у абсолютистской власти, и у власти буржуазии, и у власти бюрократии, нет более серьезного противника, чем гражданское общество. В XVIII в. вовремя спохватились и остановились, и сегодня во власти у нас сидят не альтруисты, так что будем иметь уже то, что имели.

Все, о чем я сказал, это следствие отсутствия гражданского общества или факторы, которые не способствуют его становлению. А по сути ведь речь идет об экономической самостоятельности и о способности к самоорганизации. Вот, на мой взгляд, в чем суть гражданского общества.

И вот *второй тезис*. С этой точки зрения, мы, как мне кажется, от гражданского общества сегодня дальше, чем были 20 лет тому назад, при Советской власти. Наше общество в тот период, поверив в свои силы, общечеловеческие ценности, наступающую эру благоденствия, дружно пошло во власть. И очень быстро многие вернулись «стриженными». И раньше основная часть населения не видела причинной связи между материальным благополучием и результатами своего труда, так уж устроена наша экономика. Приватизация государственной собственности еще более усилила иллюзию, что можно «на грош закупить пятаков». Тысячи, действительно, купили, а основная масса стала вкладчиками «МММ», «Чары», «Тибета» и других структур со всеми вытекающими последствиями. Дефолт 1998 г. охладил пыл и тех, кто не пострадал в первые годы либеральных реформ, кто даже воспользовался этими реформами и уже чувствовал себя чуть ли не средним классом. В итоге принцип частного преуспеяния превратился в принцип частного выживания. Психологи считают, что в нормальном обществе существует 13-19% активного населения. Для молодежи эта норма – 25-30%. По данным опросов 2003 г., только 10% молодежи считало, что их будущее целиком зависит от них, и более 80%, – что государство обязано обеспечить им социальные гарантии. В других возрастных группах уровень патернализма еще выше. Только 7% взрослого населения считает, что каждый человек обязан сам заботиться о себе. Этот принцип частного преуспеяния, который был самым популярным в начале 1990-х гг., имеет сегодня 7% сторонников, и более 40% уверено, что их жизнь целиком зависит от деятельности Правительства и Президента.

Высокие мировые цены на сырье и энергоносители создают условия для постоянного подпитывания этого государственнического патернализма. Регулярное дозированное повышение заработной платы и пенсий не решают материальных проблем населения. Но они еще более убеждают его в том, что проблемы его жизни и смерти целиком находятся в руках благодетеля-Президента. В Советском Союзе было много псевдоорганизаций, но ведь были и организации, которые возникли в результате творчества масс: студенческие строительные отряды, мо-

лодежные кооперативы, клубы авторской песни, были (полностью выродившиеся сегодня) правозащитные организации. Этот список можно продолжать и дальше. Даже у самой большой советской массы – очереди – были элементы самоорганизации (записи, переключки, десятники и т.д.). Это, действительно, были не официальные, какие-то уродливые, но все-таки элементы гражданского общества. Сегодня лично я знаю в стране только одну инициативную и общественно значимую структуру – это «белые копатели», которые ищут тела погибших во времена Великой Отечественной войны. Работоспособным является Комитет солдатских матерей, но я, по правде сказать, не знаю, насколько эта организация является самоорганизацией, как, впрочем, и большинство некоммерческих организаций.

И *последний тезис*, но это самое главное. Есть исторически сложившееся гражданское общество, и есть проект сознательного моделирования такого общества в современной России. О способности бюрократии реализовать этот проект, мне кажется, можно не говорить. Значит, остаются благодетели за рубежом и сознательные граждане внутри страны. Если можно осуществлять демократию в Ираке, почему нельзя построить гражданское общество в России? Технологически кажется все просто, надо взять основные структурные элементы этого исходного образца, перенести на российскую почву. Но мы ведь не просто развивающееся общество, мы – социум, который уже побывал на заключительной стадии индустриального общества, со всеми его чертами, с его массовизацией и атомизацией человека, с его стандартизацией образа жизни, с его потребительством, и одного вируса массовизации, который сегодня разъедает классическое гражданское общество, в т.ч. и французское, об этом говорили, вполне достаточно для того, чтобы проект стал трудно реализуемым. Я понимаю, что есть люди, которые исповедуют другую точку зрения, и для того, чтобы этот теоретический спор получил практическую реализацию, добрые люди организовали эксперимент. К примеру, если реформа ЖКХ состоится, значит, с гражданским обществом у нас все в порядке, а если она вынесет на поверхность новую генерацию прохвостов, которые превратят каждый многоквартирный дом в очередную маленькую «Чару», «Тибет» и т.д., значит, в нашем Отечестве есть еще «отдельные» недостатки. Поживем – увидим.

О.Ф. Шабров: Вопрос о том, есть ли гражданское общество, по-моему, не стоит никогда, пока есть государство. Если его нет, то тогда о чем писал Гегель? Или Маркс, когда говорил о гражданском обществе в условиях монархии немецкой, прусской; Ключевский, анализируя общество в Руси XII в., или Карамзин, который сравнивал общество наполеоновской Германии с обществом в России при Екатерине II?

Нам нужно быть более строгими в понятиях. Для меня гражданское общество – это сфера самоорганизации в отличие от государства, где существуют другие отношения – вертикальные в сфере управления в обществе в целом. Если это – сфера самоорганизации, то я согласен с С.В. Тумановым, его нельзя строить. Все, кто из государственного аппарата собирается его строить (а у нас есть такие любители), могут породить только искусственные конструкции типа «Единой России» (не знаю, почему у нас относят ее к числу партий?). И возникают тогда, действительно, не гражданское общество, а некие симулякры, видимость некой конструкции, которая к самоорганизации никакого отношения не имеет. Но ведь именно сфера самоорганизации обеспечивает потенциальную возможность развития любой системы управления, стабильность и условия для сферы самоорганизации в любой живой системе.

И поэтому возникает вопрос о первом условии нормального функционирования гражданского общества. Чтобы оно было способным обеспечить России устойчивое развитие, государство должно выполнять, вообще говоря, единственную функцию по отношению к нему – обнести себя «красными флажками» и не позволять чиновнику лезть туда, где развитие должно осуществляться путем самоорганизации, «само». Если мы таким образом ставим вопрос, тогда должны сказать, что гражданское общество может развиваться и нормально функционировать только в условиях правового государства, установившего те «красные флажки», за которые чиновник ни полшага не должен заступать.

Проблема правового государства, правового сознания стала предметом нашего исследования по программе ТАСИС, подписанной Государственной Думой. В ответах на вопрос: «Кто прежде

всего нарушает трудовые, социальные, гражданские права населения?» на первом месте оказались сложившаяся структура власти; на втором – суды. Почти половина респондентов считает, что судьи коррумпированы; 46% утверждают, что суд делает то, что ему скажет власть; судьями управляют богатые и т.д. 16% определили, что судьи руководствуются законом. Такова характеристика правоохранительной системы, которая и обязана (!) следить за соблюдением наших прав. Способно ли в таких условиях гражданское общество выполнять функцию обеспечения общественной системы? Думаю, нет.

Один из важных элементов самоорганизации гражданского общества – местное самоуправление. Если оно действительно отделено от государства, тогда это элемент гражданского общества. Но если государство различными путями, и недофинансированием, и определенными противоречиями в законодательстве не выйдет из этой сферы, значит, у нас нормального самоуправления не будет.

Г.И. Марченко: Тезис о минимизации государства представляется достаточно понятным в свете всеобщего недовольства, неудовлетворенности самим государством, и все мы находимся под властью этого широко распространенного предубеждения. Выражу некое сомнение по отношению к высказанной мысли. Функции, которые выполняют гражданское общество и государство, разные. Хотя одновременно они могут и совмещаться, гражданское общество может брать на себя социальные функции, которые не выполняет государство. И до тех пор, пока существует государство, пока оно развивается, будут появляться все новые и новые направления внутри самого общества, которые не будут покрывать государство, и тогда инициативные, гражданственно мыслящие, озабоченные не только своим частным интересом люди берут на себя миссию осуществлять эту роль. С другой стороны – от веку гражданское общество высказывало и высказывает сомнение, недоумение тем, что творит государство. И в разных формах. Считаю также, что существует неформальное измерение гражданского общества, измерение сердца. Вряд ли нужно все сводить только исключительно к движениям против, т.е. протестным. Были и есть те движения, которые были «за», нередко они инициировались самим государством, понятно, в поисках поддержки. И, наконец, существовали и существуют внутри самого государства чиновники, государственные служащие, бюрократы, люди, которые думают все-таки о народе, о населении. И тогда жесткое разграничение и демаркация между гражданским обществом и государством становятся рыхлыми.

О.А. Митрошенков: Признаки гражданского общества в России как будто очевидны. Конституцией закреплены основные права и свободы, отменена цензура. Есть разные партии, парламент, социальные группы и актёры – бизнес, многочисленные СМИ, профсоюзы, суд. Есть гражданские протесты: против монетизации льгот (январь 2005, 240 тыс. чел.), увеличения цен на бензин (февраль, 50 тыс.), реформы ЖКХ (март, 100 тыс.), новых правил дорожного движения (январь 2006, 10 тыс. чел.), митинги в поддержку О. Щербинского (февраль, 25 тыс.). На некоторые протесты власть реагирует вполне конструктивно. Создана Общественная палата. Пожалуй, значимые штрихи гражданского общества этим и ограничиваются. Это дает возможность утверждать, что тезис о наличии в России гражданского общества весьма спорен. Сегодня на просторах страны наблюдается скорее совокупность атомизированных и довольно бесправных индивидов, фрагментированных образований, которые гражданского общества не создают.

Среди признаков отсутствия гражданского общества в России: *Во-первых, расколотость российского социума и населения по различным линиям* – бедные и богатые; Центр и регионы; столица и провинция; элиты и народ; чиновники и все остальные; по национальным, религиозным, культурным, поколенческим основаниям. *Во-вторых, отсутствие объединяющих ценностей.* Таких как доверие, солидарность, согласие по базовым основаниям общества, уважение к жизни, личности и достоинству человека. Доминирует противоположное, т.е. то, что десоциализирует его. *В-третьих – фактическая бессубъектность российского социума.* Субъект общества – это социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать значимые (в масштабах общества), самостоятельные и ответственные решения и действия. У нас есть актёры, действующие лица, статисты, даже личности, но субъектов, кроме Президента и его админи-

страции, нет: все остальные лишь реализуют его волю, и ничего не решают. Бессубъектность общества противоречит демократии и рыночной экономике, следовательно, и гражданского общества. *В-четвертых – отсутствие среднего класса.* В разрозненном обществе государство претерпевает опасные трансформации, становясь корпоративистским, оно преследует собственные цели и интересы, отличные от целей и интересов общества, что противоречит его природе и интенции целого. Суть этой модели – в государственном перераспределении ресурсов «своим». Этот вирус приобретает характер эпидемии. Депутаты Госдумы намерены снять законодательный запрет для себя на параллельное занятие бизнесом. Это намерение отражает желание депутатов «подзаработать», обрести собственность. В их самосознании нет и намека на поворот к статусу «слуги общества». Скрыть этот цинизм от населения нет никаких шансов. Пятое. Ведущим субъектом корпоративного государства стала бюрократия и сопутствующие ей теневые отношения, клиентелизм, коррупция, взаимные обязательства. Наше исследование показало низкий уровень доверия к политикам, вынужденность приспособления к действиям властей, скепсис в возможности влиять на их решения.

Однако развитие гражданского общества – это не одностороннее движение, не монополия государства и каких-то органов. В самом обществе важно осознание необходимости действий в этом направлении. Однако сегодня мало людей, готовых участвовать в контроле за деятельностью органов власти, в работе общественных организаций и самоуправления. В результате образуется замкнутый круг: власть игнорирует интересы граждан, которые отвечают ей тем же. Ситуация начнет меняться только тогда, когда само общество научится влиять на власть, задействуя разные каналы. И – прежде всего – нужны новые модели мышления и действий, решительные и эффективные.

О других аспектах создания в России гражданского общества говорили участники «круглого стола». В частности, по мнению *В.И. Патрушева*, формирование гражданского общества может опираться на реализацию социальных целей, принятых государством и обществом, различные структуры общинного самоуправления, другие общественные организации. Среди причин, сдерживающих развитие гражданского общества, *В.Ю. Леденева* назвала приоритет властных полномочий против отношений собственности, огромное неравенство доходов, неприязнь между богатыми и бедными, элитой и населением, порождающими социальные основы для авторитарного режима с националистическими чертами, криминализацию общества. По ее предположениям «России необходима собственная модель (гражданского общества), адекватная российским условиям и менталитету русского человека», которая «будет воплощать в себе такие идеалы русского народа как соборность, духовность и ориентацию на общие цели через реализацию частных». О семантических шкалах, позволяющих реально измерить взаимодействие гражданского общества и государства, говорил *И.Г. Яковлев*. Выступивший в заключение президент-ректор РАГС В.К. Егоров высоко оценил потенциал «круглого стола» и предложил провести по обсуждаемой теме еще несколько подобных обсуждений и дискуссий, выразив надежду на их конструктивность.

Е.П. Тавокин, д.соц.н. (РАГС, Москва),

И.А. Табатадзе, к.соц.н. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне

Под *исторической памятью* будем понимать обобщенный коллективный опыт социальной группы или общества в целом, который формируется в процессе развития представлений человека о мире, является актуальным для ныне живущего поколения и хранится при помощи системы средств массовой информации и особых социальных институтов, для актуализации и последующего использования накопленного исторического опыта¹. Объектом отражения исторической памяти является прошлое во всем многообразии его проявлений в духовной и материальной сферах жизни общества через связь поколений. Историческая память отличается от идентичной категории «историческое сознание». Последнее выступает

¹ См.: Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества. Автореф. канд. дисс. М., 2005. С. 20.

как более общее понятие. Оно имеет гораздо более протяжённый временной и пространственный лаг, охватывает как важные, так и случайные события. Оно впитывает в себя не только систематизированную информацию (в основном через систему образования), но и неупорядоченную (через средства массовой информации, художественную литературу и т.д.), восприятие которой определяется особыми интересами общества, социальной группы или конкретной личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет *случайная* информация, часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи, а также в известной мере традициями, обычаями, которые несут в себе определённые представления о жизни народа, страны, государства.

Историческая память, по мнению Ж.Т. Тощенко, определенным образом «сфокусированное сознание», в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность, благодаря её тесной связи с настоящим и будущим¹. Она, по сути, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей в настоящем или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Содержание исторической памяти представляет собой относительно устойчивую совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, характерных и для общества в целом, и для отдельных людей, различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп.

Начиная с первых дней существования человека, *прошлое* постоянно окружает его в повседневной культуре, находя свое отражение в межличностных отношениях, во взаимодействии социальных групп, в общественном строе; в обрядах, обычаях, традициях, интегрирующих социальный опыт; в фольклоре, произведениях литературы и искусства, способствующих пониманию прошлого через художественные образы и т.п. Благодаря подобной связи между поколениями образуется целостная история человечества. Отражение этой связи и представляет собой историческую память. В культуре любого народа происходит постепенное накопление образов, наследование живых форм культуры. И это не что иное, как результат работы исторической памяти.

Историческая преемственность одно из основных условий полноценного функционирования социума. Без осмысления истории своей страны, происходивших и происходящих социально-экономических, политических и духовных перемен общество теряет ориентацию в будущее. Кроме того, уважение к истории, формируя высокое чувство национальной гордости, одновременно учит любить Родину не только в дни побед, но и в моменты потерь и поражений, делить с родным народом не только плоды его исторического подъема, но и времена трудностей и исторических тягот. Именно тогда общность исторических судеб народа становится нерасторжимой связью между соотечественниками – во времени и пространстве. Поэтому историческая память является одной из основ национального самосознания и выражается в знании народом своей истории и своих героев, в верном восприятии прошлого своей страны, в следовании национальным традициям и общественным устоям. Сохранение традиционных устоев отнюдь не является помехой для общественного развития, наоборот, оно представляет собой основание для патриотизма и общественного совершенствования. Народ, утративший историческую память, самобытность, теряет вместе с этим и ту культурную «нишу», которую он исторически занимал в мировой цивилизации.

Историческая память – часть общественного сознания, а потому она не только персонафицирована, но и социальна. И хранителями (субъектами) ее выступают социальные общности: семья, нации, государство; отдельный же член общества, очевидно, не может быть рассмотрен как полноценный носитель всей совокупности фактов, включенной в историческую память. В то же время, подлинная историческая память не может существовать без личной исторической памяти, без знания того, что связано с личной судьбой конкретного

¹ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память // Парадоксальный человек. М., 2001.

человека, историей его семьи, предшественников, которые функционировали в истории. Это означает, что человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, края, в котором родился или живет. Без памяти нет личности, без личности нет человека.

Таким образом, историческая память выступает в виде сложного и многогранного духовного образования, фиксирующего состояние устойчивости и изменчивости в общественном развитии и обеспечивающего преемственность, связь времен и поколений, что в целом является основой для правильной ориентации в будущее. Способность исторической памяти воспроизводить прошлое и увязывать его с будущим является фундаментальным свойством человека и человеческого общества. Она представляет собой один из ключевых механизмов соединения людей этническими связями, обеспечивая идентичность исторических предков, общие воспоминания, коллективные гордость и унижения, радость и сожаления, связанные с тем, что случилось в прошлом.

Историческая память не может отражать прошлое абсолютно бесстрастно. Возникающие акценты в восприятии прошлого формируются под влиянием, прежде всего, меняющихся политических и нравственных установок. Мозаичность, разобщенность современного российского общества, обусловленные снятием государством с себя этатичных, скрепляющих функций и (по этой причине) отсутствием каких-либо стратегических целей и вообще осмысленной объединительной идеи, почти полярное различие социально-групповых интересов накладывают существенный отпечаток на содержание исторической памяти в различных социальных группах, делая её внутренне противоречивой. В ней, как следствие, переплетаются правда и вымысел, а чаще - целенаправленно внедрённая ложь, подлинно научные знания и особым образом интерпретированные мифы с легендами, диалектика и метафизика. Историческая память, её элементы и состояние являются относительно новыми объектами социологических исследований. Получаемая с их помощью информация позволяет принимать более взвешенные, обоснованные решения в деятельности по формированию патриотического отношения населения к стране и государству, усилению воспитательного воздействия культуры, искусства, образования, средств массовой информации на этот процесс.

Результаты многочисленных исследований убедительно свидетельствуют о том, что из всех явлений прошлого наиболее устойчивым элементом исторической памяти российского населения, сохраняющим неизменно первую позицию в соответствующих рейтингах, является память о Великой Отечественной войне. Другие достижения нашей страны, которыми следует гордиться, исследования 1998 и 2004 гг. ранжировали (за небольшим, не имеющим принципиального значения положением некоторых явлений) в следующем порядке: послевоенное восстановление страны; великие российские поэты, писатели, композиторы; достижения отечественной космонавтики; первый полет Ю. Гагарина в космос; достижения российских спортсменов; отечественная система образования; авторитет России в мире; мощь и богатство дореволюционной России; достижения отечественной медицины; российская армия; ликвидация «железного занавеса»; выдающиеся российские цари и императрицы; мученики и святые русской православной церкви; Октябрьская революция 1917 г.; гласность и перестройка; успехи в создании рыночной экономики¹.

¹ См.: Исследование Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС «Историческая память (на примере исследования исторического сознания населения РСФСР)», проведенного в 1990 г. (общероссийская репрезентативная выборка, V=2196 чел.); исследования конца 1980-х-1990-х гг. ВЦИОМ и исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем 1996 г.; результаты исследований социологического центра РАГС «Историческая память в массовом сознании населения России» 2001 и 2004 гг. (общероссийская репрезентативная выборка = 2401 и 1601 чел. соответственно), Аналитический доклад ИКСИ РАН «Граждане новой России: Кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1994-2004 гг.)». М., 2004 и др.

Память о Великой Отечественной войне при всех её проблемах, ошибках, провалах – сегодня, пожалуй, единственное историческое событие прошлого, которое в немалой степени объединяет население России и бывших республик СССР¹. Можно утверждать, что в условиях современной идеологической и политической невменяемости победа в Великой Отечественной войне стала фактически опорной позитивной точкой российского национального самосознания. В 2002 г. президент РФ В. Путин в знаменательный день 22 июня заявил: «Мы будем защищать правду о Великой Отечественной войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду и оскорбить память тех, кто пал». Однако за прошедшее время мало что сделано для этого. По-прежнему продоплаются, хотя и более скрыто, фальсификации, подтасовки, а нередко – чудовищная ложь на выдающийся подвиг советского народа. При этом применяются весьма изощрённые «информационные технологии». В частности, пробуждаются симпатии к тем, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР. Чаще всего они представляются в виде «невинных жертв» (например, командовавший карательной дивизией в Белоруссии группенфюрер СС фон Панвиц) или «борцов со сталинизмом» (предатель-генерал Власов). Перед юбилеем Победы в 2005 г. «по суворовским училищам и кадетским корпусам с помпой и почетом ездил капитан власовской армии П. Бутков, который рассказывал учащимся как он вместе с гитлеровцами уничтожал «проклятых большевиков»². Подключились к развенчанию сущности Великой Отечественной войны и «властители дум». В 1990-е гг. в государственных издательствах издавалась художественная литература, оправдывающая предательство. Основной ее смысл сводился к тому, что да, власовцы были изменниками, но ведь они боролись со «сталинизмом».

Необходимо признать, что массированная информационная война в пространстве исторической памяти о Великой Отечественной войне дала определенные результаты. Главный результат – раскол исторического сознания. Былое единодушие в понимании роли и оценках значения Великой Отечественной войны сменилось довольно противоречивым разбросом мнений. При этом в наибольшей степени последствия разрушительной информационной кампании проявляются у молодёжи.

Несмотря на то, что ВОВ воспринимается гражданами России как наиболее значимое для страны событие, интерес к ней существенно снизился. Из материалов исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в 2004 г.³, следует, что только 38% граждан России очень интересуется это событие. В молодёжных (до 39 лет) группах этот показатель колеблется в пределах 17-22%. Среди молодёжи 18-24 лет в 3 раза больше, чем в старшей (60 лет и старше), кто никого не помнит из полководцев Великой Отечественной войны, и в 2,5 раза меньше не помнящих Героев Советского Союза той поры. Благодаря стараниям властей, исключивших известный всему миру подвиг «Молодой гвардии» из школьной программы, ничего не знает о молодогвардейцах почти треть молодых людей до 29 лет.

Одним из главных индикаторов характера восприятия Великой Отечественной войны является оценка роли И.В. Сталина в ней. В целом почти две трети респондентов оценили её положительно, однако значения этого показателя в возрастных группах существенно различны. Если в самой младшей (18-24 года) возрастной группе его значение равно 48%, то в самой старшей (60 лет и старше) – 84%! И хотя в массовом сознании российского населения наблюдается тренд в сторону положительного восприятия деятельности И.В. Сталина⁴, негативные тона также имеют высокий процент. В этом отношении показательны данные опроса ВЦИОМ о личности Сталина, проведенного осенью 1999 г.⁵. 32% российских граждан тогда считали, что он был жестоким, бесчеловечным тираном, виновным в уничтожении

¹ Историческая память: преемственность и трансформации // Социс. 2002, № 8.

² См.: Тарасов А. Еще раз о компетентности // Первое сентября. 2005, № 22.

³ См.: Афанасьева А.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. № 8.

⁴ Это особенно наглядно появилось в «проекте», который был реализован на телеканале ОРТ в 2008 г. под названием «Имя Россия». Несмотря на отчаянные фальсификации, к нескрываемому неудовольствию его авторов «Сталин» занял третье место в итоговом рейтинге.

⁵ Историческая память: преемственность и трансформации. Материалы «круглого стола» РАГС. М., 2002. С.22.

миллионов невинных людей. Ровно столько же полагали, что какие бы ошибки и пороки ему ни приписывались, самое важное то, что под его руководством советский народ вышел победителем в Великой Отечественной войне. Сравнение материалов других исследований разных лет показывает, что авторитет Сталина в памяти народа возрастает: в 1990 г. высоко оценили его историческую роль 6% опрошенных, а в 2001 г. - 33%¹.

В высокой степени коррелируют с приведенными данными социологических исследований материалы экспертного опроса, проведенного авторами в сентябре-октябре 2009 г.² По мнению экспертов, 60% населения России в целом положительно воспринимает Победу в Великой Отечественной войне, остальные – в основном положительно. 85% экспертов полагает, что события ВОВ полностью или частично искажаются. Главными средствами искажения являются телевидение (57%), пресса (52%), система образования (32%) и Интернет (25%), то есть все подконтрольные государству структуры. При этом очень сильно искажаются начальный период войны (62%) и берлинская операция (17%). Что касается личности И.В. Сталина, то в целом эксперты весьма положительно оценили значение его деятельности в период ВОВ: 21% экспертов уверены в том, что он сыграл решающую роль, а 64% – «важную, но не решающую роль».

Как видим, несмотря на длительные усилия, направленные на дезавуирование итогов и событий Великой Отечественной войны, они по основным, ключевым позициям не были восприняты исторической памятью, не приняты в научной среде, отвергнуты массовым историческим сознанием. Тем не менее, тотальные по своим масштабам усилия разоблачителей не могли пройти бесследно. Главное «достижение» этой кампании заключается в том, что произошёл раскол, раздвоение исторической памяти. Об этом можно судить по ответам экспертов на вопрос «Какие факторы, на Ваш взгляд, в наибольшей степени способствовали победе в ВОВ?». Они расположились следующим образом: героизм народа 91%; патриотизм 58%; ненависть к фашизму 31%; талантливые полководцы 28%; руководство страной И.В. Сталина – 20%.

Момент истины заключается в том, что предметом гордости нынешних российских граждан, согласно материалам нашего исследования, являются достижения, относящиеся к периоду советской истории в области культуры, литературы, искусства, в космонавтике, спорте; бесплатное образование, медицина, забота о детях; и, конечно же, всенародная самоотверженность и массовый героизм советских людей в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг., не только отстоявших свою Родину, но и освободивших народы Европы от гитлеровского порабощения и спасших мир от фашизма. Сейчас настала пора остановиться в саморазрушении, очистить историческую память народа от чудовищных фантомов. В этом случае у России сохранится шанс и в будущем играть историческую роль, которая по праву предназначена ей.

Ж.Т. Тощенко, чл.-корр. РАН (гл. редактор журнала «Социс», Москва)

Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния³

Среди многочисленных проблем, которые стали волновать население нашей страны, возросшую актуальность приобрела специфическая форма общественного сознания и поведения людей, охватывающая знания, понимание и отношение людей к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем. Более обстоятельное рассмотрение этого феномена позволило сформировать представление об

¹ Результаты опроса населения Российской Федерации по проблемам исторического сознания // Социология власти. 2001. № 5-6. С. 18.

² Численность экспертной группы 99 человек, среди которых было 70% мужчин, 316% представителей военного образования, 224% – технического, а также по 15% экономического, юридического и другого гуманитарного.

³ *Примечание редактора: Включение в нашу монографию статьи Ж.Т. Тощенко, опубликованной в 2000 г., определяется двумя обстоятельствами: Ж.Т. Тощенко удалось выявить актуальность проблемы исторической памяти для отечественной социологии; конкретные данные 1990-х гг. – основа для сравнения.*

историческом сознании, об исторической памяти, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяли их намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем. Однако справедливости ради нужно отметить, что в 80-90-е годы, в годы интенсивного развития социологии и анализа ею многих сторон социального бытия, данные о состоянии и проблемах исторического сознания фиксировались походя, попутно и учитывались постольку, поскольку их нельзя было игнорировать при характеристике политических и этносоциальных процессов: даже при эпизодичности отрывочных данных они помогали выяснить суть происходящих в обществе перемен.

Именно в эти годы социологи столкнулись с необходимостью трактовки и такого феномена общественного сознания, как историческая память. В результате тщательного, шаг за шагом, исследования ее различных аспектов и форм проявления данное понятие стало учитываться более целенаправленно, более обстоятельно и постепенно получило как теоретическое обоснование, так и эмпирическую интерпретацию. На этой основе появились первые опыты самостоятельного социологического анализа исторического сознания, его противоречивой, специфической сущности, а также особенностей функционирования исторического знания как населения, так и специалистов-историков, в том числе и будущих, т.е. студентов.

Если охарактеризовать *суть и содержание исторического сознания*, то можно сказать, что оно представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерным как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей.

В социологии, в отличие от философии, исследуются не теоретический и обыденный уровень общественного сознания, а реально функционирующее сознание, выраженное в позициях конкретных людей. Так как социологи обращаются за информацией к самим людям, то они сталкиваются с тем, что каждый отдельный объект научного исследования – человек, группа, слой, когорта – представляет весьма причудливое сочетание некоторых научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, истории России, истории своего народа, истории своего города, села, и иногда своей семьи. Особенно часто объектом пристального внимания становятся значительные исторические события, касающиеся страны, социальных слоев и групп, отдельной личности, некоторые проблемы в жизни народа.

Историческое сознание как бы «разлито», охватывает и важные, и случайные события, впитывает в себя как систематизированную информацию, в основном через систему образования, так и неупорядоченную (через средства массовой информации, художественную литературу), ориентация на которую определяется особыми интересами личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация, часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи, а также в известной мере традиции, обычаи, которые несут в себе также определенные представления о жизни народа, страны, государства.

Что же касается *исторической памяти*, то это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания.

При таком подходе к исторической памяти хотелось бы обратить внимание на то, что *историческая память не только актуализирована, но и избирательна* – она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Попытка выяснить, почему это происходит, позволяет утверждать, что актуализация и избирательность в первую очередь связаны со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее. В этой ситуации *историческая память нередко персонифицируется*, и через оцен-

ку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Историческая память, несмотря на *определенную неполноту*, обладает все же удивительной особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в легендах, сказках, преданиях. И, наконец, следует отметить такую особенность исторической памяти, когда в сознании людей происходит *гиперболизация, преувеличение* отдельных моментов исторического прошлого, ибо она практически не может претендовать на прямое, системное отражение — она скорее выражает косвенное восприятие и такую же оценку прошлых событий.

Данные социологических исследований 1990-х гг. показывают *достаточную устойчивость* в оценке исторического прошлого, хотя возможные для сравнения данные базируются на различных социологических исследованиях, осуществленных разными социологическими организациями с применением неодинаковых методик.

Так, в рамках всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (май — июнь 1990 г., N - 2196 человек, руководитель В.И. Меркушин) наиболее значительными событиями для судеб народа были названы: эпоха Петра I (мнение 72% опрошенных); Великая отечественная война (57%); Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война (50%); годы перестройки (38%); время борьбы с татаро-монгольским игом (29%); период Киевской Руси (22%). Далее следовали: годы после отмены крепостного права (14%); период НЭПа (12%); индустриализация, коллективизация и культурная революция (12%); время царствования Ивана Грозного, правление Екатерины II, первая русская революция (все по 11%)¹. Интересно отметить, что этот порядок в значительной степени сохраняется в последующие годы, хотя и имеет свои особенности. Так, по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (опрос 1996 г.), эпоху Петра Великого как предмет национальной гордости назвали 54% опрошенных. Что касается реформ Екатерины II, то их высоко оценили 13%, период освобождения крестьян в царствование Александра II — 9%. В то же время период застоя был оценен положительно 17% опрошенных, хрущевская оттепель — 10%. Самые последние экономические события — перестройка и либеральная реформа — отторгаются — их позитивно оценивают соответственно 4 и 3% опрошенных.

Следовательно, несмотря на определенные колебания в официальной политике российской власти в 1990-е гг. и многочисленные попытки пересмотреть историю России, в сознании и в исторической памяти населения продолжают оставаться как наиболее значительные периоды, когда Россия претерпевала серьезные и порой кардинальные изменения — период реформ Петра I и Екатерины II, отмена крепостного права, русские революции XX в.

Несколько иная ситуация складывается, когда людьми оцениваются события XX в., ибо здесь срабатывает *краткосрочная историческая память*, когда многие ее реальные участники еще живы и события истории еще являются *частью личной жизни* человека и поэтому не избавлены от индивидуального их восприятия, их специфического понимания и объяснения. На это восприятие накладывают отпечаток официальные и полуофициальные трактовки событий, литературные и бытовые оценки деятельности государственных и общественных деятелей, причем многие из них многократно пересматривались применительно к происходящим изменениям в политической жизни страны. Но — и это можно отнести к *парадоксам* — *основные параметры массовых установок по отношению к важнейшим событиям XX в. остаются без изменения*. Иначе говоря, *историческое сознание проявляет определенную устойчивость, последовательность* — на него мало повлияли колебания — порой и резкие, происходящие в официальной пропаганде. Феномен отторжения скороспелых выводов о тех или иных событиях — предмет особого разговора. Но очевидно, что *попытки воздействовать на*

¹ Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.96.

историческую память в угоду политическим и идеологическим интересам, изменить историческое сознание по большому счету не удаются.

Рассмотрим это подробнее. Так, в исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признается Великая Отечественная война, занимая первое место (57% опрошенных) по сравнению с Октябрьской революцией (второе место, 50%). Этот порядок не изменился в оценке этих событий в последующие годы, несмотря на огромные общественные сдвиги в политическом и экономическом устройстве страны, что лишний раз подтверждает, что нет автоматизма влияния общественного бытия на общественное сознание. Исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), охватившего по репрезентативной выборке все население России, показали, что в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. Великую Отечественную войну (вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. – 73% опрошенных¹. В других, в том числе и региональных исследованиях, феномен Великой Отечественной войны также высоко оценивается исторической памятью. Такое мнение требует, на наш взгляд, особого пояснения. Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, ибо это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило не только будущее нашей страны, но и всего мира и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества. В-третьих, Великая Отечественная война, как справедливо утверждает Л.Д. Гудков, стала *«символом, который выступает важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилom, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти понимания настоящего и будущего»*². О том, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, свидетельствует тот факт, что значимость этой войны для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что *опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений.*

Этот показатель усиливается тем обстоятельством, что в условиях современной идеологической и политической невнятицы победа в Великой Отечественной войне стала фактически *единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества.* И хотя в 1990-е гг. были предприняты многочисленные попытки дезавуирования итогов и событий этой войны, они были отвергнуты исторической памятью. Попытки пересмотра значения битвы под Москвой, Сталинградом, попытки дегероизации подвигов Зои Космодемьянской, Александра Матросова и других были не только не приняты в научной среде, но и отвергнуты массовым историческим сознанием. Точно также не воспринимаются и не находят отклик «исследования» типа книг В. Суворова – они в лучшем случае становятся достоянием группы людей, не столько жаждущих истины, сколько ищущих повод для выражения своих амбиций, приобретения славы, производства сенсации, получения популярности и денег. Само *национальное самосознание как бы защищается от этих нападков, не желает потакать тому, что может унижить национальное достоинство, историю страны и историю своего «я».* По большому счету, это отказ поддержать ревизию того, что сплачивает народ и отказ от чего может обернуться крупнейшей духовной, а затем и политической катастрофой.

Что касается *Октябрьской революции*, то она в историческом сознании предстает как знаменательная веха, как точка отсчета, которая знаменовала поворот в мировой истории. Однако как знаковое событие ее оценка по оси «положительно – отрицательно» серьезно изменилась в 1990-е гг.: значительно выросло число людей, которые критически оценивают итоги и результаты революции. По данным ВЦИОМ, в 1989 г. Октябрьскую революцию к важней-

¹ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12.

² Там же. С.13.

шим событиям XX в. отнесли 63%, в 1994 – 49% опрошенных¹. Однако, признавая роль этого события, люди оценивают это событие неоднозначно. В упомянутом исследовании под руководством В.И. Меркушина (1990 г.), 41% опрошенных оценили Октябрьскую революцию как первую в истории успешную социалистическую революцию, 15% – как народное восстание, 26% – определили ее как стихийное стечение обстоятельств, приведших к власти большевиков. Кроме того, 10% оценили Октябрьскую революцию как переворот, совершенный кучкой интеллигенции, а 7% – как заговор большевиков². Эта неоднозначность оценок продолжает сохраняться и в настоящее время, ибо в обществе существуют политические силы, которые желают перечеркнуть многие страницы истории, связанные с существованием Советской власти, *представить советскую историю как некий провал в развитии российского общества*.

Что касается других значимых событий в жизни советского (российского) общества в XX в., то в качестве важнейших в разные годы назывались различные события. Но под влиянием политической конъюнктуры, общественного настроения эти оценки существенно изменялись, иногда коренным образом. Так, по данным ВЦИОМ, в качестве важнейших событий этого века назывались массовые репрессии в 1989 г. – 23%, в 1994 г. – 16%, войну в Афганистане – 12% в 1989 г. и 24% в 1994 г., а начало перестройки соответственно 23 и 16%. После 1991 г. как одно из важнейших событий многие люди стали называть распад СССР (в 1994 г. – 40%). В других исследованиях и в другом контексте об этом сожалели до 70%, что сопоставимо с цифрой 71% голосовавших за сохранение Советского Союза на референдуме в марте 1991 г. Иначе говоря, из событий XX в. нас объединяет и роднит в основном только оценка Великой Отечественной войны. Подобное единодушие проявляется и при оценке наших научно-технических достижений, таких, как полет Ю. Гагарина, освоение космоса, что отмечает практически каждый третий опрошенный.

Однако способность людей, их общественного сознания квалифицированно судить об историческом прошлом, правильно воспроизводить и давать оценку историческим событиям подвергается серьезному сомнению. В исследовании В.И. Меркушина вместе с населением опрашивались и эксперты – 488 преподавателей исторических дисциплин в школах, техникумах и вузах, которые скептически охарактеризовали возможность многих людей критически мыслить и делать обоснованные выводы.

Таблица 1

Оценка уровня исторического мышления людей (в % к числу опрошенных)

Умения	Уровни			Затруднились ответить
	Высокий	Средний	Низкий	
Умение воспроизводить историческое прошлое, чувствовать эпоху	2	28	61	9
Умение ориентироваться в историческом пространстве и времени	1	24	65	9
Умение вскрывать причинно- следственные связи в истории	1	14	78	6
Умение свободно оперировать историческими фактами	1	21	70	7
Умение определить достоверность исторических фактов	1	16	67	15

¹ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12.

² Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.96.

Эти издержки исторического мышления особенно наглядно проявляются, когда исследуется историческое сознание отдельных народов, когда при оценке прошлого в их памяти актуализируются события, которые определяли их судьбу. Здесь происходит удивительное *переплетение рационального и эмоционального восприятия*, ревностная оценка поворотных событий в жизни своего народа и их последствий.

Так, при исследовании общественного мнения населения Северного Кавказа по ряду проблем социально-политического развития в ходе социологических наблюдений было замечено, что многие явления и события минувшего века до сих пор будоражат умы людей, привлекают к себе пристальное внимание деятелей культуры и науки. Наиболее глубокий след в памяти этих народов оставила Кавказская война 1817-1864 гг. Как оказалось, эта память концентрирует в себе не только открытую и доступную для всех информацию, но и *латентные источники* – такие, как семейные предания и легенды, рассказы, народные песни, официальная и неофициальная топонимика. Специальное исследование, проведенное отделом филологии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований в 1995 г., показало: той или иной информацией о Кавказской войне располагали 84% всех опрошенных, в том числе 95% адыгов. Более того, это событие имеет не просто характер воспоминания о прошлом – около 40% (среди адыгов 55%) считают, что это событие тесно вплетено в социально-политическую реальность современности. В этой связи, на наш взгляд, следует особо подчеркнуть, что в массовом, реально функционирующем сознании проявлены достаточно разнообразные характеристики причин этой войны. Вопреки некоторым «научным» и околонуучным утверждениям, что во всем виновата самодержавная политика России, в массовом сознании такой позиции придерживались только 46% опрошенных, в то время как 31% обвинили Турцию и 8% – местных феодалов¹. Мы становимся очевидцами того факта, что историческая память, как и плоды некоторых исторических изысканий, используется в текущей политико-идеологической полемике, ангажируются различными политическими силами.

Сейчас *искусственно созданные модели интерпретации прошлого* отмечены этноцентризмом, эмоциональной окрашенностью и, будучи поддержаны массовым сознанием, стимулируют мышление по аналогии; их авторы пытаются объяснить современные проблемы с «методологических» позиций концептуальной и мировоззренческой архаики, что иногда причудливым образом уживается с самыми различными научными теориями. Многие специфические, но очень важные для отдельных народов события становятся весьма весомым фактором как общественного сознания в целом, так и их исторической памяти, вовлекая в явную, а иногда и незримую дискуссию и представителей других народов, в настоящее время проживающих на данной территории (события прошлого в истории Татарстана, судьбы государственности Тувы, историческое прошлое разделенного лезгинского народа и др.). *Правильная расстановка акцентов в толковании исторических событий способствует в первую очередь рациональному, дружественному сосуществованию народов*. В ином случае появляются настороженность, предубеждение, негативные клише («империя», «шовинистическая политика» и т.п.), которые имеют особенность долго сохраняться, нагнетать социальную напряженность и породить конфликты.

Еще раз подчеркнем, что при выявлении суждений об исторических деятелях *оценивается не столько личность как таковая, а совокупность тех деяний, которые повлияли на ход истории и которые принесли кардинальные изменения в жизни миллионов людей*. В этом смысле понятно, что оценка реформ Петра I как наиболее выдающегося события российской истории коррелирует с оценкой самого Петра, деятельность которого позитивно оценивали в начале 1990-х гг. 74% населения². В этом же исследовании были высоко оценены результаты деятельности В.И. Ленина (мнение 57%), Г.К. Жукова (55%), Александра Невского (28%).

¹ Хунаху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении // Социс, 1995, № 11.

² Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.96.

Другие исследования, проведенные в более позднее время, также показывают определенную устойчивость в оценке исторических деятелей, в первую очередь Петра I, Екатерины II, Ивана Грозного, Александра II. Конечно, в оценке значения тех или иных деятелей проявляется некоторый *перекос*, а именно – близость и сопричастность к жизни XX в. вносит определенные коррективы, хотя они по своей сущности различны. Так, при оценке Г.К. Жукова, несмотря на критику его действий, на сомнения, которые были высказаны в ряде публикаций, его личность все более и более героизируется, приобретает черты общенационального масштаба, превращаясь в символ национальной гордости и непогрешимости (святости, как это было бы сказано в прошлые века).

При оценке же таких деятелей XX в., как В.И. Ленин, И.В. Сталин, при всей значимости этих фигур (их роль признается большинством населения), оценка их деятельности распадается как на позитивную, так и негативную. Эта *эмоционально-ценностная оценка* политических деятелей тесно коррелирует с личным опытом, индивидуальным восприятием и персональным ихприятием или отторжением.

Таблица 2

Оценки политических деятелей России XX в. – что принес тот или иной деятель – больше положительного или больше отрицательного (в % к числу опрошенных)
(опрос ВЦИОМ, январь 2000 г.).

	Положительного	Отрицательного
Николай II	18	12
Сталин	26	48
Хрущев	30	14
Брежнев	51	10
Горбачев	9	61
Ельцин (март 1999 г.)	5	72
Ельцин (январь 2000 г.)	15	67

Очевидно, что на такие оценки, как и при оценке исторических событий, прямое влияние оказывает личное представление о современниках, стоявших у кормила власти, или информация, которая связана с краткосрочной памятью, сформированной в значительной части населения под влиянием среды. И если о ранее функционирующих личностях оценка близка к воспоминаниям (общественное мнение нельзя упрекать в незнании закулисных механизмов власти), то на современников переносится вся ответственность за трудности, переживаемые сейчас Россией. И тот факт, что в январе 2000 г. общественное мнение несколько изменилось по отношению к Ельцину (как и анализ некоторых других данных), позволяет утверждать, что уход Ельцина воспринимается людьми не как смена лиц (урочная или досрочная – это не столь важно), а как признак окончания определенной нерадостной и противоречивой для людей эпохи, которые склонны простить кое-что как прощают свершившуюся, но уже малоисправимую утрату. И в тоже время, как свидетельствуют данные этого исследования, 46% опрошенных считают, что предоставлять ушедшему президенту гарантии безопасности не следовало, поскольку он должен отвечать за незаконные действия и злоупотребление властью¹.

И все же, эти и подобные оценки исторических личностей прошлого, несмотря на некоторую кажущуюся хаотичность, все же и на уровне массового исторического сознания улавливают роль и значение наиболее выдающихся деятелей прошлого. Информация, циркули-

¹ Левада Ю. Мнения и настроения. Январь 2000 г. // Независимая газета, 2000. 9 февраля

рующая в обществе на уровне этого сознания, в принципе соответствует тому, чего придерживаются и в исторической науке, и в процессе преподавания в вузах, среднеспециальных и общеобразовательных учебных заведениях. И в этом их величайшая заслуга. Несколько особняком стоит характеристика усилий СМИ на поле исторического знания. В большинстве они следуют сложившимся концепциям, и если искажают в процессе изложения некоторые исторические факты или события, то в большинстве случаев не изменяют общую оценку исторического прошлого. Отдельные случаи грубейшего попрания истории при всем кажущемся интересе читателей проходят практически бесследно, не затрагивая глубинные пласты памяти.

Более предметно и наглядно выглядят исторические предпочтения людей при их оценке выдающихся деятелей XX в. *по определенным параметрам*, по тем сферам общественной жизни, в которой они действовали. Так, Российским независимым институтом социальных и национальных проблем был проведен в 1999 опрос о том, кого россияне считают «самым-самым» в уходящем веке среди военачальников и ученых.

Что касается военных, на первом месте оказался Г.К. Жуков, на втором - К.К. Рокоссовский, на третьем – С.М. Буденный (21%). В десятку наиболее выдающихся военных деятелей России XX в. вошли М.Н. Тухачевский (17%), К.Е. Ворошилов (15%), М.В. Фрунзе (15%), И.С. Конев (13%) и В.К. Блюхер (8%). Примечательно, что в десятку выдающихся российских полководцев вошли белогвардейский адмирал А.В. Колчак (12%) и герой первой мировой войны генерал А.А. Брусилов (7%).

Что касается ученых, то наиболее выдающимся участниками опроса признали «отца советской космонавтики» С.П. Королева (51%). На втором месте – великий русский теоретик космоплавания К.Э. Циолковский (39%). В первую десятку вошли также один из создателей атомной бомбы И.В. Курчатов (28%), изобретатель легендарного автомата М.Т. Калашников (25%), биолог и селекционер И.В. Мичурин (17%), физиолог И.П. Павлов (16%), генетик Н.И. Вавилов (15%), авиаконструктор А.Н. Туполев (13%), физик П.Л. Капица (13%) и литературовед Д.С. Лихачев (14%)¹.

Анализ этих мнений позволяет сделать вывод, что в данной информации достаточно четко проявляются оценки, которые содержатся в научных и научно-популярных публикациях, хотя там не ставится задача определения рейтинга исторических персонажей.

Характерной чертой исторического сознания в конце 1990-х гг. стал отход от идеологических оценок и признание роли и значения деятельности той или иной личности без обязательного соотнесения ее с интересами определенных классовых или политических сил. В этом отношении показательны данные опроса ВЦИОМ *о личности Сталина*, проведенного осенью 1999 г. 32% российских граждан считают, что он был жестоким, бесчеловечным тираном, виновным в уничтожении миллионов невинных людей. Ровно столько же полагают, что какие бы ошибки и пороки ему ни приписывались, самое важное то, что под его руководством советский народ вышел победителем в Великой Отечественной войне. «Мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях» – убеждены 30% опрошенных².

На наш взгляд, такая характеристика отражает *противоречивость, неоднозначность, а иногда и парадоксальность* оценок деятельности конкретных исторических деятелей. Но именно такие оценки являются наиболее действенными и объективными по сравнению с некоторыми исследовательскими «трусами», в которых авторы поставили заранее заданную цель доказать ту или иную версию. Ради нее они подбирают только тот материал, который подтверждает их идеи и исключает всю ту информацию, которая может быть поставлена под сомнение. И вот в настоящее время мы становимся свидетелями публикаций о Ленине, Сталине, Николае II, о других исторических персонажах, в которых «исследуется» их жизнь с позиций прямо противоположных, тому, что писалось 20-50 лет назад. Но если раньше авторы таких «трудов» ставили задачу возвеличить (или очернить), подбирая соответствующую фактуру и игнорируя все, что противоречит позитивной (негативной) информации, то в 1990-

¹ Комсомольская правда, 1999. 21 декабря.

² Комсомольская правда, 1999. 21 декабря.

е гг. с таким же рвением и подобострастием подбираются факты и информация прямо противоположного характера с целью доказать иные положения, иные установки. В этой ситуации становятся весьма любопытными данные общественного мнения, которые более полно, объемно и объективно характеризуют противоречивость жизни и деятельности многих исторических личностей.

Огромный пласт исторического сознания представляет информация, которая относится к восприятию того, что связано с жизнью личности, ее ближайшего окружения. Представление о лицах национальных героев, гениев, талантов и их деятельности хранится в совокупной исторической памяти, как в своеобразном музее – их знают по учебникам, по научной и художественной литературе. Но таких — единицы. *Память же о миллионах и миллионах других* хранится в запасниках этого музея, в *памяти только близких, родных, друзей*. Но это миллионы кирпичиков в фундаменте нашей исторической памяти, безмянные работники и свидетели, без которых немислима сама История и, что особенно важно, *наша причастность к ней*. Глубоко убежден, что человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и *родословную своей семьи, историю своего города, села, своего края, в котором он родился или живет*.

К сожалению, большинство советских людей (россиян) имеет весьма приблизительное знание о своем генеалогическом дереве, часто не дальше третьего поколения, т.е. своего деда. Об этом свидетельствуют данные, полученные в социологическом исследовании 1990 г.¹ На вопрос «Составлялась ли в Вашей семье родословная?» только 7% дали положительный ответ. На вопрос «В чем видите причины слабого знания истории своей семьи?» 38% сказали, что некому было рассказать об этом, а 48% утверждали, что этот вопрос для семьи был безразличен, к нему относились равнодушно. Эта *отчужденность от личной приобщенности к истории*, пренебрежение к своим корням проявляются и в том, что только 14% заявили, что знают историю происхождения своей фамилии (20% утверждали, что знают частично). Не высока и культура отношения к семейным реликвиям. Пока она ограничивается хранением таких *материальных носителей*, которые имеют краткосрочную историю: 73% утверждали, что у них есть фотографии бабушек и дедушек (обратите внимание, что 27% даже не стали и этого утверждать), 38% – что есть такие памятные вещи как ордена, медали, почетные грамоты, наградные знаки. О письмах с фронта, других семейных реликвиях сказали 15%, а о дневниках, рукописях, переписке – только 4% опрошенных. Как характеризовать этот *личный срез исторического сознания*, исторической памяти? На наш взгляд, можно говорить о его слабой развитости, о том, что оно низкокачественно, и осмелюсь утверждать, оно подрывает основы более высоких чувств – патриотизма, гордости за свою страну, готовности ее защищать и отстаивать ее интересы. В этой связи позволю себе одно личное воспоминание. Будучи в 1959 г. в своей первой зарубежной туристической поездке – а это была ГДР, меня в соответствии с программой поселили на два дня в семью немецких крестьян в Саксонской Швейцарии. Велико было мое удивление, когда вечером глава семьи (заметьте – крестьянин) продемонстрировал мне книгу записей, в которой велась родословная этой крестьянской семьи с XVII в. Судя по этим записям, это была непрерывающаяся хронология крестьянского рода, который успешно дожил до XX в. и, учитывая профессии сына и дочерей этого крестьянина, собирался продолжить эту впечатляющую традицию и дальше.

К сожалению, в нашей стране такие традиции были или утрачены (для дворянских и купеческих семей), или не культивировались (для крестьянских и мещанских семей). Почему это случилось – это тема отдельного разговора, хотя в социологической литературе мы уже имеем первые опыты (на основе биографического метода) обстоятельного анализа истории ряда семей в нескольких поколениях, что дает образную, живую, раскрашенную всеми крас-

¹ Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.93.

ками историю страны через историю семьи¹. Знание о семейной родословной тесно переплетается с историей своего народа. Национальная самоидентификация всегда играла огромную роль в личном поведении людей, но ее значение особенно возросло в условиях переходного периода. В исследовании В. И. Меркушина на вопрос «Испытываете ли Вы гордость за Родину, свой народ, свой город, свой коллектив?» первое место заняла оценка своей этнической принадлежности – об этом сказали 62% опрошенных.

К вопросу об *истории семьи* примыкает информация об *истории своего города (села)*, которая не намного превышает показатели знания о своей родословной: о том, что они эту историю знают, говорили 17% людей. Правда еще 58% претендовали на то, что они что-то знают об истории города (села), но это, во-первых, относилось больше к горожанам, а во-вторых, здесь срабатывал эффект присутствия – что-то знать еще не означает удовлетворительности этого знания. Показателен и тот факт, который регистрирует не просто созерцательное отношение к истории, но и желание внести свой вклад в сохранение ее ценностей, ее объектов и символов. Согласно имеющейся информации, только 4% людей принимают непосредственное участие в восстановлении памятников истории и культуры. Еще 33% говорили о том, что они содействуют этому процессу, в частности, внося некоторые средства в их восстановление. Иначе говоря, *гражданская активность людей по отношению к своему историческому прошлому* еще невелика. С личной исторической памятью и историческим сознанием связан ренессанс интереса к народному духу, тяга к культурному и духовному наследию прошлого. Положительно воспринимаются восстановление памяти незаслуженно забытых имен (мнение 58%). 85-91% активно поддерживает возрождение народных промыслов, народной медицины, народных гуляний, ярмарок.

Анализ проблемы «историческое знание – каково оно?» начну с данных уже упоминавшегося исследования В.И. Меркушина. На вопрос «Удовлетворяет ли Вас качество исторического образования в школе?» положительный ответ дали всего 4% опрошенных. Даже каждый второй преподаватель (48%) признал уровень преподавания истории в школе низким. А ведь историческое сознание, историческая память, объективно отражающие хотя бы основные вехи в развитии страны, народа не могут сформироваться без того, чтобы историческая информация подавалась систематически, полно, без преобладания эмоций и попыток фальсификации, когда исторические факты замещаются всякими версиями, порожденными больше фантазиями и произвольной отсебятиной.

Между тем *тяга к историческому знанию значительна*. Интерес к прошлому продиктован желанием знать правду о прошлом (мнение 41% опрошенных), стремлением расширить кругозор (30%), потребностью понять и узнать корни своей страны, своего народа (28%), желанием знать уроки истории, опыт предшествующих поколений (17%), стремлением найти в истории ответы на злободневные вопросы (14%). Как видим, мотивы достаточно убедительны, достаточно ясны и в определенном смысле благородны, так как отвечают потребности людей быть гражданами своей страны в полном смысле этого слова. Здесь включаются и *мотивы идентификации* (быть вместе со своей страной, своим народом) и *стремление к объективным знаниям*, ибо это, по мнению 44% опрошенных, позволяет лучше понимать современность, а, по мнению еще 20%, помогает в принятии правильных решений. 28% населения видят в историческом знании ключ к воспитанию детей, а 39% считают, что без знания истории невозможно быть культурным человеком. Примечательна самооценка людьми своих знаний истории:

¹ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии. Социс, 1994, № 4; ее же. Горизонты повседневности советской эпохи: голос из хора. М., 1996; Чуйкина С.А. Реконструкция социальных практик. - Социс, 2000, № 1

Таблица 3

Степень оценки исторических знаний (в % к числу опрошенных)

Виды исторического знания	Самооценка знания			Затрудняюсь ответить
	Хорошо	Посредственно	Плохо	
История России	17	56	15	9
История своего народа	14	50	21	10
Всеобщая история	3	38	35	18

Примечание: недостающее количество процентов (по строке) относится к воздержавшимся от любого ответа

Теперь сравним эти данные с суждениями экспертов-учителей истории, преподавателей исторических дисциплин в вузах и техникумах, которые в этом исследовании отвечали на аналогичные вопросы. 44% из них признали уровень знаний у населения по истории России средним и низким. По истории своего народа соответственно средним и низким 25 и 63%, по всеобщей истории – 20 и 69%. Примечательно, что, на наш взгляд, такие данные достаточно точно отражают реальную сложившуюся ситуацию с «главными» историями. Стоит также признать, что история своей страны, своего народа будет всегда «ближе» к сердцу, чувствам, социальным ценностям и настроению людей. Причем интерес к различным эпохам (этапам) в жизни неодинаков.

Таблица 4

Наиболее интересные темы в истории России (в % к числу ответивших).

Темы	Население	Студенты
Жизнь выдающихся ученых, полководцев, деятелей культуры	48	51
История Древней Руси, становление централизованного государства	37	33
Жизнь и деятельность царей, ханов, князей	29	32
Жизнь, быт, обычаи, традиции, устное народное творчество	27	40
История народов нашей страны	22	13
История советского общества	20	6
История религиозных движений и учений	17	12
История освободительного и революционного движения	10	1

Ответ на эти потребности призваны дать все – и система образования, и семья, и средства массовой информации, и художественная литература, и наука. Это – важная задача, ибо, по мнению 80% преподавателей-историков, самой страшной бедой является не столько плохое, недостаточное или одностороннее историческое знание, сколько искажение этого знания, засилье устаревших догм. Немалый вред наносят и «новаторские» поиски, например трудов академика А.Т. Фоменко и его адептов и соавторов, в которых ставится под сомнение вся выработанная многими поколениями историков система научного знания¹. Издаваемые сотнями тысячами тиражами по сравнению с мизерным количеством научных исторических трудов, эти сочинения претендуют на замещение прежнего исторического знания произвольными версиями и домыслами. Спасает сейчас одно – и в этом, может быть, сказывается упоминаемая устойчивость исторического сознания – что, как показывают пробные опросы, эта ин-

¹ См.: Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. (Материалы научной конференции в МГУ) // Новая и новейшая история. 2000. № 3.

формация рассматривается читателями как особый вид фантастики и приключений наравне с детективами и отнюдь не научной фантастики в ярких обложках, заполонившими прилавки на книжных развалах.

В заключение хотелось бы отметить один примечательный факт: в настоящее время происходит процесс формирования очень интересной научной дисциплины – исторической социологии. Исходя из этой объективной потребности, журнал «Социологические исследования» на суд общественности вынес многие волнующие людей и поныне события прошлого. Это нашло отражение в материалах Б.Н. Казанцева о «неизвестной» статистике уровня жизни рабочего класса (1993, № 4) и о проблемах занятости городского населения в середине 60-х годов (1996, № 5); А.А. Шевякова о всесоюзной переписи 1939 г. и «тайнах» послевоенной репатриации (1993, № 5 и № 8) и советской продовольственной помощи странам народной демократии (1996, № 8); В.П. Попова о демографической ситуации в России в 40-е годы и после Великой Отечественной войны (1994, № 10; 1995, № 3- []); о паспортной системе в СССР (1995, № 8-9); В.Н. Земскова о заключенных в 30-е годы (1996, № 7) и репатриации советских граждан и их дальнейшей судьбе (1995, № 5-6). С 1998 г. журнал стал публиковать специальную рубрику «Историческая социология», где были опубликованы материалы, в которых предприняты попытки реконструировать многие исторические события, исходя из документов, характеризующих массовое историческое сознание (письма во власть, истории карьеры, события 20-40-х годов, денежная реформа, протестное движение глазами современников и др.). Комплекс проблем, лежащих на стыке истории и социологии, дает возможность подойти к характеристике исторического сознания и исторической памяти и как части общественного сознания во всем их противоречивом развитии, и в то же время учитывать *относительную самостоятельность* этого феномена и специфические формы его научного познания¹.

Все это позволяет сделать вывод, что, как показывает данный анализ, становится очевидным, что без определенного уровня знания, понимания и уважения к историческому прошлому невозможно быть не только гражданином, но и сформировать новую российскую государственность, российское гражданское общество.

Д.В. Трынов (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)
Место исторической памяти в системе гражданской культуры.

М. Хальбвакс в своих работах обращался к исследованию феномена *исторической памяти*. По его мнению, познание и осмысление истории происходит не на индивидуальном, а на коллективном уровне. «Существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую - внешней, или же первую личной, а вторую – социальной»². Тем самым Хальбвакс утверждал, что историческая память есть ничто иное как *социальный факт*. П. Нора, продолжая исследования Хальбвакса, отмечает серьёзные различия между памятью *как таковой* и историей. «В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти»³... «память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого»⁴. Противоречие между прошлым и настоящим Нора преодолевает с помощью концепции «мест памяти».

Кто мы? Откуда мы? С чего мы начали и куда идём? Ответы на эти вопросы хранит историческая память, тем самым выступая консолидирующим фактором социального развития. Поиск идентичности осуществляется человеком на основе признания *факта общественно-исторического прошлого*. Нить, которая ведёт из прошлого к настоящему, а затем и будущему позволяет сохранять уверенность в нерушимости социального целого. Прошлое обладает осо-

¹ См.: Афанасьев В.В. Историческая социология. Барнаул, 1995; Иванов В.В. Введение в историческую социологию. Казань, 1998.

² Хальбвакс М. «Коллективная и историческая память». <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>

³ Нора П., Озуф М., Ж. де Пюимеж, Винок М. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб., 1999. С.21.

⁴ Там же. С. 20.

бой ценностью для человека именно потому, что он ощущает преемственность, закономерность исторических событий, которые привели к определённому *состоянию современности*. Тем самым, историческая память формирует патриотичность, преданность национальной истории, стране и государству.

Несмотря на то, что историческая память весьма новый объект исследования отечественной гуманитарной науки, тем не менее, мы можем обнаружить довольно много попыток его описания и определения. Обратимся лишь к некоторым из них. «Историческая память это обобщенный коллективный опыт социальной группы или общества в целом, который формируется в процессе развития представлений человека о мире, является актуальным для ныне живущего поколения и хранится при помощи системы средств массовой информации и особых социальных институтов, для актуализации и последующего использования накопленного исторического опыта»¹. «Историческая память это «сфокусированное сознание», в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность, благодаря её тесной связи с настоящим и будущим»². «Историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации»³.

Многочисленные определения исторической памяти объединяют ряд стержневых положений. Во-первых, историческая память имеет *два уровня*: личный и коллективный. *Личностный* уровень отражает включённость человека, и его «ближнего» круга в естественный ход исторических событий. Индивид погружается в социальное прошлое через историю своих предков, память о которых хранится в семейных фотоальбомах, письмах, вещах и т.д. Тем самым, человек имеет собственное представление об исторических событиях и формирует личный взгляд на них. На *коллективном уровне* определяется состояние памяти об истории народа, государства, национальной культуры и т.д. Соотнесение социального и личного прошлого создаёт условия для восприятия истории не как чего-то далёкого и ненужного, а живого и близкого. Память об исторических событиях оказывает тем самым эмоциональное воздействие на носителя исторической памяти. Во-вторых, факторы, формирующие историческую память не всегда упорядочено и целостно отражают ход истории. Напротив, проблемное изложение исторических событий позволяет в большей степени осознать противоречивость и драматизм той или иной эпохи, усвоить её уроки. В-третьих, историческая память рациональна, она исходит из утвердившихся каналов информации (чаще всего уроки истории в школе и вузе). Фрагментарность, «прерывистость» цепи событий, отсутствие «акцентов» объясняют феномен *потери памяти* и возможности манипулировать общественным сознанием⁴. В-четвёртых, историческая память не является чем-то самодостаточным и независимо функционирующим, она включена в систему *исторического*⁵ и *общественного сознания*, универсальным регулятором которых выступает *культура*. Упадок или разрушение устоявшегося типа культуры ведёт к коллапсу исторической коллективной памяти. В забвении общества оказываются целые поколения и эпохи. Культура выступает в качестве регулирующего механизма коллективной памяти, но вместе с тем она выполняет и другие важнейшие функции: *оценочную, коммуникативную, передачи социального опыта*⁶. Высокий уровень культуры, позволяет обществу находить силы для выхода из кризисных ситуаций не теряя идентичности, самобытности и сплоченности.

¹ Тавокин Е.П, Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне! //Социс. 2010. № 5. С. 62

² См.: Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память// Парадоксальный человек. М., 2001.

³ Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти// Социс. 2002. № 8. С.85.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция общественным сознанием. Глава 19. Отключение памяти и нравственности. М. 2001

⁵ Тавокин Е.П, Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне! //Социс. 2010. № 5. С.62.

⁶ Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. С.14.

Прежде всего, культура воздействует на те механизмы, которые определяют взаимодействие человека и общества. В поле зрения исследователя попадает определённый *культурный* срез, а не культура целиком. Средним уровнем, который в наибольшей степени воздействует на формирование и сохранение исторической памяти является *гражданская культура*. Гражданская культура определяется как качественная характеристика различных видов деятельности социальных общностей, суть которой в том, что она выступает мерой самореализации человека как гражданина, причём не в формально – юридическом, а в социокультурном смысле этого понятия¹. Теоретический конструкт гражданской культуры включает три основных компонента: *ценностный, информационный и деятельностный*.

Аксиологический уровень представлен системой ценностей, которая является основным источником жизненных устремлений, установок личности, как побуждающими так и ограничивающими её деятельность. Выработанные ценностные ориентации человека определяют его гражданскую позицию. Гносеологический уровень отражает информированность человека о социальных, политических, правовых и пр. аспектах жизнедеятельности общества. Современного человека сложно представить «отключённым» от информационно потока, индифферентным к происходящим в стране и мире событиям. Интерес к различным социальным сферам даёт возможность гражданину соответствовать определённым интеллектуальным критерием, востребованным на данном этапе развития. Праксеологический уровень отражает конкретную гражданскую деятельность, включённость человека, уровень его участия в социальных процессах. Активное отношение к окружающему миру выявляет зрелость и обоснованность гражданской позиции. Человек, имеющий высокий уровень гражданственности требователен к себе, государству, институтам гражданского общества, он готов активно участвовать в разнообразных проектах, способных улучшить условия жизни.

Типология гражданской культуры позволяет оценить наиболее устоявшиеся, закрепившиеся в обществе гражданские практики, разделяемую большинством систему ценностей. В классическом исследовании Алмонд и Вербы выделены три типа гражданской культуры: *патриархальная, подданническая и культура участия*².

Вместе с тем было бы неверно понимать теоретические контуры гражданской культуры окончательно установленными и завершёнными. Напротив, исследования в этой области продолжаются. Обратимся ещё к одной грани гражданской культуры: *измерению социального пространства времени*. «Гражданская культура явление целостное, а категория культуры гражданственности выполняет функцию по описанию всей социальной системы»³. Это означает, что пространство общей исторической памяти, а также образ и перспективы социального будущего можно рассматривать как структурообразующие элементы гражданской культуры. История выступает как предпосылка настоящего, а будущее как перспектива, альтернативы которого обнаруживаются в созидательных способностях общества и его солидарности. Универсальные закономерности взаимосвязи социального пространства времени состоят в том, что нельзя однозначно отдать предпочтение прошлому, настоящему или будущему. Как только начинается прославление прошлого, общество погружается в унылое прозябание, консервацию и безыдейность. Если приоритет отдаётся настоящему, то социальная энергия тратится на удовлетворение насущных проблем, без учёта интересов будущих поколений. Общество тем самым приобретает иждивенческие формы, а его отношение к будущему становится безразличным. Наконец, если движущей силой развития общества является исключительно перспектива будущего, то возникает риск создания утопического мышления. Человек в таком обществе не может быть самоценным, а становится придатком, винтиком системы, стремящейся всеми возможными способами достигнуть поставленной утопической цели. Поэтому кажется вполне справедливым тезис о том, что гражданская культура – это культура умеренности.

¹ См.: Казаков Е.С., Шапко В.Т., Чегодаева Т.А. Культура гражданственности. Екатеринбург, Н. Тагил. 2004.

² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. // Полис. 1992. №4. С.122-130.

³ Казаков Е.С., Шапко В.Т., Чегодаева Т.А. Культура гражданственности. Екатеринбург, Н. Тагил. 2004. С.72.

Особую значимость гражданской культуры подтверждают и социологические опросы. По данным ВЦИОМ, сегодня 53% россиян на вопрос «кто они?» отвечают «граждане России». Гражданственность всё чаще выступает как наиболее «подходящее» объяснение социального единства. Намного реже россияне идентифицируют себя с той или иной национальностью, религиозной конфессией и т.д. Это положительный симптом в общественном сознании, так как он позволяет «очертить» ряд основных принципов социальной жизни, которые могут привести к столь желанной солидарности. Вместе с тем появляется необходимость теоретического и эмпирического исследования гражданственности, тенденций её формирования.

Одним из образующих структуру гражданственности элементов, как уже было отмечено, можно считать историческую память. Сложно представить себе гражданина, безразлично относящегося к истории своей нации, семьи, государства, края. Живой интерес и желание постигнуть перипетии истории, выявить наиболее существенные моменты, осознать её уроки естественным образом сопутствуют гражданской деятельности. Историческая память не имеет генетической природы, она определяется исключительно культурными предпосылками, отсюда следует, что развитие культуры может стать определённым универсальным способом преобразования всей сферы исторического сознания.

Обратимся к основным функциям исторической памяти в системе гражданской культуры:

- *формирующая* национальное самосознание;
- *идентификации* исторических событий как значимых так и не значимых для современности;
- *хранения* информации об истории государства, нации, края, семьи;
- *трансляции* опыта социального прошлого, для восприятия уроков истории.

Для России проблема формирования и сохранения исторической памяти актуализируется глубокой общественной трансформацией, переходу к демократии и рыночной экономике. Долгие годы государство обладало нерушимым правом *трактовать и транслировать* историю своим гражданам. Государство осуществляло ревизию исторических фактов с точки зрения политической целесообразности. Подчас это выходило за пределы разумного: по прихоти руководства партии искажалась историческая правда, раздувались заслуги генсека, предавались забвению имена государственных деятелей, полководцев, национальных героев и т.д. Инакомыслие и «другая» трактовка истории строго карались «ответственными органами» и порицались обществом. История государства и нации была табуированной темой для советского гражданина, именно потому, что являлась объектом манипуляции. Взращенный на советской идеологической истории гражданин имел весьма специфические черты. Патриотизм был неотъемлемым признаком (правильнее сказать общественной «обязанностью») советского человека. Однако т.н. «квасной патриотизм», то есть представление о том, что в твоей стране «всё самое лучшее», объясняется вовсе не «победой советского образа жизни», а глубокой изоляцией большинства советских граждан от мировых реалий¹.

Советский человек имел незначительные возможности влиять на ход развития государства и общества, поэтому он находился в изоляции и был отчуждён от собственной истории. Историческая память в таких условиях формировалась через противоречия, продиктованные «официальной версией». Советская историческая наука делила прошлое страны на «до» и «после» Октябрьской революции. Советскому гражданину пришлось отказаться от памяти о своём прошлом. В народном сознании появился колкое определение: «Иваны, не помнящие родства».

Собственно отчуждённость личности от истории понятна: отдельно взятый человек мало осознаёт свою причастность к мировому историческому процессу. Да и национальная история «рекрутирует» человека на общественные свершения крайне редко, исключительно, во времена социальных потрясений, войн, революций. Так появляются *национальные герои* один из важнейших элементов исторической памяти. Герои истории выступают в качестве

¹ См. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Эпоха Брежнева. Ч.1, Ч.2. СПб., 2003.

общественного идеала, то есть носителей *абсолютных* черт личности. История России полна сюжетов о «выходцах из народа, спасших державу». Отношение к национальным героям неустойчиво и определяется насущными представлениями современников об исторической роли того или иного лица. Особенно это отчётливо проявляется в эпоху социальных перемен¹. Образ героя следует понимать двояко. С одной стороны, герой – это фигура национального масштаба, оказавшая значительное влияние на ход истории или конкретного исторического события. С другой стороны, образ героя имеет оценочный характер, причём оценка ведётся с позиций современности. Эта особенность становится особенно актуальной в «переходные периоды», такие как смена общественной формации, политического режима и т.д. Охватывающая общество аномия определяет сдвиги в исторической памяти.

Во всём массиве исторических событий, широко известных обществу, всегда доминируют *государственные свершения*, поэтому персонификация (то есть построение события вокруг человека) помогает воспринимать исторический процесс как *творящийся* людьми. Тем не менее, антагонизм государство – гражданин в истории традиционно решался в пользу первого. Курс школьной программы предполагает изучение истории государства, а через её призму уже истории культуры, искусства, народов и т.д.

Современная российская ситуация сложна и неоднозначна: с одной стороны, в 1990-х гг. были созданы все условия для развития демократических институтов и гражданского общества, с другой, это не привело к «мгновенному переустройству» господствующего типа гражданской культуры (в широком смысле всех видов гражданских отношений). Пореформенная Россия столкнулась с феноменом, который П. Штомпка назвал «культурная травма». Общество оказалось не готово к глубинным изменениям и, испытав «посттравматический шок», начало воссоздавать «понятный» всем его членам жизненный уклад. На посткоммунистическом пространстве многие страны переживали или в настоящий момент переживают это состояние. Культурная травма влечёт за собой такие явления как возвращение к практике авторитаризма, отказ от многопартийности, построение жёсткой вертикали власти, ущемление гражданских прав и свобод (их декларирование и отсутствие в реальности), наращивание государственной собственности, увеличение роли государства в экономике, отказ от демократических преобразований и т.д. Таким образом, важной проблемой стало отсутствие опыта, демократических традиций, к которым можно было бы обратиться. Демократия воспринималась и воспринимается значительной частью российского общества как чуждое и заимствованное явление. При этом некоторыми политическими деятелями раздуваются патриотические настроения, которые, якобы, не могут нам позволить «воспользоваться плодами» развитых западных стран. Прогрессивные преобразования подчас трактуются чуть ли не как «предательство предков». Принятие концепции либеральной демократии и всё что из неё следует, рассматривается определёнными государственными структурами как поражение. Эти, весьма вредные тенденции, можно рассматривать как попытки манипулировать общественным сознанием и патриотическими чувствами граждан, их болезненными ощущениями утраты «великого и могучего» Советского Союза.

Подытожим вышеизложенное некоторыми обобщающими выводами.

1. Необходимо осознать, что все попытки создать «единый взгляд» на историю бесплодны. Погружение в историческую фактологию неизбежно приводит исследователя к мысли о противоречивости всякой исторической эпохи, события, явления. Навязывание единой точки зрения сегодня выглядят неактуальным и устаревшим. Россия пережила этот опыт советской исторической идентичности, когда оценка исторического события становилась «делом партийной номенклатуры», а затем транслировалась обществу. Таким образом, единственной правдой об истории была правда, изложенная партийным руководством страны. В конечном итоге вскрытие исторической правды и архивов в перестроечный период привело общество к

¹ Трынов Д.В. Образ героя и антигероя в исторической памяти российских и украинских студентов// Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ. Материалы международной научно-практической конференции. Часть 2. Челябинск 2010. С. 306-310.

недоверию государству и переоценке значимости всей социальной истории. Произошёл «надлом» памяти и уничтожение национальной истории¹.

2. Всякое историческое событие актуально до тех пор, пока оно хранится в исторической памяти. Сегодня для российского общества чрезвычайно актуально не утратить остатки исторической памяти о Великой Отечественной Войне. В условиях, когда уходят последние живые свидетели войны, и события из *реальных* превращаются в *мемориальные* необходимо изыскать средства, которые будут способствовать сохранению исторической памяти.

3. Развитие навыков гражданственности во всех сферах социального взаимодействия может способствовать возрождению интереса к истории, преодоления её крайних оценок.

И.Б. Фан д.полит.н. (ИФиП УрО РАН, Екатеринбург)

Патриотизм и гражданственность без гражданина Размышления по поводу патриотического дискурса в России

О патриотизме писать нелегко: написано много, а отделять подлинное от неподлинного в современности – дело неблагодарное. Задача данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать позицию тех, кто считает патриотизм своей монополией, и попытаться выявить содержательное многообразие данного ментального явления. Именно здесь возникает право каждого на собственное понимание патриотизма с учетом его взаимосвязи с общим его смыслом в рамках национального сознания и с учетом перспективы становления космополитического сознания. Необходимо разобраться и в соотношении понятий патриотизм, гражданственность, гражданин. Это важно в связи с тем, что чаще всего в официальном политическом или педагогическом дискурсе говорится о патриотизме в формально-абстрактном духе, как будто можно воспитать чувство без того, кто чувствует. Патриотизм оторван от гражданственности, и то, и другое рассматривается без учета конкретно-исторического субъекта как реального носителя этих свойств. Получается, что предикат оторван от предмета, свойство или отношение – от субъекта. Результат педагогического (эстетического и т.п.) воздействия в таком духе оказывается нулевым, если не противоположным задуманному. Бюрократически организованные дела (школьное воспитание, заказная кинопатриотика и т.д.) бесплодны.

В средствах массовой коммуникации до 2000-х гг. присутствовали самые различные идеологические представления о гражданственности. Однако в последние годы официальный дискурс был направлен на «упорядочение» массового сознания в соответствии с интересами действующей власти. Это коснулось и значений понятий патриотизма и гражданственности. Весьма громко заговорили о необходимости гражданского воспитания, понимаемого исключительно в военно-патриотическом и даже верноподданническом духе. Либерально-демократический дискурс гражданственности был оттеснен на периферию публичной сферы, подвергнут «разоблачающей» критике. Один из самых значительных сдвигов в публичном дискурсе – это вытеснение вопроса «Какой гражданин нужен России?» вопросом «Что сделать с населением, чтобы оно не мешало нынешней власти?». Произошло замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством, включая участие в определении целей его развития, потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях самосохранения власти. Сместились и акценты: в структуре политической культуры граждан, которую должны культивировать учебные и воспитательные учреждения, подчеркивалась необходимость лояльности власти и замалчивались ценности активного участия граждан в управлении государством. Однако официально навязываемое понимание гражданственности абстрактно. Но нет гражданственности вообще, она есть комплексное качество гражданина как субъекта общества, политики и права. Поскольку в разные исторические эпохи понятие гражданина напол-

¹ Достаточно вспомнить общественный резонанс на опубликование секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа в 1989 году. Оно имело удручающее воздействие и ещё раз утвердило отношение к СССР как «империи зла».

нялось разным содержанием, то речь может идти о разных исторических типах гражданина и гражданственности (или политической культуры, или этоса гражданина), а также о многообразии идеологических дискурсов гражданственности в европейском и российском социально-политическом пространстве¹.

По нашему мнению, феномен гражданина возникает и воспроизводится в результате динамичного взаимодействия множества социокультурных факторов. Один их ряд образуют социально-политические институты, создающие объективные условия и возможности для существования гражданина в качестве социального и политического субъекта. Другой ряд – это культурные и ментальные факторы: традиции, нормы, символы, ценностные ориентации, социальные установки, стереотипы восприятия и оценки ситуаций, стандарты и модели поведения и т.д., мотивирующие деятельность индивидов и определяющие характер функционирования социальных и политических институтов. Точкой пересечения этих двух рядов факторов является личность, которая выступает в качестве главной основы существования феномена гражданина. Соответственно, три измерения образуют данный феномен в целом. Гражданин – это публичная роль личности, подразумевающая совокупность прав (возможностей, свобод личности, являющихся обязанностями государства по отношению к личности) и обязанностей (функций личности по отношению к обществу и государству). Причастность публичной власти, участие в ее осуществлении, как в прямой форме, так и в косвенной – посредством делегирования части собственной власти представителям, – определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура (гражданственность), взятая сквозь призму установок и моделей поведения.

Практическая актуальность исследования реальной политической культуры россиян, то есть ментального измерения российского гражданина, состоит в том, что именно политическая культура нации и гражданина является основанием легитимности институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Однако не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация содержания политической культуры конкретного общества, ее сегментов и каждого ее члена, поскольку от этого зависит вектор будущего развития. Важно, чтобы сохранялись различные идеологические интерпретации содержания политической культуры – либеральная (неолиберальная), консервативная (неоконсервативная), социалистическая (коммунистическая), социал-демократическая. Их конкуренция создает возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества.

Прежде, чем выявить качественные характеристики российского патриотизма, его место в политической культуре россиян, коротко рассмотрим структурные элементы любой политической культуры. Политическую культуру (или гражданскую идентичность, или гражданственность) американской нации С. Хантингтон определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее формула – «лояльность, патриотизм, идентичность»². При этом лояльность включает пассивные и активные моменты, последние обозначаются через понятие гражданского участия. Эту формулу можно использовать как структурный инвариант, который предусматривает конкретное социокультурное наполнение. Патриотизм в условиях современности – это лишь один из элементов гражданственности, или политической культуры гражданина (или нации как политической общности) в рамках национального государства. Гражданственность – качество гражданина (нации), детерминированное совокупностью конкретных социокультурных характеристик.

¹ Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург, 2006; Фан И.Б. Многообразие дискурсов гражданственности: проблема единства смысла // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Вып. 1). Екатеринбург, 2006. С.110-122.

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С.344.

Результаты социологических исследований общественного мнения, полученные Левада-Центром¹, позволяют судить о состоянии политической культуры массового индивида, о наличии и уровне патриотизма. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и, особенно, государственных дел. Массовое ощущение констатирует незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ. Наше предположение состоит в том, что между отчуждением населения от политики (и соответственно, политической и социальной пассивностью) и отсутствием патриотизма существует глубокая связь. Низкая степень причастности власти, или фиксация отчуждения граждан от политики, порождается не только инерцией традиций советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых в последние годы. Состояние политического отчуждения раскрывается посредством такого признака, как «моральная ответственность». Соответствующие ментальные установки перекликаются с институциональным (конституционным) статусом гражданина, связанным с институтом гражданства. Как политико-правовой институт гражданства, по закону «О гражданстве РФ» (2002 г.), есть «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека». Воспроизводство данного института помимо юридических и политических аспектов и связи с другими политико-правовыми институтами, зависит еще и от соответствующих ментальных установок – как со стороны должностных лиц, носителей государственной власти, так и со стороны гражданина, и в том числе – готовности выполнять обязательства (права и обязанности), нести ответственность (политическую, юридическую, моральную). От гражданина требуется выполнять сложную роль субъекта демократической политической системы: востребовать частные и публичные права и свободы гражданина, выполнять обязанности по отношению к обществу и государству – платить налоги, нести воинскую службу, пользоваться правами собственника, участника различного рода правоотношений, активными и пассивными правами избирателя и т.д. От государства – обеспечить законодательную фиксацию и исполнение законов, устанавливающих равные для всех граждан права и свободы, что подразумевает ответственность органов власти и должностных лиц за надлежащее исполнение обязанностей государства перед гражданами. Однако в последние годы демократические требования государства к населению, касающиеся исполнения роли гражданина, как и требования по отношению к должностным лицам, фактически сняты. Часто мелькает фраза «Народ не готов к демократии».

В исследовании Левада-Центра взят узловый аспект взаимодействия, двусторонней связи гражданина и государства – динамика «моральной ответственности» человека за действия властей и происходящее в стране. «После разрушения советской модели... «безусловное» отрицание всякой моральной ответственности человека за власть и страну неизменно и значительно преобладает над «безусловным» ее принятием². Взаимный обман и невыполнение обязанностей – наиболее часто упоминаемые характеристики, свидетельствующие о показном, «лукавом» характере зависимости граждан от государства. На наш взгляд, именно с этим связан низкий уровень патриотизма населения, причем, и по отношению к властям (если понятие «отцов» отождествляется с должностными лицами), но и по отношению к обществу (как социальному наследству предков, как «отечеству»), поскольку общество пронизано социальным недоверием.

Это была реальность, но есть еще и «витрина». В рамках официального политического дискурса происходит идеологизация понятия политической культуры населения. «... поня-

¹ Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. №2. С.9-17.

² Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. №2. С.12.

тие «политической культуры» выполняет в публичном дискурсе две основные (и взаимосвязанные) функции: оно работает на конструирование коллективных идентичностей (граждан, членов нации, «большинства» и т.д.) и служит для обоснования тех или иных политических программ¹. Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс фактически поддерживает лишь лояльность высшим государственным лицам. Собственно патриотизм и сводится к признанию высшего лица государства – «лидера нации» («отца» – в советской терминологии). Идентичность массового человека носит неопределенно негативистский характер². Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку, обернулся русским национализмом³. Власти озабочены эффектом их предыдущей политики потворства патриотическим силам. В официальном дискурсе, в том числе в программе партии «Единая Россия», доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия представлен лишь в декларативно-имитационной форме. Идеологи «Единой России» сконструировали собственную модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей разные характеристики. Цель данного идеологического конструкта – обоснование программы модернизации «сверху», легитимация действующего политического режима и интеграция общества вокруг политики «вертикали власти». Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением идеологов правящей партии уйти от политики ельцинского периода и вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации. Вместо последних предлагается возрождение традиций имперского прошлого и «русской» культуры⁴. Образ русской политической культуры, который «единороссы» стремятся утвердить в общественном сознании, построен на утверждении «духовной и культурной самобытности России», которая заключается в абсолютной ценности государства, признании его в качестве главного фактора национальной самоидентификации, в идеале «единства власти и народа», в склонности к идеократии, основанной на вере в Россию как сверхдержаву; в приверженности официальному лидеру страны, соборности, в моральном понимании социальной справедливости и т.п.

В публичном пространстве присутствуют и, на первый взгляд, иные варианты патриотического дискурса. Патриотизм с точки зрения коммунистической идеологии – это «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. Подлинный патриотизм – борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм. Он несовместим с буржуазным национализмом и космополитизмом и нераздельно связан с пролетарским интернационализмом»⁵. Это определение советского времени сейчас несколько обновлено. Характеристики патриотизма – ложный и настоящий, подлинный и неподлинный, меняются на противоположные в зависимости от идеологии и социально-политических интересов, которые она выражает. Каждая из идеологий объявляет ложным патриотизм собственного идеологического противника, оппозиции. Все зависит от социальной группы, субъекта, интерпретирующего отношение к родине, оппозицию всегда обвиняют в антипатриотизме. Но есть и момент популизма в данной мировоззренческой установке, этот момент сопутствует любой политической борьбе или даже ее имитации. Более сложную модель коллективной идентичности представляют либералы. Наряду с традиционными «константами» в современной российской политической культуре они видят сегмент, ориентированный на нормы либерально-

¹ Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис.2006.№5. С.119.

² См.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.

³ См.: Гудков Л., Дубин В. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005.Т.9.№2 (29). С.25-40; Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Там же. С.6-24.

⁴ Различные версии такого проекта описаны О.Ю. Малиновой (Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис.2006.№5. С.С.120-121).

⁵ Словарь иностранных слов. М., 1989.С.376.

демократической культуры. В соответствии с данной моделью, российская политическая культура представляет собой конфликт различных субкультур¹.

Однако наибольшее распространение получили подобные определения: «Патриотизм – это ощущение духовной связи с Отечеством, с Россией, это любовь к ее прошлому и настоящему, это надежда и вера в ее будущее»². Попытаемся дать анализ этого определения, выявить его смысл, а главное – социального субъекта, в интересах которого оно дается. На первый взгляд, это бесспорное положительное утверждение. Оно кажется таковым в силу того, что является традиционным и относится к социальным стереотипам общественного сознания. Но стоит поразмыслить над ним, как выявляется то, что это пустая абстракция, поскольку здесь нет никакого указания на социокультурный и исторический контекст данного явления, нет характеристики субъекта, общности, которая ощущает связь с «отцами». Неопределенно безлично подразумевается некое «мы», население, живущее на данной территории в настоящее время. Однако даже базовое гуманитарное знание свидетельствует, что существуют разные исторические типы общностей – род, племя, семья, община, нация. В каждом из типов, очевидно, должна по-разному ощущаться эта «духовная связь» с предками, поскольку все они имеют разные признаки и характеристики. Итак, первое, от чего надо бы отказаться при определении патриотизма, это от его абстрактного характера – внеисторического, внеконтекстуального, бессубъектного. Патриотизм историчен, контекстуален, у него всегда есть конкретный социальный субъект, наполняющий его специфическим содержанием.

В анализируемом определении важную роль играют религиозные категории – вера, надежда, любовь, трактуемые с точки зрения православия. Это религиозное содержание дает нам понимание патриотизма вневременного (вечного), внеконтекстуального, бессубъектного. Данное содержание патриотизма и сохраняется в различных словарях и официальном политическом дискурсе. Но ведь такое определение автор адресует российскому обществу конца XX – начала XXI вв., которое обладает своими характеристиками, и в котором православные верующие и люди, признающие свою религиозную принадлежность, не составляют большинства общества!?

По Конституции РФ, Основному закону, определяющему строение общества и нормы его бытия, мы живем в светском государстве, где уважаются права каждого на свободу совести. Религия является частным делом каждого человека в российском государстве. Значит, консервативно-православная трактовка патриотизма – это попытка понимание части общества навязать всему обществу, то есть выдать частное за всеобщее. Частным здесь является религиозное – православное – понимание. Характеристика «частное» не означает неуважения к православию, она ставит его лишь в ряд с другими версиями патриотизма, признает право представителей других конфессий, безрелигиозных людей и атеистов на собственное отношение к Родине. К тому же любовь в данном определении фигурирует неопределенная, абстрактная, слепая – к прошлому и настоящему. Но и прошлое (российская история), и настоящее (со всеми его проблемами и противоречиями) может по-разному интерпретироваться и оцениваться разными слоями населения, с разных политических, идеологических и научных позиций. Прошлое не однозначно, к тому же разными поколениями переоценивается, а разными властями, как правило, переписывается. И любовь, как и надежда, вера, может быть не только «слепой», но и критичной, разумной, понимающей, мудрой, различающей доброе и злое, а главное – реальное. Современное понимание патриотизма должно учитывать и многоконфессиональность российского общества, и численность неверующих и атеистов, и светский характер российского государства.

Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Каждое поколение людей делает это по-новому. Приобретенный исторический опыт в рамках конкретного поколения также вносит вклад в конкретное содержательное наполнение патриотизма. Социокультурный контекст патриотизма включает целый набор институциональных и ментальных признаков и ха-

¹ Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002.№25; Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Новые люди в старой системе // Новые известия. 2002.№170-171.

² В.Ю. Троицкий. О патриотическом воспитании // <http://www.russia-talk.com/patriot.htm>

рактических характеристик социальной группы (общности) или индивида: социальный статус (то или иное место в социальной структуре общества), экономический статус (доходы, наличие собственности, возможности выезжать или обучать детей за границей и т.д.), масштаб включенности в международные экономические, политические, культурные связи, политический и правовой статус, знания, нормы, ценности, психологические установки, приверженность той или иной субкультуре и т.д. В зависимости от сочетания данных характеристик и патриотизм будет наполнен различными чертами и оттенками. Даже на уровне здравого смысла ясно, что отношение к Отечеству будет разным у сына крупного партийного деятеля советского времени, сумевшего приватизировать какую-то часть госсобственности, и у потомка человека репрессированного или потомка представителя депортированного народа. Также важно, как понимается само Отечество, это общество (как совокупность потомков исторических «отцов») или это государство (государственный аппарат, номенклатура), или нечто безличное, где смешаны и то, и другое? «Подлинным патриотам» свойственно отождествление общества (отечества, Родины) и государства, и любви к первому с любовью ко второму. Любая критика просчетов государственного управления консервативными патриотами воспринимается как «подрыв нашей веры в будущее». Однако вера в будущее и слепая апология власти – не одно и то же. Криминализация (деморализация и т.д.) населения ими трактуется как отход от истинной веры, как результат искушения либерализмом.

Еще один оттенок понимания патриотизма исключительно с православных позиций – нетерпимость к инакомыслящим. «Православные патриоты», монополизировавшие право на трактовку патриотизма, довольно агрессивно настроены по отношению к тем, кто подвергает сомнению или критике это сакральное отношение к «отцам» (Отечеству), кто пытается рационально анализировать прошлое и настоящее. В таковых они видят «кошунствующих» или «врагов». Консервация от века существующего содержания «любви к Отечеству» тесно связана с воинственным противостоянием всякому иному отношению к тем или иным явлениям российского прошлого и настоящего, отличающемуся от «канонов». Православный патриотизм не учитывает социальных, политических, культурных, информационных изменений в обществе, в своем фанатическом неприятии любых содержательных изменений даже не видит, что сам изменился по сравнению с прошлыми историческими этапами эволюции Русской православной церкви и православной общественности. Перед нами достаточно серьезные признаки консервативной идеологии, направленной на сохранение существующего политического порядка и служащей сохранению власти верхушкой бюрократии, номенклатуры, подмявшей под себя крупный бизнес. Апеллируя к ценностям любви, истинной веры и т.д., «патриоты» фактически манипулируют массовым сознанием во имя мобилизации сторонников и прикрытия личных и групповых интересов.

Сакрализация ценностей, присущая религии, иногда играет злую шутку с православными патриотами-монополистами. В частности, они объявляют святынями русский литературный язык или А.С. Пушкина. Да, это ценности для россиян, но нельзя абсолютизировать эти ценности и не позволять новым поколениям вносить в них изменения, по-своему их воспринимать. Думаю, что Александр Сергеевич удивился бы, если бы узнал, что его канонизировали в качестве святого. Почему нельзя читать его произведения с уважением, но без низкопоклонства? Обратной стороной сакрализации и абсолютизации ценностей становится нетерпимость и стремление изгнать (уничтожить) инакомыслящих. Эта установка приводит иногда к возникновению крайних форм «патриотизма». Некоторые группы «патриотов» говорят, что они не христиане (!), выступают за объединение нацболов, коммунистов, евразийцев, позитивных русских мусульман и патриотических сатанистов, за захват политической власти, уничтожение всех врагов, торжество православия они связывают с разрушением западной культурной идентичности¹. Более чудовищной и вредоносной смеси консервативных, православных, патриотических и нацистских построений придумать сложно.

¹ http://www.chaskor.ru/article/vremya_bezobrazya_15391

Ни одно из пониманий патриотизма не должно иметь монопольное право на подлинность. Другое дело, что различные трактовки патриотизма могут и имеют общую ценностную основу: уважение «отцов» (истории), но не их (ее) культ, возможность разного отношения к ним в рамках общих правил, которые должны определяться через исключение крайностей – полного отрицания собственной истории и полного безоглядного ее одобрения. Хорошо бы сделать правилом стремление к разумному, умеренному приятию российской истории. Всякая гипертрофия опасна и чревата разжиганием социальных конфликтов. Меняется жизнь, а с нею – наши представления о ценном в ней. Инвариантные ценности корректируются, трансформируются, обновляются. Взаимосвязь Традиции и Современности систематически переосмысливается. И литературный язык, и отношение к А.С. Пушкину все время меняется. Само изменение – и в жизни, и в культуре есть переработка и развитие исходной ценностной основы. И у наших отцов были достижения и промахи, а у некоторых – и преступления. Не считать же сакральным все без разбора! Значит, и любовь к «отцам» в каждый момент истории конкретна, специфична, уникальна, и одновременно есть в ней тот самый инвариант – общие для всех ценности, определяемые генетическим происхождением и социокультурной преемственностью. Личность в зависимости от собственного опыта, образования и других характеристик тоже имеет право на собственное отношение к Родине, перекликающееся с пониманием патриотизма в масштабах больших социальных групп и общества в целом. Все эти факторы оказывают влияние на представления человека о его отечестве и месте его самого в этом отечестве. Это и определяет характер конкретного личного индивидуального патриотизма. Д. Драгунский написал, что в современной российской кинопатриотике, «застрявшей в сетях взаимоисключающих исторических концепций», есть две беды – путаница понятий и неискренность¹. Он раскритиковал специальный, заказной военнопобедоносный патриотизм в российском кино, который призван вызывать гордость и восторг за Родину. Автор склонен считать такой подход искусственным и имеющим эффект, противоположный ожиданиям. Для него патриотизм – скорее грусть и ностальгия, в нем важна искренность. Это чувство часто возникает, когда родина утрачена. Российские граждане в настоящее время не лояльны государству, с которым зачастую отождествляют родину. Для Драгунского основанием патриотизма является не прагматизм, но любовь как печальное чувство страдания, переживания сопричастности. Это нежное индивидуальное чувство, а в ходульном заказном военно-патриотическом воспитании никакого смысла нет.

В понимании патриотизма особую роль играет этнический аспект. Имеют значение характер и масштабы общности, приверженность к которым фиксирует это сознание. Этнический слой в патриотизме задает консервацию происхождения, чистоты этноса, которому должен быть предан конкретный человек. Этническое, связанное с бессознательным, архетипическим, содержит исходное противопоставление своего этноса и чужого, наших и чужих «отцов», друзей и врагов. Отсюда и в современности противопоставления русских и нерусских, под которыми могут подразумеваться представители любых народов. Однако зачем продолжать войны наших отцов, когда забыты их причины и поводы и установилась иная повестка жизни, иная социальная организация, иная культура? Так ведь можно вспомнить столкновения между отдельными племенами внутри того, что сейчас считается русским этносом! Неужели войны прошлого необходимо вести в настоящем? Но не пора ли поставить вопрос о возможности патриотизма без противопоставления – ни на этнической, ни на политической основе?

Мышление посредством комплекса бинарных оппозиций этнических (русские/нерусские) и религиозных (православные/неправославные) *своих и чужих* заряжено потенциальными конфликтами. Оно усиливается еще и противопоставлением подлинного и неподлинного. Это статичная консервативная логика, не учитывающая исторических изменений, контекстуальности происходящего, не выясняющая глубоких причин тех или иных явлений в реальности, но сводящая все к этническим или религиозным факторам. Сюда относятся и мотивы

¹ Драгунский Д. Патриотизм. Они врут, потому что я им не верю // [http:// www.chaskor.ru/ article/ patriotism_22679](http://www.chaskor.ru/article/patriotism_22679)

«унижения русского народа», ущемления национального достоинства русских, «антипатриотического помрачения, противопоставляющие все «подлинно русское» всему нерусскому – «западному» и т.п. Необходимо считать допустимым множество интерпретаций патриотизма, различие мнений в отношении к проблемам общества и государства, нужно стремиться не к полярным, но к взвешенным умеренным мнениям, предполагающим приятие родины, но и возможность анализа ошибок «отцов», критики тех или иных политических решений, приведших к тем или иным социальным проблемам. Многообразие понимания патриотизма, на наш взгляд, укладывается в диапазон, границы которого заданы оппозицией сакральное/профанное (прагматическое, повседневное).

«Патриот» (греч.) – соотечественник, значит, патриотизм в исходном значении слова – приверженность, любовь к родине (отечеству)¹. Патриотизм включает знание, чувство и практическое осуществление связи с соотечественниками в прошлом и настоящем. Главное – связь не только с территорией и природой («березками»), но с людьми, жившими или живущими на этой территории, среди этих природных и социокультурных условий, с людьми, у которых есть общий исторический опыт – опыт переживаний (национальных достижений, общей радости, труда, войны, реформ, экономических депрессий и т.д.). Эта связь может устанавливаться и через предметы – духовные и материальные ценности, в которые вложены опыт, навыки, чувства предков. Инвариантным ядром патриотизма является уважение ко всему тому, благодаря чему ты стал человеком, прежде всего – уважение к предкам прямым и косвенным, людям-создателям, чей труд лег в основу нынешних условий твоей жизни, к тем, кто создал Общее благо – совокупность материальных и духовных ценностей, которыми можно пользоваться и гордиться в настоящее время. Это еще и личная ответственность за полученное в наследство, и право переосмысливать, интерпретировать и производить Общее Благо в соответствии с собственным пониманием. Нельзя патриотическое сознание сводить лишь к чувствам, в его структуре дифференцируются рациональный, чувственно-эмоциональный и практический уровни. Важно, чтобы все эти элементы не возгонялись до крайностей и не основывались на исключительно этнических или религиозных догматах и взглядах. Иначе патриотизм может играть неблагоприятную роль побудителя социального и политического напряжения, внутривнутриполитических и международных конфликтов. Абсолютизация крайностей ведет к формированию различного рода социальных и политических фобий (например, страха перед «мировой закулисой»), ксенофобии, изоляционизма, расизма, великодержавного шовинизма и т.д.

Произошла девальвация слова «патриотизм» в глазах населения. Парадокс заключается в том, что патриотами называют себя люди, стремящиеся законсервировать какие-то ценности прошлого. Но они, очевидно, и не подозревают, что блюсти неприкосновенность сакральных ценностей они призывают под словом «патриотический», которое относится к варваризмам², чужеродным заимствованным словам, образованным не по нормам русского языка. Слово «патриотизм» пришло в русский язык из греческого и меняется вместе с исторической эволюцией русского литературного языка как основы культуры. Призыв сохранить в неизменности литературный язык, культуру и патриотизм утопичен, он лишает нынешние поколения людей права на собственное прочтение созданного ранее и творчество новых ценностей. Эволюция слова «патриотизм» в российской культуре и многообразие его значений – я «патриотам» наука. Хранить чистоту и неизменность веры, языка, культуры, расы – и сложно, и не нужно. Жизнь и культура (общество, современность) смешивают все формы и явления, связывают в различные взаимозависимые образования. И требования хранить «чистоту» явлений оказываются связанными с репрессиями над жизнью, культурой, людьми.

Отношение большинства россиян к Родине и государству складывается в контексте при-сущего современной российской культуре разрыва между абстрактным и конкретным, должным и сущим, имитационно-декларативным и фактическим, формальным и неформальным, сакральным и профанным, абсолютным и относительным, официально утверждаемым дол-

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 988.

² Виноградов В.В. История слов/ Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999. С.870.

гом каждого россиянина и нежеланием его исполнять этот долг в силу множества причин. Причем, этот разрыв массами ощущается все более апатично, полюс должного (сакральной любви к Родине) переживается все более равнодушно, поскольку им слишком часто злоупотребляли. На самом деле это довольно плачевная ситуация, но выход из нее подскажет не манипуляция общественным сознанием, но серьезное отношение разных органов государства к собственному гражданину. Он поймет, что нужен Родине, когда общество и государство на деле, а не на словах признают, что им нужен каждый гражданин.

В. Федоров, ген. директор ВЦИОМ (Москва)

Патриотизм у россиян – в прошлом. Новый русский патриотизм: национальный, государственнический или гражданский?¹

Сегодня патриотизм и то, как его понимают граждане – это своеобразный ракурс, который позволяет понять, что же на самом деле происходит в обществе. Россия переболела «детскими болезнями» патриотизма и ее граждане трезво оценивают ситуацию.

Недавно ВЦИОМ провел опрос в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России и он показал довольно интересную картину, что в стране практически нет так называемого «квасного» патриотизма. Поясню, это когда человек считает, что только в его стране все самое лучшее в мире. Данные нашего опроса показали, что только 5% считают, что быть патриотом значит не замечать недостатков своей страны.

Теперь очень популярен ответ россиян, что быть патриотом – значит говорить правду о своей стране, какой бы горькой она не была. Так считает практически каждый пятый опрошенный, но это совершенно не противоречит истинной любви к Родине, а напротив означает, что граждане довольно трезво оценивают ситуацию, что есть и хорошее, которое надо сохранять, но есть и плохое, которое надо менять.

Патриотизм для россиян – это любовь к стране и к своей семье, а не к власти или к государству. Таков основной итог проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опроса, считают ли россияне себя патриотами и в чем, по их мнению, проявляется патриотизм².

Подавляющее большинство россиян – 84% – считают себя патриотами. Это значит, что они любят свою страну, ведь именно так мы сегодня расшифровываем понятие «патриотизм». Но, в меньшей степени, чем два года назад (88% в 2008 г. против 84% в 2010). В первую очередь, это москвичи и петербуржцы, а также пожилые респонденты (по 88%). Лишь каждый десятый признается в том, что не испытывает патриотизма к своей стране (10%). В основном это жители малых городов (12%), респонденты моложе 35 лет (12-13%) и обеспеченные сограждане (12%).

За два года снизилась доля россиян, определяющих себя как граждан России (58% в 2010 г. против 70% в 2008). Все другие варианты ответа – «просто человек», «москвич», «русский», «европеец», «отец» и проч. – резко уступают гражданской самоидентификации. Но с

¹ http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13650.html?no_cache=1&cHash=ba6d2141a3
http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13603.html?no_cache=1&cHash=00b61ddfa
 «ER.RU» http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13582.html?no_cache=1&cHash=803de311b7

² Пресс-выпуск ВЦИОМ №1522. Москва, 2010. 23 июня.

2006 г. растет доля респондентов, ответивших на вопрос «Кто я такой» словом «человек» (с 24 до 30%). Меньше стало тех, кто определяет себя как жителя своего региона, города, села (с 23 до 19%). 18% идентифицируют себя через национальную принадлежность (18%). Все больше становится тех, кто определяет себя через свою семейную роль (с 7% в 2005 г. до 17% в 2010). 15% считают себя советскими людьми. Значительно реже россияне определяют себя как представителей определенной профессиональной группы (7%) или конфессии (5%). 6% считают себя космополитами, 2% – европейцами.

Таблица 1

Как бы Вы ответили сами себе на вопрос «Кто я такой?»
(закрытый вопрос, не более трех ответов)

Варианты	2005	2006	2008	2010
Гражданин России	60	59	70	58
Советский человек	14	13	13	15
Европеец	2	2	1	2
Гражданин мира	4	3	4	6
Житель своего региона, города, села (сибиряк, москвич, новгородец и т.д.)	19	16	23	19
Назвал бы свою национальность (русский, украинец и т.п.)	16	16	19	18
Назвал бы свои религиозные убеждения (православный, мусульманин и т.д.)	4	3	4	5
Назвал бы свою профессию, род занятий (учитель, предприниматель и т.д.)	6	4	7	7
Назвал бы свою семейную роль (отец, жена, бабушка и т.п.)	7	8	13	17
Просто сказал бы «человек»	29	24	26	30
Другое	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1

Интересно, однако, что главным предметом, основанием гордости за свою страну для абсолютного большинства выступает не ее драматическое настоящее или, тем более, светлое будущее, а прошлое – исторические события, память о великих предках. Истинным же проявлением патриотизма мы считаем не работу на благо страны, а уважение к отечественным традициям, укрепление собственной семьи и воспитание детей.

Новый российский патриотизм имеет довольно необычное лицо, сильно отличающееся и от классически-советского, и от перестроечно-реформаторского образцов. С одной стороны, все последние двадцать лет в нем росла составляющая «любить Родину» и падала – «работать во благо страны». С другой – снижается доля тех, кто настроен при любой погоде «рубить правду-матку» о своей стране, наслаждаясь морально-политическим стриптизом, и тем более – отдавать всего себя коренной перделке страны, забывая о собственных профессиональных, семейных и прочих обязанностях. Сегодня готов поработать на Россию только каждый четвертый, а десять лет назад декларировал такую готовность каждый третий.

Согласитесь, между этими двумя подходами есть существенная разница. В первом случае говорится об отношении, не требующем каких-то активных действий, а во втором без таких действий уж точно не обойтись. То есть мы все сильнее любим свою страну, но все реже готовы что-либо ради нее сделать. И уж точно работать мы все больше хотим на себя, а не на Родину.

Не пользуются большой популярностью и такие жесткие определения патриотизма, как «защищать свою страну от любых нападков и обвинений» (согласны с этим только 27%), «стремиться к изменению положения дел в стране, чтобы обеспечить ее достойное будущее» (готовы 26%), «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была» (18%). Не востребован и «квасной» патриотизм – только 5% из нас согласны считать патриотом того, кто в принципе отказывается видеть у своей страны какие-либо недостатки.

В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм?*(закрытый вопрос, не более трех ответов)*

Варианты	2005	2006	2008	2010
В разговорах и беседах со знакомыми на патриотические темы	7	7	6	13
В голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов	14	17	17	14
В участии в патриотических организациях	9	13	10	9
В праздновании исторических событий и юбилеев	17	14	13	19
В конструктивной критике недостатков в своей стране	10	12	9	10
В работе с полной отдачей по своей специальности	35	30	37	26
В укреплении семьи и воспитании детей	61	50	50	46
Уважение традиций	-	47	48	48
Затруднились ответить	14	7	8	6

И только для 19% патриот – это тот, кто считает свою страну лучшей, чем другие. Не видно экзальтации по поводу символов российского государства (главным предметом гордости за свою страну ее флаг, герб и гимн считают только 9% опрошенных), религии ее народов (тоже 9%), их обычаев (12%), родного языка (13%). Меньше, чем раньше, поводов гордиться победами наших спортсменов (11%, пять лет назад было 14%). Немногим чаще мы гордимся душевными качествами нашего народа (15%), военной мощью нашего государства (16%), жемчужинами нашей культуры – литературой и искусством (17%). Еще больше тех, кто гордится родной природой (21%), нашей землей вообще (30%), а также малой родиной – местом, где родились и выросли (32%). И вне конкуренции – наша история (ею гордятся 47%), а также ее персонажи, великие деятели прошлого (еще 22%).

Все это – версии патриотизма, обращенного в прошлое. Его, вопреки тотальному разоблачительству перестроечных правдорубов, большинство склонны считать по-настоящему великим и заслуживающим если не всяческого восхваления, то хотя бы уважения. Один из респондентов, рязанский повар Сергей, так описал эту ситуацию: *«У нас были великие умы, отличные гены. Да только истребили русский народ... Я горжусь только прошлым Великой Руси, а будущего не вижу. И это грустно».*

На этом фоне «патриотизм сегодняшнего дня», т.е. политическая активность, разворачивающаяся под флагом патриотизма, привлекает немногих. Лишь 9% россиян считают, что «истинный патриот» должен участвовать в работе патриотических общественных организаций. 13% – что он должен разговаривать со знакомыми на патриотические темы, 14% – что он должен голосовать на выборах за патриотические партии. Гораздо больше тех, кто считает достаточным для патриота уважать традиции (48%), участвовать в праздновании исторических событий и юбилеев (19%), укреплять свою семью и воспитывать детей (46%).

Российский патриотизм больше не требует ходить на митинги и демонстрации под красными или черно-золотыми знаменами или отдавать на выборах свой голос записным патриотам. Практически исчезли такие советские формы «ультрапатриотизма», как принципиальный отказ от работы на иностранную фирму (сегодня только 9% считают это непатриотичным) или брак с иностранцем (16%). Даже переезд на постоянное место жительства в другую страну называют непатриотичным поступком только 22%. Как сказала в интервью респондентка-фотомоделль, вышедшая замуж за итальянца и живущая на два дома: *«Для меня патриотизм – это обучать русскому языку мужа-иностранца, чтобы говорить дома на родном для меня языке».*

Зрелость общества подчеркивает и тот факт, что непатриотичным считается не знать государственных гимна, герба и флага, так считают 60% респондентов, тогда как в 2006 году так считали всего лишь 48%.

Но вот что не может быть прощено ни при каких обстоятельствах, так это отказ от службы в армии по призыву (50%), уклонение от уплаты налогов (57%) и незнание государственной символики (60%). Интересно, что сегодня наши граждане считают непатриотичным уклоняться от службы в армии – половина опрошенных. Хотя вы сами знаете, что армия сегодня еще далека от той, которую ее хотели бы видеть окружающие. Перелом в отношении к призыву, смена вектора с отрицательного на положительный, произошла в начале 2000-х гг. И с тех пор количество его сторонников устойчиво превышает противников. Правда, есть нюанс: среди сторонников явно доминируют мужчины и пенсионеры, а среди оппонентов – женщины и молодежь. Похоже, годичный срок службы – это хрупкий компромисс, позволяющий удерживать общество в относительной лояльности призывному принципу комплектования армии. А попытки трактовать его расширительно грозят резким падением количества сторонников призыва вообще.

Интересно, что в возрастном разрезе существенных различий в оценках почти нет

Таблица 3

В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм? - Ответы респондентов разных возрастных групп (закрытый вопрос, не более трех ответов)

	Σ	Возраст				
		18-24	25-34	35-44	45-59	60 и >
В разговорах и беседах со знакомыми на патриотические темы	13	16	13	11	11	17
В голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов	14	11	11	15	16	14
В участии в патриотических организациях	9	11	6	10	9	9
В праздновании исторических событий и юбилеев	19	29	18	15	20	16
В конструктивной критике недостатков в своей стране	10	13	9	10	10	9
В работе с полной отдачей по своей специальности	26	26	30	28	25	25
В укреплении семьи и воспитании детей	46	36	48	52	46	45
Уважение традиций	48	45	50	49	49	46
Затруднились ответить	6	5	5	3	7	7

Мне кажется, что мы переболели «детскими болезнями», которые отмечались в 1990-е гг. – это болезни полного самоуничтожения, что в стране все плохо и ничего у нас нет, гордиться нечем, а вся история – «кровавая баня» и прочее. А в 2000-х, наоборот, мы наблюдали эйфорию – что в России все просто замечательно, и мы впереди планеты всей. Конечно, подобный кураж важен для выздоровления, но назвать его трезвой самооценкой нельзя. А сейчас, в 2010-ом, я думаю, что мы как раз вышли на тот уровень, когда общество адекватно расценивает происходящее. То есть люди понимают, что в России есть чем гордиться, но есть и серьезные болевые точки, проблемы, которые надо решать.

Итак, мы далеко ушли от советского принципа: считать свою страну лучшей в мире и закрывать глаза на ее недостатки. Но и перестроечный призыв – активно менять страну к лучшему, идя наперекор сложившемуся положению, – давно иссяк. Теперь мы предпочитаем любить Родину расчетливо, не тратя на это особых сил и энергии, но настойчиво самоустраиваясь от «повышенных обязательств» и оберегая как зеницу ока автономию своей частной сферы.

Возможно, это и неплохо. Ведь каждый сегодня по мере сил «возделывает свой сад», прикрывшись от соседа высоким забором. Но есть что-то, чего остро недостает нашему патриотизму, чтобы он из элемента словесного «джентльменского набора» современного россиянина стал действительно важным мотиватором его поведения. Нам недостает предметов и оснований для гордости, взятых из дня сегодняшнего (самому свежее из всеми признаваемых достижений нашего народа – полету в космос – уже полвека). Нет героев сегодняшнего дня,

на которых хотелось бы равняться (Чичваркин, Абрамович, Билан - персонажи, конечно, яркие, но «делать с них» свою жизнь абсолютное большинство россиян не готово). И, наконец, возможно, самое главное. Нам не хватает понимания того, как взаимосвязаны успех страны в целом и успех каждого ее жителя. И осознания, что одного без другого не бывает.

В.Р. Цылев, д.соц.н., Т.В. Мулина, к.соц.н. (МурмГПУ, Мурманск)
Патриотизм молодых мурманчан: многообразие феномена

В последнее время вместе с укреплением российской государственности стал активнее проявляться патриотизм россиян. Так, в исследовании ВЦИОМ, которое проводилось в ноябре 2006 г., 83% респондентов причислили себя к патриотам России, причем практически одинаково во всех слоях общества. В рейтинге жизненных приоритетов патриотизм занял четвертое место – выше были только семья, дети и дом. В исследовании были выявлены некоторые особенности современного патриотизма: россияне не видят ничего предосудительного в таких ситуациях, как работа в иностранной фирме (нормальным или допустимым ее назвали 63% респондентов), переезд в другую страну (62%), брак с иностранцем (52%), уклонение от службы в армии (допускают 40% опрошенных с теми или иными оговорками) и др.¹ Можно сказать, патриотизм россиян в современных социально-культурных условиях приобретает какие-то новые черты. Не быть патриотом, согласно результатам исследования ВЦИОМ, в наше время оказывается непрестижным и немодным.

Сам факт возрастания патриотических настроений граждан нашей страны не является неожиданным. Исследователи феномена патриотизма отмечают, что без него невозможно построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону, выработать сколько-нибудь плодотворную и самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь². Российским правительством разработана и принята новая федеральная целевая программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 гг.». Сегодня она реализуется. В связи с этим интерес представляет исследование особенностей проявления патриотизма различными группами населения страны.

На изучение специфики патриотизма молодежи Мурманской области был направлен один из блоков исследования, которое проводила социологическая лаборатория Мурманского государственного педагогического университета совместно с Управлением по делам молодежи Мурманской области в декабре 2007 г. Выборочная совокупность составила 775 человек с соблюдением квот по полу, возрасту (для трех возрастных групп: 15-19, 20-24 и 25-29 лет) и месту жительства (Мурманск и область). Была реализована доступная модель выборки, опрашивалась молодежь всех основных социальных групп: учащаяся, работающая, служащая в армии и безработная.

Изучение феномена патриотизма сталкивается с трудностями из-за неоднозначности трактовки термина, многовариантности его использования. Это обусловлено сложной природой патриотизма, многообразием форм его проявления, зависимостью его конкретного содержания от исторических, социально-политических и экономических условий. Различается толкование патриотизма изучающими его исследователями: в зависимости от гражданской позиции, мировоззрения, исторических и социально-экономических условий и т.д. Пожалуй, нет разночтений только в его главной черте: любви к своему отечеству, родине. Социологический словарь добавляет к этому любовь к своей стране, народу, привязанность к месту своего рождения, месту жительства³.

¹ Федоров В. Российский патриотизм - истинный и мнимый // Российская газета. 2006 г. 22 декабря.

² Баранов П.А. Патриотизм в системе общероссийских ценностей // Человек и его потребности к социально-политической и социально-психологической сферах. Материалы межвузовской научной конференции 10 декабря 2002 г. СПб., 2003. С. 50.

³ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 2003. С. 164.

Философы серебряного века в определении патриотизма делали акцент на его духовной природе, связывая его прежде всего с духовным развитием человека, его гражданственностью, привязанностью к месту жительства, культурной среде (В.С. Соловьев¹, И.А. Ильин²). Истинный патриот, согласно И.А. Ильину, выступает как человек, любящий свое отечество, осознавший свои обязанности перед ним из чувства долга, чести, признательности и имеющий высокий уровень духовного развития, проявляющийся в его нравственной, политической и правовой культуре. Современные авторы пытаются в той или иной степени учесть имеющиеся подходы к изучению патриотизма. Так, по мнению В.И. Лутовинова, патриотизм выступает как некое духовно-нравственное образование личности, среди основных черт которого можно выделить комплекс позитивных чувств (любви, привязанности) к Отечеству, месту жительства, соотечественникам, интерес к культуре, истории страны и активно-деятельностную гражданскую позицию³.

Выявление патриотизма проводилось двумя способами. В открытом вопросе у респондентов спрашивалось, *считают ли они себя патриотами*, и выражалась просьба обосновать свою позицию. Второй способ заключался в *оценке опрашиваемыми различных проявлений патриотизма по 7-балльной шкале*.

Приверженцев патриотизма оказалось достаточно много, хотя и несколько меньше, чем по данным ВЦИОМ: 70% молодых мурманчан *называют себя патриотами*. 24% указывают на отсутствие патриотических чувств и 6% затруднились ответить на этот вопрос. Был определен уровень проявления патриотических чувств и черт у групп молодежи, по-разному позиционирующих свой патриотизм (см: Таблица 1).

В большей степени у молодых людей выражены проявления патриотизма, связанные с наличием определенных позитивных чувств к стране, соотечественникам («желание процветания своей стране и своему народу», «чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене», «любовь и уважение к своему языку, культуре»). У позиционирующих себя «патриотами» эта оценка составила от 6,1 баллов до 6,3 по 7-балльной шкале, у «непатриотов» – от 4,8 до 5,5. В меньшей степени проявились черты патриотизма, связанные с обязательствами по отношению к стране («осознание необходимости несения воинской службы» и «поддержка отечественного производителя» – у «патриотов» соответственно 4,6 и 4,7 балла, у «непатриотов» – 3,3 и 3,5 балла), а также «знание и почитание государственной символики» (4,8 и 3,3 балла).

Разница в оценках степени проявления патриотизма у групп молодежи, позиционирующих себя «патриотами» и «непатриотами», оказалась не столь существенной, как можно было бы предполагать, и по отдельным направлениям составляет от 0,8 до 2,1 балла. В то же время эта разница, несмотря на не очень убедительное значение, является статистически значимой по «критерию Стьюдента». Самая большая разница между «патриотами» и «непатриотами» была выявлена в «чувстве любви и преданности к Отечеству», т.е. именно в той характеристике патриотизма, которая является основной во всех его определениях (2,1 балла); наименьшая – в «желании процветания своей стране и своему народу» и «знании истории страны, края, народа и интерес к ней» (по 0,8 балла).

¹ Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д, 1997. С. 34.

² Ильин ИЛ. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания / Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 242-243.

³ Лутовинов В.И. Российский патриотизм: история и современность // Евразийский вестник. 2006. №17. (<http://www.rusidea.ru/?part=76&id=674>).

Таблица 1

Оценка молодежью проявления патриотических качеств по 7-балльной шкале
(от 1 – «практически нет» до 7 – «ярко проявлено»)

Аспекты проявления патриотизма (патриотические чувства, черты)	Позиционирование патриотизма			Средняя
	Патриот	«Непатриот»	Затрудняюсь ответить	
Желание процветания своей стране и своему народу	6,3	5,5	6,1	6
Чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене	6,2	4,8	5,6	5,8
Любовь и уважение к своему языку, культуре	6,1	5	5,7	5,7
Сопереживание в трагических ситуациях соотечественникам	5,9	5	5,7	5,6
Чувство привязанности к «малой Родине»	5,5	4,2	4,8	5,1
Стремление жить и работать в своей стране	5,5	3,9	4,2	5
Желание, чтобы дети жили и работали в своей стране	5,4	3,7	4,1	4,9
Чувство любви и преданности к Отечеству	5,4	3,3	4,6	4,8
Знание происходящих в стране событий и интерес к ним	5,1	4,2	4,6	4,8
Чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам	4,9	3,9	4,5	4,6
Знание истории страны, края, народа и интерес к ней	4,9	4,1	4,2	4,6
Знание и почитание государственной символики	4,8	3,4	4,3	4,4
Поддержка отечественного производителя	4,7	3,5	4,4	4,4
Осознание необходимости несения воинской службы	4,6	3,3	4	4,3
Средний балл	5,4	4,1	4,8	5

Для выявления латентных переменных с целью обобщения проявлений патриотизма был использован *факторный анализ*, результаты которого оказались весьма интересными. В факторную модель были дополнительно включены вопросы, направленные на выяснение позиции респондентов в отношении патриотизма: его определение, мнение о его месте в современном мире и представление о необходимости его государственного воспитания. Факторный анализ выполнялся с помощью программы SPSS методом главных компонент. В полученной модели было выделено *четыре фактора*, у которых числа корреляционной матрицы превышают значение 1. Эти факторы в совокупности объясняют 63% дисперсии всех переменных, что свидетельствует о достаточно хорошей объяснительной способности модели.

В *первый фактор* были включены переменные, выражающие чувственное, эмоциональное отношение к своей стране, народу, соотечественникам, культуре. Во *второй* – выражающие стремление поддержать ее своей деятельностью: жить и работать в стране, служить в армии, поддерживать отечественного производителя. В *третий* вошли переменные, связанные со знанием государственной символики, истории и культуры страны, края, происходящих в них событий и интересом к ним. А вновь введенные переменные (включая «определение у себя чувства патриотизма») образовали *четвертый фактор*. Таким образом, в проявлениях патриотизма четко выделились четыре составляющих, которые можно обозначить как *эмоционально-чувственная, деятельностная, когнитивная и гражданская* позиции. Эти составляющие в достаточно явном виде можно найти в приведенных выше определениях. Что интересно, пере-

менная «любовь и уважение к своему языку, культуре», вошедшая в два фактора (1 и 3) с коэффициентом корреляции более 0,5, действительно несет в себе черты их обоих. С одной стороны, она отражает чувство, с другой – объектом этого чувства выступают язык и культура, которые предполагают их знание. Выделенные в факторном анализе *четыре компоненты патриотизма*, по-видимому, действительно являются важными и даже определяющими в определении этого феномена, поскольку все они получили подтверждение своего действительного существования в обоснованиях респондентами наличия у себя патриотических чувств в открытом вопросе. Ответы молодых людей при обобщении уложились в выявленные четыре категории, при этом четвертая составляющая (гражданская позиция) дополнилась новым содержанием, вполне соответствующим ее общему смысловому контексту.

К *эмоционально-чувственной* составляющей проявлений патриотизма были отнесены такие ответы, как «люблю свою страну как бы то ни было», «есть чувство гордости за то, что живу именно в России...», «всегда очень болею и переживаю за представителей России в спортивных соревнованиях» и т.д. Т.е. при объяснении причины определения себя патриотом респондент указывает на те или иные чувства, которые он проявляет по отношению к своей Родине. Подобных обоснований было больше всего – 55%.

К *деятельностной* составляющей относились ответы, в которых молодежь аргументировала свой патриотизм службой в вооруженных силах, выражала готовность воевать за страну, а также говорила о способствовании развитию страны: «работаю на свою страну», «готов защищать свою страну и т.д.». Подобным образом отвечали 12% респондентов.

К *когнитивной* составляющей были отнесены ответы, в которых указывалось на важность для респондентов событий, происходящих в стране, знаний о стране: «интересуюсь политикой и жизнью страны», «постоянно слежу за событиями, которые происходят в нашей стране» и др. – таких ответов было 18%.

И как выражение *гражданской* позиции понимались такие ответы, как «живу, работаю в этой стране», «я россиянин», «это моя Родина, здесь мои корни», «потому что каждый житель страны должен быть патриотом» и т.н. Здесь респонденты как бы заявляли: я гражданин своей страны и поэтому я патриот, т.е. патриотизм оказывался естественным продолжением их гражданской позиции. И по количеству ответов эта составляющая патриотизма заняла 2 место – 30% из числа назвавших себя патриотами. Некоторые опрашиваемые указывали на наличие у себя проявлений патриотизма, относящихся к двум различным категориям (их было 15% от числа ответивших), но большинство называли проявления только одного вида. Для оценки относительного уровня проявления у молодежи выделенных составляющих патриотизма были построены индексы по группам переменных, объединенных факторным анализом в четыре фактора. При этом переменная «любовь и уважение к своему языку, культуре» была исключена из обработки, так как она не имеет достаточно высокой однозначности в принадлежности к определенному фактору. Переменные, составляющие фактор «гражданская позиция», были перекодированы в 7-балльную шкалу для приведения в соответствие с остальными. Оценки уровня проявления составляющих патриотизма у респондентов, считающих себя «патриотами» и «непатриотами», таковы:

Таблица 2

Средняя оценка уровня проявления составляющих патриотизма у респондентов, позиционирующих себя «патриотами» и «непатриотами» (по 7-балльной шкале)

Составляющие патриотизма	Позиционирование патриотизма	
	«патриот»	«непатриот»
Чувственно-эмоциональная	5,7	4,4
Деятельная	5	3,6
Когнитивная	4,9	3,9
Гражданская позиция	6,4	2,8

Различия средних баллов у «патриотов» и «непатриотов» по всем составляющим патриотизма статистически значимы (при проверке по «критерию Стьюдента»), но все же говорить об их существенном различии, наверное, нельзя (как и в случае сравнения по отдельным проявлениям патриотизма). Значительное различие между теми, кто позиционирует себя «патриотами» и «непатриотами».

риотами», наблюдается только в их гражданской позиции, что естественно. При анализе приведенных выше данных следует учитывать, что в первых трех составляющих патриотизма их проявление меняется постепенно от 1 - практическое отсутствие до 7 – ярко выражено. А гражданская позиция имеет среднее значение 4 - *отсутствие выраженной позиции*. Соответственно, выше 4 – респондент в большей степени поддерживает развитие патриотизма в обществе и сам стремится быть патриотом; ниже 4 – считает, что патриотизм изжил себя. Относительная близость средних баллов «патриотов» и «непатриотов» у первых трех составляющих говорит о том, что среди тех, кто не относит себя к патриотам, есть такие, у которых проявления патриотизма по каким-то из его составляющих обнаружены достаточно ярко, и наоборот, не у всех патриотов одинаково сильно выражены все составляющие патриотизма. Подтверждение этому предположению можно найти, если обратиться к обоснованиям молодых людей своей непатриотической позиции. Из тех, *кто не считает себя патриотом*, большая половина респондентов (52%) основной причиной этого считает отсутствие поддержки государства и условий для благополучной жизни в России: «страна должна заботиться о своих гражданах», «не ощущаю никакой помощи от страны», «нет условия для жизни, если бы смог, то уехал бы». 13% респондентов, объясняя свою позицию, отмечали: «мне не нравится моя страна», «я разочаровался в России», «в России нельзя быть патриотом», «нечем гордиться», т.е. выражали негативную оценку страны в целом. Но наряду с такими, достаточно резкими оценками страны были обоснования непатриотической позиции и иного рода. Например, 13% респондентов считали, что не могут назвать себя патриотами, т.к. это звание «нужно заслужить», «я ничего для этого не сделал». 8% молодежи не относят себя к патриотам страны, но при этом сами отмечают у себя проявление патриотических чувств, например, «непатриот, но в сложной ситуации готов постоять за страну», «непатриот, но болею во время спортивных соревнований» и даже «непатриот, но люблю свою страну». И только 12% молодежи высказали принципиальную позицию против патриотизма: «необходимо одинаково любить все страны», «патриотизм способствует развитию национализма в стране», «патриотизм – это религия бешеных» и т.п. Во многих ответах респондентов чувствовалась боль, переживания по поводу существующих в стране негативных явлений. Возникает впечатление, что такая молодежь рада была бы назвать себя патриотами, если бы в стране произошли позитивные изменения, и условия их жизни хоть немного бы улучшились. Закономерно встает вопрос: кого в большей степени можно считать патриотами: тех, кто так себя позиционирует, но при этом не испытывает к стране никаких особых чувств? Или тех, кто не считает себя патриотом, но остро переживает трудности, существующие в стране, готов поддержать ее в трудную минуту, испытывает определенные обязательства по отношению к ней?

Таблица 3

Проявления патриотизма у разных групп молодежи (по 7-балльной шкале)

Группы с разными проявлениями патриотизма	Составляющие патриотизма (индексы, баллы)				Средний балл	Доля группы
	Чувственно-эмоциональная	Деятельностная	Когнитивная	Гражд. позиция		
1 «Патриоты»	6,2	6	5,8	6,8	6,2	34,2
2	5,8	3,8	4,2	6,7	5,1	16,9
3	4,1	4,7	3,8	6,4	4,7	9,4
4	4,6	5,2	5	3,2	4,5	9,6
5	5,6	4,6	3,5	4	4,4	13,9
6	4,9	2,4	5	4,2	4,1	8,2
7 «Непатриоты»	2,9	2,2	2,8	2,6	2,6	7,7

Чтобы выделить группы патриотически и непатриотически настроенной молодежи по комплексу выделенных четырех составляющих патриотизма, был выполнен *кластерный анализ методом K-Means*. В него были включены четыре фактора, полученные с помощью факторного анализа. Выборка была разделена на семь групп по особенностям проявления респондентами патриотических чувств:

Значения F-статистики по всем четырем переменным (факторам) показывают, что их распределение по кластерам выполнено с высоким уровнем значимости ($\alpha < 0,001$).

Группы молодежи в таблице расставлены в порядке убывания уровня проявления патриотизма (по столбцу «средний балл»). Шрифтом выделены относительно высокие значения проявлений патриотизма. Средние баллы в крайних группах (у «патриотов» и «непатриотов») различаются существенно. В первой группе проявления всех составляющих имеют высокий уровень, а в седьмой – низкий; в остальных – как относительно повышенного уровня, так и относительно пониженного. Например, респонденты группы 3 позиционируют себя в значительной степени «патриотами» – 6,4 балла (напомним, что для составляющей «гражданская позиция» балл 4 обозначает нейтральную позицию), а остальные составляющие патриотизма выражены у них в среднем степени (чуть больше развита деятельностная – 4,7 балла). Группа «патриотов» самая многочисленная (34,2%) и, если исходить из приведенных выше определений патриотизма, наверное, только входящая в нее молодежь может претендовать на этот статус. Самая малочисленная группа «непатриотов» составляет всего 46 человек (7,7% от числа ответивших на открытый вопрос). Численность групп «патриотов» и «непатриотов» значительно уменьшилась по сравнению с аналогичными группами, определяемым просто по самоопределению респондентов. Рассмотрим, как позиционировали свой патриотизм представители выделенных в кластерном анализе групп

Таблица 4

**Позиционирование респондентами патриотизма (непатриотизма)
(по результатам кластерного анализа)**

Группы с разными проявлениями патриотизма	Позиционирование патриотизма		
	Патриот	«Непатриот»	Затрудняюсь ответить
1 «Патриоты»	94	3	3
2	94	2	4
3	89	7	4
4	21	70	9
5	54	37	8
6	41	43	16
7 «Непатриоты»	13	76	11

Заметно, что «патриотами» считает себя абсолютное большинство первых трех групп (более 89%), а «непатриотами» – респонденты, попавшие в 4-ю и 7-ю группы (более 70%). Если сопоставить эти данные с другими данными, то можно увидеть, что отмеченные особенности позиционирования патриотизма связаны прежде всего с уровнем проявления гражданской позиции по отношению к нему. В первых трех группах эта позиция имеет ярко выраженный характер, поддерживающий патриотизм, а в 4-й и 7-й группах сдвинута в сторону его отрицания. Для 5-й и 6-й групп в среднем характерна нейтральная гражданская позиция, и они занимают промежуточное место по числу наличия в них патриотов. Можно также отметить, что влияние гражданской позиции на уровень патриотизма является существенным, но не определяющим. Так, относительно большее число патриотов в 5-й группе в сравнении с 6-й (45 против 20) обусловлено тем, что в ней выше среднего уровня проявлена чувственно-эмоциональная составляющая патриотизма (5,6 балла), а в 6-й группе наблюдается снижение уровня деятельностной составляющей (2,4 балла). И особенно интересным является тот факт, что в группе 1-й («патриотов») 3% респондентов позиционируют себя «непатриотами», а в группе 7-й («непатриотов») 13% респондентов – «патриотами». По-видимому, в первом случае мы встречаемся с ситуацией протестного «непатриотизма», когда человек считает, что нельзя быть патриотом в нашей стране, так как находит в ней много негативных явлений, но в то же время искренне переживает за нее (о подобных ответах выше упоминалось) и в целом является сторонником патриотизма. Во втором случае, возможно, позиционирование респондентом себя патриотом обусловлено его конформизмом и следованием за пропагандой патриотизма в СМИ, но при этом он никаких особых чувств по отношению к стране не испытывает. По-видимому, подобных «патриотов» и «непатриотов» можно в достаточном количестве найти и в промежуточных группах. Данный факт еще раз указывает на то, как

сложно выявлять действительный патриотизм населения и как опасно ориентироваться только на самоопределение респондентами себя патриотами.

Разноликость выделенных в кластерном анализе групп, по нашему мнению, отражает реальное состояние современного патриотизма. Сложность этого феномена, многозначность его проявления ведут к тому, что даже у специалистов нет его однозначного понимания. Тем более нельзя этого ожидать от массового сознания. Респонденты позиционируют себя «патриотом» или «непатриотом» вне зависимости от того, какие проявления патриотизма для них характерны, они отталкиваются от имеющихся у них общих представлений о патриотизме, от социально одобряемых ориентиров, и поэтому картина получается очень размытой. С другой стороны, наверное, нельзя определять патриотизм, отталкиваясь только от его проявлений (без самоопределения респондентов), ибо патриотизм – это все же сознательный выбор человека, его гражданская позиция. Эта позиция в полной мере открывает и проявляет себя, когда стране грозит опасность. Тогда могут иметь место явления массового патриотизма, а в спокойное время патриотический настрой, по-видимому, представляет собой некий континуум от явного выражения патриотизма до его практического отсутствия, что и показывают результаты исследования.

При всей *полученной размытости картины* патриотизма, наверное, можно считать, что в крайние группы («патриотов» и «непатриотов») попала молодежь с достаточно четко выраженной позицией в отношении патриотизма, и поэтому сравнение их может показать какие-то отличительные черты современного патриота. Возьмем в качестве оснований для сравнения *интерес молодежи к политической жизни страны и ее отношение к правопорядку*. По данным исследования, *патриотически настроенная молодежь* проявляет значительно больший интерес к политической жизни страны: почти 40% обычно следят за политическими событиями, причем 15% делают это регулярно, и только 3% политикой не интересуются совсем. С другой стороны, из «непатриотов» всего 9% проявляют интерес к политике, 63% – скорее не интересуются, а 28% – «не интересуются совсем». Зависимость степени интереса к политике от патриотизма статистически подтверждена по критерию χ^2 с достоверностью более 99%. Патриоты в большей степени интересуются также деятельностью политических партий (регулярно или эпизодически 81% против 54% у «непатриотов»); совсем не интересуются только 19% против 45%. В большей степени ориентированы «патриоты» и на участие в выборах. Регулярно участвовать настроены 65% против 26% у «непатриотов», а не настроены участвовать 8% против 41%.

В целом, отношение молодежи к политике свидетельствует о более высокой политической культуре группы «патриотов», об их активно-деятельностном участии в жизни страны, что и должно быть характерно для них согласно определению патриотизма.

Рассмотрим различия «патриотов» и «непатриотов» в их отношении к совершению *правонарушений*. Различия средних оценок у групп «патриотов» и «непатриотов» статистически значимы (по «критерию Стьюдента» с достоверностью более 95%). В среднем эти различия составляют 0,5 балла, что для применяемой шкалы в 3 балла соответствует 25%. «Патриоты» в большей степени настроены на соблюдение законов и правил повеления. «Непатриоты» в среднем склонны иногда допускать правонарушения, кроме тех, которые связаны с пропагандой, приобретением, хранением и употреблением наркотиков, но даже к этим нарушениям относятся более терпимо по сравнению с патриотами. Таким образом, по изучаемому аспекту правовой культуры можно сделать вывод, что она в большей степени развита у патриотично настроенной молодежи.

Подводя итог исследованию, можно сделать, по крайней мере, два основных вывода.

1. Феномен современного патриотизма крайне сложен для изучения из-за его неоднозначности понимания и многовариантности проявления. При определении себя патриотом каждый респондент ориентируется на какое-то свое особое понимание этого феномена, в результате чего мы встречаемся с самыми разными его уровнями (от явного патриотизма до явного непатриотизма) и ликами (от протестного непатриотизма до конформистского патриотизма). Поэтому трудно и даже, наверное, невозможно сегодня найти грань, где кончается непатриот и начинается патриот. Во всяком случае, самоопределения тем или иным для этого явно недостаточно.

2. Сравнение «патриотов» и «непатриотов» показывает, что патриотически настроенная молодежь имеет более высокую политическую и правовую культуру, в большей степени нацелена на активно-деятельностное участие в жизни страны, имеет более выраженную демократическую гражданскую позицию. Иначе говоря, современный патриотизм несет в себе черты, которые ему традиционно приписывались. А выявляемые его трансформация и различные новообразования, помимо культурно-исторических причин, по-видимому, результат расширения границ патриотизма, охвата им групп населения, демонстрирующих новые формы его проявления.

Чивильдеев А.П. к.соц.н. (СКСИ, Майкоп)

Формирование патриотической культуры в военном вузе: социокультурная специфика

Актуальность темы исследования определяется необходимостью комплексного социологического анализа духовно-культурных оснований, положенных в основу современной системы патриотического воспитания военнослужащих. Происходящие в российском обществе изменения, не только свидетельствуют о возрастании роли и значения властных институтов и структур в достижении целей национального развития, но и выдвигают качественно новые задачи развития страны. Успешное их решение возможно при глубоком осмыслении гражданами России всего происходящего, при вовлечении их в полноценную деятельность в интересах общества и государства. Это предполагает формирование у граждан, и у военнослужащих, проходящих обучение в военных вузах, в особой степени, высших духовных и социально значимых ценностей патриотизма, долга, готовности к защите Отечества. Социология культуры способна предложить наиболее действенные подходы в исследовании критериев и показателей работы по патриотическому воспитанию военнослужащих. Сюда следует отнести, прежде всего, повышение социальной активности и уровня социализации, самореализации граждан, особенно молодежи. Подъем образования, политической и правовой культуры военных специалистов, связан с достижением социально-экономической и политической стабильности, укреплением национальной безопасности. Существенной стороной исследований по теме в социологии культуры становится необходимость минимизации негативных проявлений в молодежной среде, снижение преступности, повышение уровня общественной безопасности и правопорядка.

Определение результатов работы по патриотическому воспитанию в виде конкретной оценки предполагает, в первую очередь, всесторонний анализ этой деятельности с помощью методик социологии культуры, а также дифференциацию критериев и показателей по наиболее значимым уровням. В ряде отраслей гуманитаристики оформилось достаточно правильное представление, что патриотическое воспитание представляет собой сложную управляемую систему, включающую многообразие взаимосвязанных между собой элементов, внутренних устойчивых связей и отношений объективного и субъективного характера. В то же время в социологии культуры система содержательного, организационного и методического определения патриотического воспитания, ещё не получила должного научного оформления.

В связи с тем, что работа по патриотическому воспитанию характеризуется сложной социологической структурой, включающей в себя целую совокупность различных компонентов, исследование по данной теме должно раскрываться комплексно, как единое целое.

В основу научного анализа могут быть положены труды и методологические рекомендации классиков науки О. Конта, М. Вебера, П.А. Сорокина, Э. Дюркгейма, Н.И. Кареева, Г. Спенсера, А. Шютца, С.Л. Франка, П.Л. Лаврова.

Возможность ролевого поведения вносить изменения, в частности, в культурные ориентации человека, активно используется в ролевом определении – одном из базовых методов социокультурного тренинга (Л.А. Петровская, Ю.М. Жуков, Л.В. Растяников, Н. Рудестам, Ж.Т. Гощенко, У.М. Гвайер). Социологически ориентированные вопросы общественного детерминизма раскрыты в трудах Т. Адорно, Э. Гуссерля, К. Поппера, П. Гайденко, Н. Лумана, А. Турена, Э. Хаан, В. Эйхгорна. Механизм взаимодействия общества и личности раскрыва-

ется при исследовании воздействия на личность социальной среды, в том числе микросреды (Н.К. Михайловский, Т.И. Афасижев, Л.П. Буева, Ю.В. Сычев), коллектива (Г.М. Гак, П.Е. Кряжев, К. Поппер, А.К. Уледов), а также в анализе связи общественных отношений со структурой личности (Б.Г. Ананьев, А.В. Дроздов, А.И. Кравченко, Т. Парсонс, К.К. Платонов, Ю.А. Левада), посредством выделения в личности социально значимых свойств, черт, имеющих массовую типизацию (Д. Белл, Г.Л. Смирнов, А. Тоффлер, Э.Г. Юдин). При рассмотрении личности как элемента конкретных социальных структур, совокупности социальных функций (В.С. Агеев, А.Т. Здравомыслов, А.К. Коэн, А. Мейер, В.А. Ядов), исследования коммуникативности осуществляются с помощью анализа усвоения индивидом определенной системы социальных ролей (А.Я. Гуревич, Б.С. Ерасов, И.С. Кон, Р. Мертон, А.А. Радугин), развития социальной роли личности (Е.А. Ануфриев, М.В. Дружинин, М.С. Каган), выделения и изучения ценностных ориентаций личности (Ю.Н. Давыдов, С.А. Ляшова, Ф. Теннис, В.П. Тугаринов, Д.М. Угринович, З.И. Файнбург, А.Г. Эфендиев).

Исторические и научные предпосылки формирования социологической теории и культурного обоснования практики обучения и воспитания военнослужащих связаны с именами П.А. Румянцева, Г.А. Потемкина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова, Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского. Значимый вклад в становление и развитие системы отечественного военно-педагогического знания внесли А.Г. Базанов, А.В. Барабанщиков, В.И. Вдовюк, В.П. Давыдов, Н.И. Кирышов, В.Я. Слепов.

Проблемы патриотического воспитания рассмотрены в работах современных специалистов-исследователей – Т.С. Буториной, А.Н. Булкина, А.Н. Вырщикова, А.М. Герасимовой, А.В. Губченко, Ю.П. Квятковского, С.В. Климиной, Н.И. Кондаковой, Ю.Т. Корепанова, М.Б. Кусмарцева, В.К. Левашовой, А.Н. Овечкина, Н.И. Овчинниковой. Широкий спектр раскрываемых в трудах перечисленных авторов идей, тем не менее, не снижает актуальности современных и перспективных исследований по выделенной проблематике.

Патриотическое воспитание, как сложная управляемая система, предназначенная для выполнения функций по формированию гражданственности, патриотизма, готовности к достойному служению Отечеству у российских военнослужащих, требует создания оптимальных условий и координации усилий различных социальных и государственных институтов для повышения его действенности и эффективности. Большое значение в решении социологических проблем формирования национально-культурного самосознания слушателей и курсантов военных вузов, имеет культурологический анализ и понимание причин, сдерживающих потенциал патриотического воспитания и снижающих эффективность реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы».

Одним из направлений повышения эффективности работы по патриотическому воспитанию и, соответственно, её результатов, является рассмотрение и решение комплекса научно-исследовательских проблем, накопившихся в этой сфере. Важное значение имеет поиск и разработка новых подходов к созданию более совершенных основ деятельности по формированию патриотизма у российских граждан. Актуальная проблема для социологии культуры – определение реального состояния, уровня и оценки работы по патриотическому воспитанию в военных вузах. Без постоянного анализа и объективной оценки результатов работы по патриотическому воспитанию, процесс её осуществления фактически теряет свой смысл, так как самое главное в нем – именно достижение поставленных целей и конкретных задач.

В динамике самореализации слушателей и курсантов военных вузов, главным инструментом анализа и оценки состояния и результатов работы по патриотическому воспитанию, служит система критериев и показателей, разработанная для определения достижений, позитивных сторон, культурологических тенденций этой деятельности. Определение конкретных результатов должно стать нормой, важнейшим принципом патриотического воспитания, независимо от того, кто, где, когда и с кем его осуществляет. Поэтому умелое использование системы критериев и показателей работы по патриотическому воспитанию становится важнейшим условием повышения её эффективности.

Одна из наименее разработанных проблем патриотического воспитания – методика оценки его состояния, эффективности и конкретных результатов этой деятельности. Соответственно, все ещё не определены содержание и методика социологической работы по анализу и оценке современного значения уважения к закону, социальной ответственности военнослужащих. При таком подходе воспитательная деятельность, в том числе работа по патриотическому воспитанию в высшей школе рассматривается, как правило, лишь в рекомендательном плане. В этой связи предлагается активизировать разработку конкретных методик оценки некоторых направлений воспитания, применительно к результатам работы по патриотическому воспитанию военнослужащих.

Результаты всестороннего социологического анализа специальных методик патриотического воспитания с различными категориями граждан, должны быть апробированы в течение определенного времени в различных условиях работы в зависимости от конкретного ведомства, органа, организации, региона. Социокультурное значение деятельности командования военных вузов в этом направлении, определяется, в том числе и активностью разработки научно-методических основ патриотического воспитания в социологии культуры.

Объективная оценка результатов работы по патриотическому воспитанию достигается при комплексном использовании всех критериев. В перспективах социологии культуры следует выделять практическое и повсеместное использование мотивации патриотизма, как самостоятельного социокультурного явления. Его научный анализ должен чётко обосновываться, чтобы исключить или свести к минимуму недостоверность полученных данных. Формы этой работы должны стать организационным воплощением новых подходов и принципов современной социально-гуманитарной науки, способствовать развитию, обогащению каждой личности, её самореализации.

В качестве методологической основы для определения критериев оценки результатов работы по патриотическому воспитанию предложено считать деятельность, как процесс формирования патриотизма в сознании, ценностях, действиях, поступках и поведении личности, группы, категории граждан.

Социальные нормы малых групп могут соответствовать или, наоборот; противоречить нормам общества в целом. Это, в свою очередь, позволяет конкретизировать наполнение патриотической идеи, готовности к достойному служению Отечеству. Когда человек оказывается в какой-либо малой группе, то, общаясь с ее членами, он получает информацию о ценностях данной группы, ее обычаях, традициях, ритуалах и прочих; правилах поведения. Такие знания необходимы ему для понимания действий других членов группы и коррекции собственного поведения. При этом индивид подвергается воздействию различных групповых санкций в ответ на свое поведение. В социальном формате большой группы, изучение любого учебного предмета в военном учебном заведении не является самоцелью, а призвано обеспечить, в конечном счете, профессионализм выпускника как обобщенную характеристику его профессиональной компетентности, профессионального воспитания и развития, психологической подготовки. Тем самым результат обучения призван сформировать у слушателя, курсанта готовность и способность к вхождению в будущую профессию. Проблема идеала и подражания среди молодых людей не была бы столь острой, если бы стадия индивидуализации в развитии личности учитывалась полнее. А именно – уже на начальных стадиях, в основной деятельности детей в школе – учебной. Но именно этого-то ученик часто лишен, возможности индивидуализации учебного процесса очень скудны.

Таким образом, поиск индивидуализации даже общепринятых, стандартных форм деятельности обучаемых – задача военных педагогов. Для 48-53% респондентов актуальна необходимость советоваться с обучаемыми, спрашивать их мнение, даже если никаких серьезных идей от них пока не ждут. Использовать правила деловой этики – не отметить в грубой и категоричной форме неправильное предложение. Даже если по существу в учебных занятиях при этом ничего не меняется, у обучаемого формируется чувство своей индивидуальности, собственного достоинства, ответственности за свои действия. Если он упорно настаивает на том, чтобы быть, «как все», не надо упрекать его в этом, критиковать. Поэтому первая задача

педагогов – сделать подражание открытым, управляемым. На этом, в частности, акцентируют внимание до 85% педагогов-практиков.

Стадия индивидуализации требует особого внимания. Субъект должен иметь определенную свободу выбора, свободу проявлений своей индивидуальности. При этом не надо бояться, что свобода слишком оторвется от учебной необходимости. Личность на этой стадии возмущает обязательность принятия готовых, уже сформулированных решений, правил. Но если дать им возможность вносить свой вклад в выработку этих правил, частично модифицировать принятые стандарты, то самолюбие окажется вполне удовлетворенным.

Классификацию мотивов патриотизма в социологии культуры следует ориентировать на составление содержательной классификации различных целей поведения, к которым стремится индивид, а также перечня мотивов в целом. Мотивы формируются в процессе индивидуального развития как относительно устойчивые оценочные диспозиции, и классификация должна давать возможность выяснить, на основании каких возможностей и активизирующих воздействий среды возникают индивидуальные различия в мотивах, а также какое целенаправленное вмешательство способно изменить мотивы деятельности. Измерение мотивов – определение силы мотива, его направленности, степени значимости для индивида, на основе чего создается иерархия мотивов, которая достаточно полно описывает поведение индивида в организации. При проведении измерения мотивов в интересах социологии культуры, следует учитывать, что поведение человека в каждый момент времени определяется не любыми или всеми возможными мотивами, а тем из самых высоких мотивов в иерархии (например, самым сильным), который при данных условиях теснее всего связан с перспективой достижения соответствующей цели. Такой мотив активизируется, становится действенным (одновременно могут активизироваться и другие духовно ориентированные мотивы, соподчиненные с ним или находящиеся с ним в конфликте).

Актуализация мотива – выделение и дифференциация внутри ситуации специфических условий актуализации определенного мотива. Мотив перестает быть действенным, т.е. активно участвовать в процессе мотивации, когда либо достигнуто целевое состояние, соответствующее отношениям индивид – среда, либо индивид только приблизится к желаемому состоянию, но это кажется ему достаточным; либо условия ситуации сделают другой мотив более насущным, в результате чего этот другой мотив активизируется и станет доминирующим. Действие, как и активизация мотива, нередко прерывается до достижения желаемого состояния или может прерываться и затем возобновляться (отложенное действие).

Среди обследованных курсантов 20% составляли лица с высоким уровнем эффективности переработки информации, 33% – выше среднего, 30% – ниже среднего, почти 17% (каждый шестой) – с низким уровнем эффективности переработки информации. Образовательная деятельность складывается из отдельных функциональных способностей – восприятия, мышления, научения, воспроизведения знаний, речи или моторной активности, которые обладают собственным, накопленным в ходе предыдущего опыта запасом возможностей (умений, навыков, знаний). Однако теория мотивации образования целенаправленно этим не занимается, принимая их как данное, хотя именно от мотивации зависит, как и в какой степени будут использованы различные функциональные способности. Теория мотивации образования объясняет выбор между различными альтернативными действиями, между различными вариантами восприятия ситуации.

Решение проблемы влияния мотивации на наблюдаемое поведение – изучение последствий осуществления мотивов. Сложность данного подхода заключается в том, что мотивы напрямую не наблюдаются и поэтому не поддаются непосредственному познанию, в связи с чем приходится применять специально разработанные инструменты измерения мотивов.

Перспектива образования – это прогресс познания, интеграция знания. В структуре образования человек не только умножает свои знания, но и преодолевает противоречия между различными воззрениями по актуальным вопросам духовного и материального производства. Двойственный характер знания в высшем образовании проявляется, прежде всего, в том, что здесь производится не только систематизированное, но и специализированное знание. В от-

личие от обыденного опыта, образование постоянно раскрывает перед человеком сферу неизвестного, непознанного.

Проведенный анализ существующей системы высшего образования показывает, что к реформированию высших учебных заведений, готовящих управленческие, инженерные кадры для основных сфер нашего общества, необходимо подходить комплексно, добиваясь, при оптимизации их количества, повышения качества подготовки выпускников. В современных условиях возникла объективная необходимость определения оптимальной последовательности получения высшего образования военными специалистами, а также приведения системы их подготовки в соответствие с потребностями военной науки, общества и государственным образовательным стандартом. Снижение престижа воинской службы, уровня жизни офицеров, отсутствие механизма реализации социально-правовых гарантий военнослужащих прямо сказывается на отношении молодежи к службе в армии. Отражением этого является уменьшение количества юношей призывного возраста, желающих стать офицерами, снижение конкурса в некоторые военные училища и как следствие – ухудшение возможностей для отбора лучших кандидатов в курсанты.

Все более актуальным становится изучение деятельности и личности современного слушателя и курсанта, возрастает необходимость формирования в стенах вуза всесторонне развитой личности, всемерного развития ее творческих способностей. Согласно принципу единства материальной и духовной деятельности, усвоение знаний и творческого опыта возможно лишь в ходе практической деятельности социализированного человека. Поэтому решающая роль в развитии творческих и других способностей обучаемых в военных вузах принадлежит собственным действиям с учебным материалом, самостоятельной работе, направленной на овладение современными научными знаниями, практическими умениями и навыками, необходимыми в деятельности специалистов. Отсюда задача вуза – научить самостоятельно приобретать знания, развивать логическое мышление и творческие способности. Этого нельзя достичь путем применения лишь объяснительно-иллюстрационных методов обучения. В последнее время взгляды администраций и преподавателей вузов все чаще обращаются к активным методам обучения, в наибольшей мере способствующим формированию творчески активной личности. Среди таких методов важнейшее место принадлежит проблемному обучению, которое призвано обогащать учебный процесс новым содержанием и формами деятельности преподавателей и обучаемых. Усложнение видов деятельности и задач, решаемых специалистами, предъявляет повышенные требования к их подготовке.

Современный выпускник военного вуза – это высококвалифицированный специалист, который имеет фундаментальную общетеоретическую и специальную подготовку. Формирование таких качеств у обучаемых – главная цель высшего образования. Определение целей высшего образования путем анализа задач воспитания будущих специалистов и моделирования их личности, комплексный характер проблем улучшения качества гуманитарных и инженерных кадров требуют дальнейшего улучшения всех компонентов учебно-воспитательного процесса, прежде всего – содержания образования и организационных форм обучения.

Характер и форма включения в сферу образования оказывают значительное влияние на социальное положение человека в других сферах жизни, возможности его мобильности, культурного роста. Очевидно, что здесь в большой степени восприятие действительности зависит от того, как человек её интерпретирует. Теория социального действия учитывает сложную сеть взаимосвязанных систем патриотических и нравственных ориентаций, постоянно находящихся в процессе приспособления друг к другу, что неизменно приводит к их изменениям, разрывам, конфликтам. Таким образом, возможности применения каких-то определенных знаний на практике зависят от действий, которые осуществлялись в процессе усвоения этих знаний. По сути дела, образование – это есть частный случай проявления регуляционной функции социализации в жизнедеятельности человека. В самом деле, для осуществления предметного действия, как известно, необходим материализованный образ, отражающий как сам предмет и его окружение, так и осуществляемое по отношению к нему

действие. Когда действие производится в умственном плане, помимо указанных образов часто бывает необходимо знать об отношениях между теми предметами, с образами которых производится направленное манипулирование.

Любые знания применимы, в том смысле, что они обеспечивают регуляцию определенных действий: эмпирические или теоретические, находятся ли на уровне образов, предметных отношений или понятий, «опознавательные» или «оперативные». Другое дело, что у каждого из видов знаний имеется своя «область применения», связанная с возможностями этих знаний в регуляции действий (умственных и внешних, предметных). В этом смысле можно говорить о характере оперативности знаний. У каждого офицера, курсанта существует своя концептуальная модель процесса усвоения знаний, как модель функционирования педагогической системы в общей структуре социализации. Что включается в эту модель в качестве ее элементов, как понимается взаимодействие между этими элементами – определяется оценкой обучаемых той или иной ситуации и действие в ней. Зачастую знания, усваиваемые в вузе, организованы не так, чтобы включаться в модель практической деятельности, и тогда они существуют отдельно от нее, а сама модель социализации складывается стихийно, что делает ее несовершенной. По-видимому, от содержания именно этой модели, а также от содержания оперативных моделей некоторых наиболее значимых элементов педагогической системы (обучаемый, преподаватель, администратор) зависит позиция педагога в учебном процессе – диалогическая или монологическая. Иерархия профессиональных ценностей специалиста определяет его тип личностной ориентации. Сформированность этой системы позволяет исследователю формальной организации вуза быстро находить эффективные способы выхода из сложных ситуаций, точнее – преобразовывать эти ситуации в социально-практические и технические задачи, намечая для себя конкретные цели и способы их достижения.

В методику обучения и воспитания должен быть заложен не только принцип развертывания понятийного содержания обучения, но также процедуры организации, диагностики и корреляции ситуаций взаимопонимания. Раскрыта динамика постоянного разрушения и восстановления предметного взаимодействия, в построении которого обучаемые должны принимать участие с первых дней обучения. Целенаправленное формирование социально-ориентированного сотрудничества в обучении позволит построить такую теорию и практику учебной деятельности, в которой понятийное содержание и форма содержательного взаимодействия участников учебной работы будут поняты в единстве критериальных определений патриотического воспитания.

Предметом учебных отношений являются не только сами знания, умения, навыки, но и граница между знанием и незнанием, умением и неумением. Психологическим механизмом учебного взаимодействия является не имитация, а определяющая рефлексия, формула которой: «Я знаю, что я это знаю (умею). Я понимаю, что я этого не понимаю». В рамках учебных отношений и происходит освоение рефлексивных компонентов учебной деятельности, формируется умение учиться. Аналогично реализуется и принцип единства патриотического сознания и патриотической деятельности.

Среди основных критериев социологии культуры, характеризующих результаты работы по патриотическому воспитанию, можно выделить:

- критерий, в котором центральное место занимает патриотическое сознание и его атрибуты (знания, чувства, взгляды, убеждения, мотивацию, ориентации, идеалы);
- деятельностный, результативный критерий, выражающийся в непосредственном проявлении активности, конкретных действий личности, группы, категории граждан по формированию и развитию патриотизма.

С помощью данных критериев, результаты работы по патриотическому воспитанию граждан могут быть определены следующими способами:

- по конечному результату (определение эффективности в плане реализации взаимодействия между субъектом и объектом);

- по конкретным особенностям работы по патриотическому воспитанию с точки зрения оптимального использования в этой деятельности соответствующих средств, форм, методов для решения задач воздействия на личность или группу;
- изучением, фиксированием, анализом тех реально проявляемых изменений, которые произошли или происходят в личности (группе) как в объекте патриотического воспитания в результате его осуществления.

Зачастую причиной ошибок оказываются не какие-либо дефекты знаний, а именно неверное понимание требований, ожиданий преподавателя как партнера в общей учебной работе. Принимаясь за решение поставленной задачи, обучаемый всегда начинает при этом развертывать совершенно определенную форму сотрудничества, в которой он доопределяет, переопределяет для себя существующие требования. Но обучаемый может строить совсем не ту форму сотрудничества, которую планировал и ожидал от него преподаватель. Это лишний раз подтверждает, что именно в области социокультурного развития могут быть сделаны первые шаги по пути гуманизации высшей школы. Содержание образования в целом можно перестроить на подобной «антропоцентрической» основе. В качестве перспективных направлений поиска критериев оценки результатов работы по патриотическому воспитанию выделены: нравственно-этическое, правовое, трудовое, военно-профессиональное, экономическое, художественно-эстетическое, умственное, физическое, формирование готовности личности управлять собой.

Предлагаемая система профессионально-узнаваемых ситуаций позволяет развернуть содержание высшего образования в динамике, тем самым, создавая возможности для интеграции знаний по ряду учебных дисциплин, что придает целостность, системную организованность и личностный смысл усваиваемому материалу, обеспечивает возможность органичного формирования и развития как познавательных, так и профессиональных.

Социальный процесс – это обязательно последовательная смена стадий и состояний. Последовательность познания – закономерность социального процесса. Социальные процессы, как в широком, так и в узком смысле, – это всегда цель и продукт деятельности людей. Объективные законы в них проявляют себя как законы-тенденции, как результат противоречивого взаимодействия различных социальных сил. В этом заключена основная характеристика социальных процессов, в этом состоит трудность их организации и осуществления.

**Ю. Шерпер, проф. (*École des Hautes Études en Sciences Sociales, Париж;*
*Центр М. Блоха, Берлин)***

Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти

В последние два десятилетия в общественно-политическом дискурсе и исторических исследованиях западных стран доминируют концепты исторической политики. В 1970-е гг. в Германии прекратилось замалчивание преступлений Третьего Рейха, а признание геноцида евреев легло в основу политического самосознания ФРГ. Однако подобный ландшафт исторической памяти начинает давать трещины – укрепляется другой взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. Во Франции эксцессы новой официальной «политики памяти» вызвали недоумение и сопротивление в научном сообществе.

Разгромное поражение Германии во Второй мировой войне потребовало принципиального изменения ее политической ориентации. В частности, пришедшие к власти правительства в западной и восточной частях Германии должны были определиться в своем отношении к недавнему прошлому. Притом память о национал-социализме и Сопротивлении в двух немецких государствах была отнюдь не общей. В ФРГ неотъемлемым элементом политической культуры стало признание вины за Холокост. Напротив, в ГДР, объявившей себя антифашистским государством, национал-социализм рассматривался как явление чужой, внешней по отношению к ней истории, а сама Восточная Германия провозглашалась сокрушительницей национал-социалистической диктатуры. После воссоединения в 1990 г. обоих немецких го-

сударств стала актуальной еще и «проработка диктатуры ГДР» (*Diktaturaufarbeitung der DDR*), как это обозначено в официальном дискурсе ФРГ. Что касается Франции, то там историческая политика Де Голля и его последователей десятилетиями определялась памятью о *résistance* (Соппротивлении). Лишь со временем изменившиеся историко-политические обстоятельства позволили критически переосмыслить вопрос о коллаборационизме режима Виши и депортации евреев из Франции, а позже сделать достоянием «долга памяти» (*devoir de mémoire*) войну в Алжире и пытки, практиковавшиеся в ходе ее французскими военными.

В последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики (*Geschichtspolitik*), политики прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политики идентичности (*Identitätspolitik*) и политики памяти (*Erinnerungspolitik*). Это позволяет связать воедино такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти (*Erinnerungskultur*), культура истории (*Geschichtskultur*) и историческое сознание (*Geschichtsbewusstsein*), но прежде всего определить соотношение истории и памяти (а также индивидуальной, коллективной, национальной, социальной, коммуникативной и культурной функций памяти). Все эти понятия имеют отношение к идентичности либо же к поискам идентичности того или иного рода. Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» первоначально появились в Западной Германии в связи с несколько расплывчатым и потому труднопереводимым понятием «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*). В то время как «преодоление прошлого» лишь очень отдаленно связано с памятью о террористическом режиме и учиненном им Холокосте, термины «политика прошлого» и «историческая политика» ориентированы на более прагматичную и одновременно реалистическую оценку прошлого.

Сегодня немецкое *Vergangenheitsbewältigung* («преодоление прошлого») употребляется в других языках, прежде всего в английском и французском, без перевода, но только по отношению к ФРГ и Третьему рейху. Напротив, возникший позднее концепт «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*), восходящий к статье Т. Адорно 1959 г.¹, не ограничивается только Федеративной республикой, а распространяется и на другие государства. «Безжалостное осмысление (*schonungslose Reflexion*)» прошлого, утверждал Адорно, должно эффективно воздействовать изнутри, как самоанализ, а не служить внешним силам в качестве пропагандистского оружия. Следовательно, «проработка прошлого» означает критическую работу над памятью о прошлом. В немецком языке понятие «политика прошлого» относится к немецкому прошлому и его преодолению или, по меньшей мере, проработке. Понятно, что политика прошлого имеет дело с институциональным и персональным наследием прежней системы и нацелена на принятие в относительно короткие сроки некоторых законодательных и судебных решений, связанных с этим прошлым. Напротив, историческая политика в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности (*Geschichts- und Identitätsbilder*), которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды. В демократических обществах историческая политика ни в коем случае не ограничена собственно политической сферой, в нее, наряду с политиками и публицистами, вовлечены также акторы из разных других профессиональных групп с различными интересами и стратегиями, которые они привносят в процесс осмысления истории. В политическом оформлении исторических представлений решающая роль принадлежит историкам, действующим в сферах своей профессиональной компетенции: ученым и преподавателям, архивистам и кураторам экспозиций, музейным работникам и сотрудникам мемориалов. При этом сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого.

¹ Adorno Th. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Bd 10/II. Frankfurt a. Main, 1977. S. 555-572. Имеется русский перевод: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого?» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С.42.

Поэтому историческая политика – это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика – это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит. В данной статье я использую понятие «историческая политика» в широком смысле, как оно обычно употребляется в современной исторической и политической науке, а также в политической социологии, и в значительно меньшей степени прибегаю к понятиям «политика прошлого» и «политика памяти», имея в виду публичное обращение к истории и памяти¹. К этому же разряду, без сомнения, принадлежит использование истории в государственных и политических целях, однако ни в коем случае нельзя сводить историческую политику только к официальной трактовке истории.

ГЕРМАНИЯ

По отношению к национал-социалистскому прошлому государства – преемники германского рейха, ФРГ и ГДР, придерживались совершенно разных стратегий, которые определялись соответствующими оккупационными властями.

ФРГ (до воссоединения с Восточной Германией)

Переход от диктатуры к демократии был крайне трудным и длительным процессом. 1945-й г. не стал нулевой точкой отсчета, знаменующей начало совершенно новой немецкой истории. Не было какой-то готовой нормы, к которой можно было бы перейти. Как бы то ни было, сразу после окончания войны не произошло решительного разрыва с прошлым Третьего рейха. Огромное большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению, вытесняя из сознания реалии Третьего рейха, только-только ставшие прошлым. Озабоченное тем, чтобы достичь хоть какой-то степени «нормализации», немецкое население с апатией либо негативными эмоциями реагировало на Нюрнбергские процессы², которые, по замыслу держав-победительниц, должны были сыграть и воспитательную роль. Осознания преступного характера национал-социализма не произошло. Господствовало мнение, что все происходящее – это просто суд победителей над побежденными. Преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а признание массовых национал-социалистических организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа. Исключениями стали лишь немногие общественно значимые фигуры и политики, которые, как философ К. Ясперс, протестантский теолог К. Барт и первый президент ФРГ Т. Хейс, заговорили о коллективной вине и коллективном стыде, о «коллективной ответственности» немецкого народа за Холокост, имея в виду необходимость признания своей вины и обязанность ее искупить. Именно из осознания ответственности за преемственность и разрывы в культуре и обществе родился концепт «проработка прошлого».

Проработка прошлого в 1949-м и далее в 1950 гг. позволила историку Н. Фраю говорить о «политике прошлого»³. Эта политика, которая формировалась по мере все более активной

¹ Разнообразным определениям этих понятий и концептов посвящено несчетное число научных работ. Из самых важных работ, посвященных исторической политике и политике прошлого, а также культуре памяти, которые я использовала, следует назвать: Frei N. *Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München, 1996; Wolfrum E. *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung: 1948—1990*. Darmstadt, 1999; Reichel P. *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die nationalsozialistische Vergangenheit*. Frankfurt a. M., 1999.

² Нюрнбергские процессы – это, во-первых, международный военный трибунал над главными военными преступниками (20.11.1945 – 01.10. 1946) и, во-вторых, 12 последующих процессов над нацистскими военными преступниками, проводившихся в американской оккупационной зоне американским военным трибуналом и закончившихся 14 апреля 1949 г.

³ Frei N. *Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München, 1996. S. 13-14.

интеграции ФРГ в сообщество западных государств, в том числе и по мере расширения рамок исторической политики, означала в первую очередь:

- уголовно-правовую и судебную квалификацию совершенных нацистами преступлений с применением насилия;
- политико-правовое отношение к национал-социалистическому прошлому, то есть компенсацию ущерба различным категориям жертв национал-социализма и персональное юридическое преследование конкретных преступников из числа национал-социалистов;
- критический разбор национал-социалистического прошлого и его проработка в исторических трудах, литературе, искусстве и философии.

Все эти три измерения политики прошлого были в известной степени идентичны политическим и общественным детерминантам «преодоления прошлого». В первые два десятилетия существования ФРГ здесь шли широкие политические дебаты о преступлениях, совершенных национал-социалистами, о компенсации ущерба различным категориям жертв, о реституции, репарациях, антисемитизме и процессах над национал-социалистами. Навязанная западными союзниками денацификация в Западной Германии была малоуспешной. Уже в 1949 г. был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным бывшим национал-социалистическим чиновникам и кадровым военным путь в государственные структуры и в заново формируемую армию. И вряд ли экономическое возрождение и перевооружение ФРГ могли бы состояться без опыта и знаний представителей прежнего национал-социалистического режима. В эпоху Аденауэра политика прошлого обосновывала отказ от дальнейшего уголовного преследования нацистов ссылкой на желательность умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства или судебных органов за свое национал-социалистическое прошлое. Однако черта была подведена не только под прошлым 3,6 млн. денацифицированных и десятков тысяч амнистированных немцев. По большей части вышли на свободу и те, кто в 1945-1949 гг. был осужден в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников за военные либо нацистские преступления. Несмотря на вытеснение из сознания «проклятого» прошлого в первые два послевоенных десятилетия, дух преодоления прошлого был жив в литературе, театре, кинематографе и других видах искусства, оказывая воздействие на формирующееся историческое сознание. Достаточно упомянуть провокативный спектакль Р. Хоххута «Наместник» (1963) и два самых известных и успешных в западногерманской литературе романа, посвященных проработке национал-социалистического прошлого: «Жестяной барабан» (1959) Г. Грасса и «Урок немецкого» (1968) З. Ленца. В рамках преодоления прошлого, основной задачей которого применительно к современной истории стало критическое изучение нацистского прошлого и преступлений национал-социализма, в Мюнхене в 1952-м был создан Институт современной истории. В 1960 гг. при исторических факультетах стали создаваться кафедры современной истории. Тем не менее, процесс включения в школьные программы взрывоопасных вопросов о причинах Холокоста и заражения всего общества национал-социалистической идеологией оказался длительным и трудным. Даже в 1960-е границы Германии в географических атласах указывались по состоянию на 1937 г., и немецкие восточные области обозначались как «находящиеся под управлением Польши».

Только в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. в ведущих средствах массовой информации постепенно начиналось обсуждение до тех пор вытеснявшегося из сознания прошлого, что, в конечном счете, привело к образованию той специфической политической культуры ФРГ, важнейшим элементом которой является моральное неприятие нацистского прошлого. Процессы над Эйхманом в Иерусалиме (1961-1962), над палачами Освенцима во Франкфурте (1963-1964) и другие крупные процессы против бывших национал-социалистов, а также споры о сроках давности в бундестаге привели к заметному росту интереса в обществе к национал-социалистическому прошлому. Прежде всего, смена поколений явно способствовала тому, что в повестке дня политики прошлого появилось требование критической проработки прошлого. В 1960-х возникло представление о «непреодоленном прошлом», которое вызвало

многочисленные протесты людей, поддерживавших национал-социализм или даже активно участвовавших в его деятельности. Но смена ориентиров произошла, и во многом этому способствовало «поколение 1968 г.»

Переоценка политико-культурных ценностей в 1970-х и 1980-х гг., в контексте которой формировалась доминирующая сегодня в ФРГ культура памяти, центрированная вокруг жертв нацизма, предполагала открытое критическое обсуждение и признание вины. Важным этапом на этом пути стала восточная политика В. Брандта, которая ориентировала политику прошлого, основанную на признании ответственности немцев за нацизм, в направлении исторической политики, имевшей целью повлиять на будущее.

7 декабря 1970 г. первый социал-демократический канцлер ФРГ подписал в Варшаве договор, который определил границу между Германией и Польшей по Одеру-Нейссе как окончательную. При этом Брандт объяснил, что федеральное правительство просто приняло этот факт как «результат истории» (*die Ergebnisse der Geschichte*). В тот же день канцлер от имени немецкого народа преклонил колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот эпизод с преклонением колен, символизировавший радикальный разрыв с прежним курсом западногерманской внешней политики, и с просьбой от имени немецкого народа о прощении за совершенные преступления, поляризовал немецкое общество. Однако со временем изображение коленопреклоненного Брандта стало в сознании не только многих немцев, но также поляков и представителей других наций символом политики сближения и примирения, основанной на моральных принципах. В рамках недели братства в 1971-м Брандт подчеркнул, что память об Освенциме будет оставаться травмой и для будущих поколений.

Длительное замалчивание преступлений Третьего рейха было нарушено в 1970 гг., когда стали проводиться выставки и создаваться новые исторические музеи, которые способствовали пересмотру оценок нацистской диктатуры и политическому просвещению в целом. В 1973-м федеральный президент Г. Хайнеман инициировал конкурс «Немецкая история» для учащихся. Интерес к собственной истории должен был содействовать выработке у детей и молодежи сознания ответственности. Без знания истории нельзя было преодолеть прошлое.

Историко-политическое обучение, историческая и политическая дидактика постепенно становились элементами образования, что создавало условия для проработки прошлого. Историческая дидактика (*Geschichtsdidaktik*) как наука об изучении истории стала самостоятельной научной дисциплиной, занимающейся важнейшей категорией, какой является «историческое сознание». В 1970-1980 гг. эта категория превратилась в ключевую в рамках исторической дидактики. На формирование исторического и политического сознания влияла также музейная и мемориальная политика. Начиная с 1980-х школы открыли свои двери для свидетелей событий нацистских времен, которые рассказывали о борьбе за выживание и преследованиях в национал-социалистическом государстве. В рамках политики прошлого устная история (*oral history*), то есть воспоминания современников событий, стали признанным методом изучения новейшей истории.

Хотя в отечественных документальных и художественных фильмах времена национал-социализма освещались довольно обстоятельно, лишь зарубежный, американский телесериал «Холокост» смог потрясти сознание массового зрителя и пробудил у него готовность к критическому анализу национал-социалистического прошлого. Этот четырехсерийный телефильм в январе 1979 г. каждый вечер собирал у экранов от 10 до 20 млн. зрителей — больше, чем любая другая передача немецкого телевидения, посвященная современной истории. Этот популярный американский сериал повлиял также семантически: с тех пор слово «Холокост» стало в Германии употребляться для обозначения нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», то есть полного уничтожения евреев. Общество немецкого языка объявило «Холокост» «словом 1979 г.»

Тем не менее вытеснение из сознания и отрицание криминального характера национал-социализма, по мнению философа и публициста Р. Джордано, в 1980-е приняло в немецком обществе форму «повторной вины» (*«zweite Schuld»*) и «самообмана» (*Lebenslüge*). Психо-

аналитики А. и М. Мичерлих еще в 1967 г. в своей вызвавшей горячую дискуссию книге «Die Unfähigkeit zu trauern» («Неспособность к скорби»), опираясь на примеры враждебного отношения отдельных людей и масс в целом к признанию вины за соучастие в политических преступлениях, указали на недостаточную активность властей в преодолении нацистских преступлений в эпоху Аденауэра.

В 1970 г. усилилась тенденция к отрицанию или преуменьшению масштабов уничтожения евреев и к непризнанию существования газовых камер. Подобные умонастроения были характерны преимущественно для крайне правых кругов, и это получило название ревизионизма, или негационизма (Negationismus). В 1985-м в ответ на попытки ревизионистов фальсифицировать историю был принят закон «О лжи об Освенциме» (Auschwitz-Lüge) (с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 гг.), согласно которому отрицание Холокоста преследуется по закону. Раньше Холокост в уголовно-правовом отношении ставился в один ряд с насильственными действиями других диктатур, что серьезно затрудняло его осуждение. Авторитетным представителям общественности, которые ставили под сомнение введение уголовно-правового понятия «отрицание Холокоста» как средства «преодоления прошлого» и настаивали вместо этого на политическом просвещении, не смогли – в отличие от других стран – добиться своего из-за специфики немецкого прошлого.

Заметной вехой в исторической политике ФРГ стала памятная речь федерального президента Р. фон Вайцзеккера, с которой он выступил в бундестаге 8 мая 1985-го в честь 40-й годовщины окончания войны и ликвидации национал-социалистской тирании. Впервые человек, занимающий высший государственный пост в ФРГ, назвал 8 мая «днем освобождения» (а не днем капитуляции или краха). «Он освободил нас всех от системы национал-социалистской тирании, презирающей человека. Никто, даже ради этого освобождения, не забудет о том, какие страдания свалились на многих людей 8 мая и продолжились после него. Но мы не можем считать причиной бегства, изгнания, зависимости окончание войны. Напротив, причина кроется в ее начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945-го от 30 января 1933 г.». В этой речи фон Вайцзеккер впервые назвал все категории массовых жертв национал-социализма: евреи, западноевропейские и восточноевропейские цыгане (синти и рома), коммунисты, гомосексуалисты.

Следующим важным этапом на пути поиска немецкой национальной идентичности стал так называемый спор историков, который разгорелся в 1986-1987 гг. в связи с обсуждением немецкого прошлого и сомнениями в отношении совершенных немцами преступлений¹. В этом споре, в котором, по словам Хабермаса, речь шла об «апологетических тенденциях в описании современной немецкой истории», т.е. об отношении к совершенным немцами преступлениям, впервые было использовано новое понятие «историческая политика». Если говорить в общих чертах, то Нольте представлял войну Германии против СССР в 1941-1945 гг. прежде всего как превентивную защитную меру национал-социалистов против угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией, а создание национал-социалистских концентрационных лагерей и лагерей смерти – просто как реакцию на сталинский Гулаг. При этом военные преступления немцев и практику геноцида во времена национал-социализма он объяснял не внутригерманскими, а внешними по отношению к Германии причинами². Главный аргумент Хабермаса в полемике с Нольте состоял в том, что нацистские преступления, представляемые как «реакция на большевистскую угрозу уничтожения», и Освенцим, сводимый к формату технической инновации, теряют свою историческую «уникальность». Возражая против историзации Э. Нольте преступлений нацизма, Хабермас настаивал на том, что искать национальную идентичность Германии следует в «конституционном патриотизме» (Verfassungspatriotismus) – единственно возможной форме патриотизма, «не отчуждаю-

¹ Его инициаторами выступили философ Ю. Хабермас и историк Э. Нольте. Хабермас поддержали историки Х. Моммзен, Э. Йеккель и публицист Р. Аугштайн (издатель и шеф-редактор журнала «Шпигель»), а на стороне Нольте выступили историки А. Хиллгрубер, И. Фест, Ю. Хильдебранд и советник Г. Коля М. Штюрмер.

² См.: Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen // FAZ. 06.06.1986; Idem. Der europäische Bürgerkrieg von 1917—1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M., 1987.

щей нас от Запада»¹. С тех пор понятие конституционного патриотизма стало основным в исторической политике в ФРГ, а признание геноцида европейских евреев как исторически беспрецедентного феномена легло в основу политического самосознания ФРГ. «Спор историков» также ставит вопрос, можно ли сравнивать национал-социалистическую диктатуру с другими диктатурами и что именно позволило национал-социализму найти опору в широких массах.

ГДР

История разделенной Германии стала также историей разделенного прошлого и разделенной памяти о национал-социализме и сопротивлении национал-социалистическому режиму. Каждое из двух немецких государств воспринимало себя как политическую альтернативу национал-социалистической диктатуре: ФРГ – как парламентскую демократию западного образца, а ГДР – как «антифашистское» государство. Еще до образования ФРГ и ГДР (1949) денацификация в западной и в восточной части Германии проходила по-разному – согласно идеологическим установкам соответствующих оккупационных властей. В ГДР была проведена радикальная замена национал-социалистической функциональной элиты; в ФРГ ничего сравнимого по масштабам не произошло. В «антифашистской» ГДР период национал-социализма рассматривался как чужая история и подразумевалось, что Германская Демократическая Республика и есть победительница диктатуры национал-социализма. Исходя из основополагающего мифа об антифашизме, ГДР также претендовала на наследие антигитлеровского Сопротивления. При этом внимание в Восточной Германии продолжительное время было сосредоточено на героизированном коммунистическом Сопротивлении, которое на Западе сначала игнорировали в пользу столь же идеализированного военного и гражданского Сопротивления. Евреи, как отдельная категория жертв, в ГДР никак не упоминались, и никаких дискуссий о Холокосте здесь не было. ФРГ как государство – преемник Третьего рейха взяла на себя всю ответственность за совершенную несправедливость и возмещала ущерб Израилю (не в последнюю очередь для того, чтобы интегрироваться в сообщество западных государств). Восточная Германия в этом процессе возмещения ущерба не участвовала. Согласно официальной позиции ГДР, как антифашистское государство, не имела с Третьим рейхом ничего общего и поэтому не могла привлекаться к ответственности за преступления национал-социализма. Только весной 1990-го первая свободно избранная Народная палата и последнее правительство ГДР признали ответственность всей Германии за Холокост. Поскольку у Восточной Германии не было необходимых финансовых средств, чтобы выплачивать компенсации Израилю, она открыла свои границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

С 1950 г. антифашистское самосознание ГДР подкреплялось празднованиями 8 мая как «Дня освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма». До 1966-го День 8 мая, как и в СССР, был узаконенным праздником. В 1985 г., в сороковую годовщину окончания войны 8 мая снова отмечалось как праздничный день. Только в 1980-е миф об антифашистском Сопротивлении стал разрушаться.

Происходившие в ФРГ часто весьма напряженные обсуждения понятий «политика прошлого», «историческая политика» и «культура памяти» прошли мимо ГДР, не оставив там никакого следа. Напротив, понятие «историческое сознание» было включено в лексикон «второго немецкого государства». Историческое сознание (с помощью системы преподавания и пропаганды истории) стало синонимом социалистического сознания и должно было содействовать победе в «классовом противостоянии между социализмом и империализмом». Несмотря на то, что история в ГДР была прерогативой политики и ее главной задачей было обоснование легитимности государства СЕПГ, порой приходилось серьезно менять исторические трактовки, прибегая к интеллектуальной эквилибристике. В ГДР велись исследования и по современной истории, однако, в отличие от ФРГ, лишь по послевоенной.

Новая ФРГ, или объединенная Германия

¹ Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung // Die Zeit. 1986.11.07.

Знаменательные события 1989 г. и воссоединение в 1990-м немецких государств не изменили подхода новой ФРГ к национал-социалистическому прошлому. Напротив, общественный интерес к Третьему рейху и Холокосту даже возрос. Но теперь, после объединения двух частей Германии, прошлое ГДР тоже стало объектом политики прошлого и исторической политики. Запоздывание старой ФРГ в проработке «первой немецкой диктатуры» в 1950-е гг. не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР. Гэдээровское прошлое как бы накладывалось на прошлое национал-социализма и позволяло сблизить одно с другим. Для проработки прошлого ГДР использовались почти те же критерии, что и после краха нацистского режима в 1945-м: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также компенсации жертвам. Однако, прежде всего, речь шла о юридической и уголовно-правовой проработке прошлого ГДР как неправового государства. Снова вошло в оборот выражение «правосудие победителей», но на этот раз победителями были братья по крови, представители того же народа. Для пожилых людей это была уже вторая «нулевая точка»: для них второй раз пробил час «Ч», и в 1990 г., как и в 1945-м, они были дезориентированы. Потому что и теперь потерпевшее крах общество ГДР не могло сразу освободиться от тяжкого наследия диктатуры СЕПГ.

Проработка истории ГДР на основе массы архивных материалов, доступ к которым был открыт сразу после ликвидации восточногерманского государства, происходила с беспрецедентной скоростью. Длина полков только с документами Министерства государственной безопасности составила 170 погонных км. Их непрекращающаяся оценка проводилась с учетом опыта, накопленного после 1945 г. Так, сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься «проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» (чего не было в свое время сделано при сведении счетов с национал-социализмом), которая уже собрала девять томов экспертных материалов и опросов свидетелей.

И действительно, ни одна область современной европейской истории после 1945-го не исследовалась столь интенсивно, как исчезнувшее в 1990 г. восточногерманское государство и общество¹. К тому же изучать ГДР помогали многочисленные специальные институты. Кроме уже упомянутой парламентской комиссии, созданной в 1992-м, заслуживают упоминания Центр исследования современной истории в Потсдаме, Институт Х. Арендт в Дрездене, Отдел образования и исследований при Федеральном уполномоченном по изучению документов службы государственной безопасности бывшей ГДР (по имени его первого руководителя именованный «ведомством Гаука» - ныне «ведомство Биртлера»). Открытие новых исторических музеев, реконструкция мемориалов в память о жертвах национал-социализма и создание мемориалов жертвам политических преследований в ГДР позволили в самое короткое время сформировать новую культуру памяти и воспоминаний о советской оккупационной зоне в Германии и о ГДР. Взять хотя бы известную практику использования НКВД/МВД бывших национал-социалистических лагерей (в частности, Бухенвальда), где в 1945-1949 гг. коммунистические капо (надзиратели из числа заключенных) сотрудничали с бывшим фашистским руководством лагерей.

Так как в 1990-х в центре проработки прошлого находилась преимущественно восточногерманская служба государственной безопасности², все новые и новые открытия укрепляли впечатление о ГДР как о «государстве штази». Это часто больно било по чувству собственного достоинства бывших граждан Восточной Германии, которые видели в ГДР отнюдь не только неправовое государство и диктатуру. ФРГ в рамках исторической политики пока так и не удалось интегрировать все пережитое бывшими жителями ГДР в новое общефедеральное национальное самосознание. Так, 8 мая 2009 г. уроженка Восточной Германии канцлер А. Меркель назвала ГДР «неправовым государством» и «государством доносчиков». Берлин,

¹ Обзор исследований ГДР см.: Mählert U., Wilke M. Die DDR-Forschung – ein Auslaufmodell? Die Auseinandersetzung mit der SED-Diktatur seit 1989 // Deutschland Archiv. 37 (2004). S. 465-474.

² Здесь из множества литературных источников следует назвать прежде всего: Gieseke J. Mielke-Konzern: Die Geschichte der Stasi: 1945—1990. München, 2001; Staatssicherheit und Gesellschaft: Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR / J. Gieseke (Hg). Göttingen, 2007.

как новая столица воссоединенной Германии, теперь осмысливает культуру памяти, которой могла бы руководствоваться немецкая историческая политика. Создание Немецкого исторического музея призвано как бы оплатить двойной послевоенный счет Германии. В центре города в 2005-м возведен центральный немецкий мемориал в память евреев, убитых в Европе. Это головной музей Холокоста в Германии, место памяти и воспоминаний о шести миллионах жертв-евреев. Однако публичные дебаты вокруг Берлинского мемориала Холокоста проходили отнюдь не умиротворенно: как-никак народ впервые ставил в центре своей столицы памятник собственному позору. Еврейский музей в центре Берлина – самый большой музей такого типа в Европе – был открыт еще раньше (2001). В память о других категориях жертв, например, о цыганах синти и рома, которые протестовали против деления жертв геноцида на первый и второй сорт, должен быть создан отдельный мемориал.

Сооружение памятника Холокоста является своего рода апогеем исторической политики и политики памяти в Германии, но, с другой стороны, в воссоединенной Германии укрепляется взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. В этой связи характерны историко-политические демарши объединений «изгнанных», которые намереваются создать в Берлине «Центр против изгнаний». Другие группы выступают против декретов Бенеша¹. Переселение восточноевропейских этнических немцев трактуется как «преступление против человечности», при этом полностью игнорируется исторический контекст, то есть вопрос о причинах переселения. В соседних Польше и Чехии план создания Центра изгнанных имел сильный политический резонанс: здесь возникли опасения, что музей такого рода завуалирует вопрос о том, кто несет ответственность за Вторую мировую войну и тем самым за последовавшие изгнания.

Ландшафт немецкой памяти порой дает трещины в самых неожиданных местах. Так, до сих пор политически безупречный писатель М. Вальзер в своей благодарственной речи 11 октября 1998 г. в связи с награждением его Премией мира Немецкой книготорговли раскритиковал «долг памяти». Освенцим, по его словам, превратился в универсальную «моральную дубину», а «наш позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому». Вальзер выступил против «ритуализации» общественной памяти и за перенос конфликта с национал-социализмом на уровень индивидуальной совести. Другого рода провокативность в отношении немецкой исторической политики продемонстрировал американский политолог Д. Голдхаген. В своей опубликованной в 1996-м в США диссертации «Исполнители воли Гитлера», которая появилась в немецком переводе в 1998 г., он утверждает, что немцы – самое позднее с XIX столетия – стали руководствоваться когнитивной моделью «антисемитизма, исключаящего евреев из числа представителей рода человеческого» (*eliminatorschen Antisemitismus*), в результате чего евреи представляли людьми, достойными ненависти. Вопрос «Так все-таки все немцы виновны?» спровоцировал новый спор среди историков, который, как никакая другая дискуссия до этого, одновременно пробудил в обществе интерес к исторической науке и удовлетворил потребность СМИ в скандалах.

Можно привести много других примеров, подтверждающих, что Германия не освободилась от своего прошлого и что политика прошлого и историческая политика по-прежнему тесно связаны между собой. Это подтверждается настоящим бумом в музеях, на выставках и на мемориальных мероприятиях, посвященных жертвам национал-социализма, и вообще широким присутствием исторической тематики в аудиовизуальных СМИ, в связи с чем часто говорят о «рыночной стоимости воспоминаний» (*Marktwert der Erinnerung*) и «театрализации памяти» (*Gedächtnistheater*), спорами вокруг закона о компенсациях лицам, угнанным на принудительные работы в Третий рейх, выставкой (1995), посвященной преступлениям вермахта во Второй мировой войне, процессом запрета НДП, спорами о перемещенных ценностях и все новыми процессами над военными преступниками. По-видимому, национал-социализм и в будущем останется важным фактором немецкой исторической политики, потому что прошлое – это не только некая память, которую можно отработать или преодолеть.

¹ В настоящее время имеется в виду прежде всего ряд декретов о лишении гражданства и имущества немецкого и венгерского населения Чехословакии, что привело, в частности, к изгнанию немцев из этой страны.

Новые поколения ставят новые вопросы, воспринимая прошлое без надрыва, но также и с меньшей однозначностью. Можно ли представить себе диктатора, подобного Гитлеру, человеком, как в фильме «Крушение» режиссера О. Хиршбигеля, или делать его посмешищем, как в фильме «Мой фюрер» режиссера Д. Леви? То, что было табу для старшего поколения, с изменением исторической политики предстает совсем в ином свете.

ФРАНЦИЯ

Вырастающие из семантического контекста и философии немецкого языка понятия преодоления и проработки прошлого во Франции совершенно неизвестны. Концепт исторической политики сюда тоже до сих пор не проник. Напротив, отношение к прошлому здесь тесно связано с проблематикой памяти и «работой памяти» (*travail de mémoire*). Определяющим событием здесь стало появление в 1978-м статьи историка П. Нора о «коллективной памяти». Так же, как и в случае общего определения памяти, для Нора важно то, что историки могут извлечь из нее пользу, отмечая и описывая все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до сих пор не подверглись критическому анализу в историографии. Большой успех публикации под редакцией Нора «Места памяти» («*Lieux de Mémoire*») (1984-1992)¹, в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. В общественном дискурсе сначала использовалось только понятие «политика памяти» (*politique de la mémoire* = *Erinnerungspolitik*), а также – намного реже – «управление прошлым» (*gestion du passé* = *Verwaltung der Vergangenheit*). В 1990-х появилось понятие «долг памяти» (*devoir de mémoire* = *Erinnerungspflicht*), которое сначала использовалось применительно к депортации и геноциду французских (и других европейских) евреев и на котором настаивали союзы бывших жертв депортации. Между тем моральный и нормативный долг памяти имеет отношение также и к другим категориям жертв.

Проблематике памяти посвящено необозримое море литературы, размеры которой можно сравнить только с объемом теоретико-методических и концептуальных статей о политике прошлого, исторической политике и культуре памяти в Германии. Однако даже с учетом того, что «политику, имеющую дело с памятью» (*Politik mit der Erinnerung*) часто весьма трудно отличить от «политики, имеющей дело с историей» (*Politik mit der Geschichte*) и от «политики, имеющей дело с прошлым» (*Politik der Vergangenheit*), французская «политика памяти» имеет совсем иные корни, нежели немецкие политика прошлого и историческая политика, не говоря уже о том, что они весьма различны по своим целям. Ниже я опишу некоторые важнейшие этапы формирования французской политики памяти и долга памяти. Кстати, отмечу, что современная французская история и историография морально-нормативной формуле «долг памяти» предпочитает выражение «политическое использование прошлого» (*usage politique du passé*, иногда *usages politiques du passé*)².

Капитуляция 1940 г. и последующая немецкая оккупация страны, продолжавшаяся вплоть до лета 1944-го, разрушили единство французской нации. После окончания оккупации надо было создавать новую основу национального единства, и различные политические силы принялись разрабатывать, по существу, модели преодоления возникшей ситуации. Необходимо было ликвидировать появившиеся в обществе разломы, опираясь на идею некоей скрепляющей нацию идентичности. Ключевую роль в этом сыграло Сопrotивление, идеологическое использование которого было в особенности выгодно голлистам и коммунистам, располагавшим в послевоенной Франции большим влиянием. Хотя в идеологическом плане эти движения имели мало общего, для тех и других история и память значили очень много. В обеих партиях Сопrotивление трактовалось как вооруженная национально-освободительная борьба. Каждая из них считала, что она не только представляет определенные политические интересы, но и образует некую общность, которая строится и легитимируется на основе объ-

¹ Nora P. *Mémoire collective* // *La nouvelle histoire* / J. Le Goff, J. Revel (Hg). P., 1978. S. 398-401; *Les lieux de mémoire* / P. Nora (Hg). 7 Bd. P., 1984-1992.

² Hartog R., Revel J. *Les usages politiques du passé*. P., 2001; Andrieu C., Lavabre M.-C., Tartakowsky D. *Politiques du passé: Usages politiques du passé dans la France contemporaine*. Aix-en-Provence, 2006.

единяющей ее членов интерпретации истории. Де Голль и его сторонники обращались к тому большинству французского населения, которое не участвовало в Сопротивлении, но и не сотрудничало с немцами. В голлистской модели внешнее, за пределами Франции, но также и внутреннее, т.е. внутри страны, сопротивление было, в первую очередь, продолжением войны, пусть и нетрадиционными средствами. При этом господствующая интерпретация Сопротивления голлистами ставила в центр не образ борца, а нацию в целом, так что картина Сопротивления обходилась без фигуры борца Сопротивления, что обеспечило ее позитивное восприятие широкими массами населения независимо от политической ориентации. Эта голлистская интерпретация Сопротивления, не в последнюю очередь под влиянием государственной режиссуры, в 1950-х и 1960-х гг. стала господствующей. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопротивления, кроме всего прочего, несло в себе определенный реабилитирующий момент: ответственность за режим Виши ложилась лишь на сравнительно немногих людей, а большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности режиму Виши или даже его поддержке.

От Де Голля до Миттерана история выполняла терапевтическую и педагогическую функции. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации. Де Голль с особой настойчивостью возвеличивал нацию как раз в то время, когда Франция всего за несколько лет потеряла свою огромную колониальную империю. Наследовавший Де Голлю Ж. Помпиду перед лицом страхов, которые овладевали людьми перед лицом войны в Индокитае и Алжире, напротив, призывал «забыть об этих ранах, разделяющих французов, из уважения к Франции». Миттеран же воспринимался как «верный и доблестный наследник» Французской революции, двухсотлетие которой он пышно отпраздновал, обойдя спорные вопросы о революционной диктатуре и насилии, в отношении которых французы до сих пор расходятся во мнениях. Революция, по Миттерану, олицетворяла только права человека.

Свою непосредственную близость к истории французские президенты охотно подтверждают эффектными выходами на публику. Так, в день своего вступления в должность президента Франции (21 мая 1981) Ф. Миттеран посетил Пантеон, чтобы продемонстрировать тесную связь с «великими людьми нации». Связь с историей должна была продемонстрировать и состоявшаяся в 1984-м на полях сражений Вердена встреча французского президента с канцлером ФРГ Г. Колем, которые протянули друг другу руку над могилами 800 тыс. павших здесь французских и немецких солдат в знак примирения бывших «заклятых врагов» (это очень напоминает ситуацию с преклонением колен В. Брандтом перед мемориалом еврейского гетто в Варшаве «ради наступления мира»). Эта сцена в Вердене вошла в новый немецко-французский учебник истории, появившийся в рамках совместной историко-политической инициативы обеих стран.

Единственный президент Пятой республики, для которого прошлое было грузом, от которого следовало освободиться, – это В. Жискара д’Эстен. Он, в частности, отменил в 1975 г. торжественное празднование 8 мая (в свою очередь, Миттеран отменил это решение Жискара д’Эстена сразу после своего избрания в 1981-м). В своем новогоднем телеобращении в 1977 г. Жискара д’Эстен призвал французов не поддаваться «ревматическим болям истории». Если Де Голль и Миттеран полагали, что республика не несет никакой ответственности за преступления, совершенные режимом Виши, то Ж. Ширак по сравнению со своими предшественниками выглядел просто иконоборцем: в ходе дискуссии в мемориале жертвам «Вель д’ив»¹ 16 июля 1995-го он признал ответственность французского государства за депортацию евреев и призвал французов к покаянию.

Несмотря на то, что во французском лексиконе нет термина «историческая политика», президенты Пятой республики (с 1958 г.) пользуются историей как стратегическим инструментом своей политики в несравненно больших масштабах, чем президенты и канцлеры ФРГ. Заложенная во французской президентской конституционной системе полнота власти первого лица, которая легитимируется процедурой прямых выборов президента народом,

¹ Vel d’Hiv («Зимний велодром») – творение В. Шпитцера, чудом уцелевшее во время антисемитской облавы.

обеспечивает ему, в частности, привилегию охранять историю от имени нации и выступать в роли верховного арбитра в отношении различных интерпретаций истории. Президент также имеет право, например, принимать окончательное решение о том, кто из великих французов должен быть помещен в национальный зал славы Пантеон (пантеонизация) и кто – из стратегических соображений – должен быть «депантеонизирован». Однако, в обход этой важной функции централистского государства, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия принимаются в тесной увязке с интересами различных групп гражданского общества, равно как и ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы. Так, французский миф о Соппротивлении, по оценкам представителей гражданского общества, с 1970-х претерпевает постоянную деконструкцию. Выжившие свидетели-евреи все чаще рассказывали о своем пребывании в лагерях. Фильм М. Офюльса «Печаль и жалость» (1969) разрушил представление об однородной Франции, объединяемой Соппротивлением, показав поведение среднего француза, который если и не сотрудничал с немцами, то умел с ними договориться. Хотя президент Помпиду запретил показ «Печали и жалости» по государственному телевидению, этот фильм положил начало той фазе памяти, которую историк А. Руссо назвал «разбитым зеркалом». Еще в 1971 г. Помпиду, самолично не участвовавший в Соппротивлении, помиловал П. Тувье, одного из бывших руководителей милиции режима Виши, который помогал шефу гестапо К. Барбье в преследовании евреев. Помпиду хотел подвести черту под периодом, когда «французы не любили друг друга». В 1973-м появился французский перевод книги американского историка Р. Пакстона «Франция в период Виши», который еще в 1964 г. проследил историю коллаборационизма по документальным источникам.

Принятый в 1979-м (при Жискаре д'Эстене) закон позволил открывать архивы уже через 30 лет, и это резко активизировало историческое исследование режима Виши. Все больше свидетельств коллаборационизма и ответственности французов за депортацию евреев становилось достоянием общественности. В 1980 г. в Париже был основан Институт современной истории – первое научное учреждение во Франции по изучению новейшей истории. Основанные на архивных материалах работы А. Руссо «Синдром Виши: С 1944 года до наших дней» (1987) и Э. Конана «Виши: Прошлое, которое не проходит» (1994), а также открытые историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков способствовали широкому общественному одобрению судебных процессов против военных преступников. В юридическом и в гражданском плане эти процессы против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции имели огромное значение для политического просвещения и культуры памяти в стране.

Первым стал большой процесс против К. Барбье, одного из самых активных проводников политики национал-социализма в оккупированной Франции. В 1994-м помилованный президентом Помпиду Поль Тувье был приговорен французским судом к пожизненному заключению за участие в казнях евреев. Следующим в 1998 г. стал процесс против М. Папона, генерального секретаря префектуры Бордо, подписавшего приказы об аресте и депортации из этого региона более 1 600 евреев. После войны Папон скрывал свое прошлое и быстро продвигался на государственной службе. В 1958-м Де Голль назначил его префектом полиции Парижа, а в 1961-м вручил ему крест Почетного легиона. В том же году, пользуясь полномочиями префекта полиции, Папон разогнал на улицах Парижа демонстрацию сторонников алжирского освободительного движения, о котором стали открыто говорить только в 1980-х гг. В 1978-м Папон стал министром бюджета в либерально-консервативном правительстве Жискара д'Эстена. Политическая карьера Папона закончилась только в 1981-м с приходом к власти левого правительства. В том же году в Бордо начался первый процесс в связи с его участием в депортации евреев в 1942-1944 гг. В 1998-м он в конце концов был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах. Этот последний процесс имел особенно широкий общественный резонанс, докатившийся даже до школ. В 2006 г. Верховный суд обязал телеканал «Ис-

тория» («Histoire») показать наиболее существенные эпизоды процесса Папона. К тому времени на этом канале уже прошли две серии передач о процессах над Барбье и Тувье.

С 1970-х отношение общества к Холокосту стало меняться. Еврейские организации были все более активны, а депортированные в прошлом евреи начали открыто рассказывать о том, что они испытали в лагерях. Но вместе с этим нарастало и отрицание Холокоста, то есть существования газовых камер. 13 июля 1990 г. был принят «закон Гайсо» (Loi Gayssot), названный по фамилии предложившего его депутата-коммуниста, против расизма, антисемитизма и ксенофобии, который предусматривал наказание за отрицание преступлений против человечности, в частности геноцида в отношении евреев, во время Второй мировой войны. Закон Гайсо стал первым в ряду так называемых «законов памяти» (lois mémorielles = Erinnerungsgesetze), которые образовали ядро системы, называемой во Франции «политикой памяти» вместе с «долгом памяти» и «работой памяти» (travail de mémoire = Erinnerungsarbeit). 29 января 2001-го влиятельное армянское меньшинство добилось принятия закона, в соответствии с которым «Франция публично признала геноцид армян в 1915 г.» В октябре 2006-го парламент постановил, что отрицание геноцида армян должно влечь за собой такое же наказание, какое закон Гайсо предусматривает за отрицание геноцида евреев. Однако через сенат этот закон пока не прошел (дело тормозится из-за политических оглядок на Турцию). Еще один «закон памяти», так называемый закон Тобира (Loi Taubira — по имени депутата-социалиста от Французской Гвианы), принятый 21 мая 2001 г., признает рабство и работорговлю «преступлением против человечности».

Наряду со Второй мировой войной, важнейшей темой во французской исторической политике и политике памяти является война в Алжире (1954-1962). Ангажированные кинорежиссеры уже давно проинформировали французское общество о преступных страницах истории этой военной кампании, однако в официальном лексиконе словосочетание «война в Алжире» долгое время оставалось под запретом, так как оно затрагивало «честь Франции». Вместо этого говорили об «операциях французской армии в Алжире». О совершенных армией военных преступлениях и пытках французский официоз до недавнего времени не распространялся. Бывшая французская колония Алжир оставалась незаживающей раной не только для Франции, но и для алжирской стороны, которая ожидала жеста покаяния от бывшей метрополии¹. 23 февраля 2005-го был принят закон относительно роли Франции как бывшей колониальной державы, и не только применительно к Алжиру. Закон был внесен усилиями лобби ностальгирующих репатриантов и французов алжирского происхождения, то есть преимущественно переселенцев из Алжира. Статья 4 этого закона требует, чтобы на школьных уроках учителя истории подчеркивали «позитивную роль французского присутствия на заморских территориях и, в частности, в Северной Африке».

Эти «законы памяти» с самого начала вызвали противодействие французской общественности. С одной стороны, опасались, что многочисленные группы жертв и меньшинств, требуя реализации своих «прав» или исполнения «долга памяти», будут преследовать исключительно собственные узкие интересы. С другой стороны, существовала опасность, что законодатели будут выходить за рамки проблем, имеющих отношение к французской национальной истории и исторической идентичности (как это было в случае признания геноцида армян). Исходя из этого, историки выступили принципиально против вмешательства законодательной власти в сферу, где суждения могут выноситься лишь на основании результатов исторических исследований. Закон о позитивной роли Франции в качестве колониальной метрополии вызвал беспрецедентные протесты против «преподавания официальной истории». В них, кроме преподавателей истории и ученых-историков, приняли также участие многие известные люди, которые выступали против всех «законов памяти, не достойных демократического государства». В крупнейших ежедневных газетах, таких как *Le Monde* и *Libération*, публиковались петиции и призывы против юридического ограничения исторических исследований и против клятв в верности «историческому долгу». Созданное в 2005 г. объединение «За сво-

¹ Полное описание алжирской войны см.: *La guerre d'Algérie: 1954-2004, fin de l'amnésie* // В. Stora, М. Habit (Hg). P., 2004.

боду истории» (*Liberté pour l'histoire*) приняло обращение, в котором говорилось: «История не является объектом юриспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства, даже если она исходит из лучших побуждений, не является исторической политикой». Этот закон мог иметь и неприятные внешнеполитические последствия, так как его резко осудил президент Алжира А. Бутефлика в речи, посвященной 60-й годовщине резни в Сетифе, Гелме и Бужи, когда по вине колониальных властей погибло около 45 тыс. алжирских гражданских лиц.

Внутрифранцузские споры «о положительной роли колонизации» были весьма ожесточенными, потому что всего лишь за несколько недель до этого в пригородах больших городов молодые «французы» из семей иммигрантов жгли машины и общественные здания. Наконец, президент Ширак вынужден был вмешаться в «битву памяти» (*bataille des mémoires* = *Schlacht der Erinnerungen*) между гражданами, тоскующими по колонизации, и ассоциациями потомков рабов с Антильских островов и Гваделупы: «В Республике нет никакой официальной истории. История не пишется на основании закона. Писать историю – это дело историков». В конце 2005-го была создана парламентская комиссия по «оценке действий парламента в области памяти и истории», а годом позже проект закона о «Позитивном влиянии французского присутствия на заморских территориях» был отозван. Не в последнюю очередь новейшие исследование истории рабства и колонизации¹ способствовали тому, что Ширак объявил 10 мая Днем отмены рабства. Он заявил с пафосом: «Величие страны состоит в том, чтобы принимать всю свою историю целиком. С ее славными страницами, но также и с ее теневыми сторонами. Наша история – это история великой нации. Мы смотрим на нее с гордостью. И мы видим ее такой, какая она есть».

На этом фоне дебатов вокруг законов памяти и культуры памяти Н. Саркози в своей предвыборной кампании не прошел мимо политики памяти, используя французскую историю как неистощимый источник материала для утверждения национальной идентичности, и это стало одним из его главных лозунгов. Как соперник Ж. Ширака, он хотел преодолеть «самоотрицание» (*Selbstverleugnung*) и «тенденцию к систематическому раскаянию», восстановив ценность Сопrotивления: Францию нельзя упрекать в совиновности в преступлениях Второй мировой войны, в том числе и в соучастии в Холокосте.

Вскоре после своего вступления в должность в мае 2007 г. вновь избранный президент декретом предписал, чтобы ежегодно 22 октября во всех средних школах страны зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопrotивления Ги Моке, расстрелянного в 1941-м немецкими солдатами. Он должен был служить примером мужества и самоотверженного патриотизма для нынешней молодежи. В феврале 2008 г. Саркози предписал, чтобы каждый ученик французской начальной школы взял своего рода шефство над памятью одного из 11 тыс. депортированных во время Второй мировой войны еврейских детей: каждый ученик должен знать имя и биографию хотя бы одного ребенка, погибшего в Холокосте.

Это невиданное в Пятой республике вмешательство президента в школьные программы встретило жесткое сопротивление как преподавателей, так и ученых-историков. Они защищались от попыток навязать им сверху предписанную историографию и превратить ее в «политический инструмент». Однако звучали и другие голоса, например члена Французской академии историка М. Голло, который выступил в поддержку Саркози: «По истечении периода, начавшегося с речи Ж. Ширака 16 июля 1995 г. о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие... Мы не можем сохранять из этого времени только Виши и исключать Сопrotивление. Франция была также и нацией Сопrotивления». Саркози также впервые создал Министерство национальной идентичности и иммиграции.

Борьба против французских законов памяти вышла на общеевропейский уровень, когда в 2007-м на совещании министров европейских стран обсуждалось предложение о том, чтобы в каждой стране ЕС «публичное отрицание геноцида, преступлений против человечности и

¹ Régent F. *Esclavage, métissage, liberté, la Révolution française en Guadeloupe*. P., 2004; Idem. *La France et ses esclaves: De la colonisation aux abolitions: 1620—1848*. P., 2007.

военных преступлений, пренебрежительное отношение к ним или грубое их преуменьшение» наказывалось, как во Франции, «лишением свободы на срок от одного года до трех лет». Поскольку возникла реальная угроза того, что во всем Европейском союзе последнее слово об исторических фактах будет формулироваться в виде судебных приговоров, в октябре 2008 г. Пьер Нора от имени объединения «За свободу истории» опубликовал документ под названием «Воззвание из Блуа», который подписали многие видные европейские историки и который был напечатан во всех крупных западных газетах. В нем говорилось, что в свободном государстве политические власти не имеют права определять, что есть историческая правда, и что, безусловно, нельзя ограничивать свободу историков, угрожая им уголовным преследованием. Политики должны заботиться о коллективной памяти, но ни в коем случае не должны институционализировать ее от имени государства посредством правовых актов.

Конечно, у «Воззвания из Блуа» сразу же нашлись противники, которые упрекали историков в том, что они якобы присвоили себе исключительное право на историческую память. Однако недавно споры о «законах памяти» во Франции утихли. Своим постановлением президент Национального собрания Франции Б. Акуайе в ноябре 2008-го запретил впредь принимать законы, подобные уже принятым законам памяти, а вместо этого разрешил принимать резолюции, не имеющие юридических последствий. Если законы памяти в Пятой республике свидетельствуют об исключительно сильном политическом вмешательстве в культурное и историческое наследие, то «Воззвание из Блуа» доказывает, что история в плюралистском обществе может оспариваться и становиться событием политического значения. Оно подтверждает важную роль историков в развитии исторического сознания общества, их ответственность за преподавание в школах и за школьные учебники, а также за директивы Министерства по вопросам воспитания. Воззвание свидетельствует и о том, что европейские историки и интеллектуалы в состоянии тормозить историко-политические инициативы также и на европейском уровне. Остается лишь следить, в каком направлении будут в дальнейшем развиваться дебаты между политиками, членами самых разных организаций и историками на общеевропейском уровне.

Кратко обрисованные здесь различия исторической политики в Германии и Франции можно в значительной мере объяснить особенностями истории XX в. и различием политических культур двух стран. И все же возникает вопрос: в свете сопоставления глубинной предрасположенности обеих обществ к той или иной политике не является ли справедливым давнишнее суждение Марка Блока, согласно которому немцы «интенсивнее переживают свои коллективные воспоминания, нежели французы, которые издавна склонны руководствоваться здравым смыслом».

М.А. Шимина, д.соц.н. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород)
Менталитет как социологическая категория

О менталитете говорят и в научных, и в политических, и в журналистских кругах. При этом большинство исследователей, не являющихся социологами, полагают, что феномен ментальности должен быть объектом социологического анализа. Однако, за редким исключением, социологи обходят это понятие стороной, используя более удобные для операционализации понятия. Цель этого теоретического дискурса состоит в том, чтобы определить пути интериоризации понятия «менталитет» в структуру социологического знания.

Понятие «менталитет» относится к заимствованным категориям, перенесенным в наше обществоведение из зарубежной социологии. Его освоение и распространение можно оценить как составную часть вестернизации нашей науки и публицистики. Термин «менталитет» берёт свое начало от позднелатинского слова *mens, mentis* – «сознание, мышление, ум, рассудок», в чем можно удостовериться, заглянув в любой словарь латинского языка. Уже в этой многозначности изначально заложена возможность самого широкого толкования и применения этого слова. Оно активно употребляется в большинстве европейских языков и повсюду звучит примерно одинаково. Так, в немецком «*die Mentalität*» – это образ мысли,

склад ума, в английском «mentality» умственное развитие, склад ума, умонастроение, во французском «mentalité» – направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума и т.д. Из этого многообразия важно отметить изначальную этимологическую привязанность понятия к человеческому сознанию, мышлению, умственной деятельности.

В английском научном языке термин «менталитет» употребляется с середины XIX в., в немецкой научной терминологии – со второй его половины, во Франции его использовал еще М. Пруст. Первенство в применении и изучении термина «менталитет» принадлежит французским ученым. В 1930-е гг. группа историков под руководством М. Блока и Л. Февра создали школу, получившую название «Анналов». Так назывался журнал, в котором они печатали свои исследования по менталитету, стремясь сориентировать историческую науку на то, чтобы свернуть с пути исследования объективных социально-экономических процессов на анализ структур духовной жизни. Менталитет для них – центральный узел или своеобразный стержень исторического процесса. С того времени и до наших дней слово «менталитет» стало связываться со школой «Анналов» во Франции, Англии, США и в других странах. Для ученых школы «Анналов» менталитет – это своеобразные установки сознания. Менталитет, по их мнению, включает в себя базовые понятия и представления о человеке, обществе, природе и Боге. Но главное, что все эти понятия и представления не подвергнуты логической систематизации, не пропущены через логическое осмысление. Они связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием. Они регулируют поведение человека, а не его мысль. Французские ученые рассуждают следующим образом: при помощи мышления, сознания человек познает мир. Менталитет – это манера понимания мира, истолкование мира, а не его познание. Для создания «модели мира», истолковывания его, понимания его сути, человек использует «неотрефлексированные» впечатления, совокупность представлений и образов – это и есть менталитет. Значит, мышление – это познание мира, а менталитет – это манера мышления человека, его склад ума, его особенность, своеобразие его как личности. Так раскрывают сущность менталитета французские исследователи¹.

Менталитет – осмысление мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством. В «Большом энциклопедическом словаре Ларусса» менталитет определяется как «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности или группы... Это совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад мышления»². Таким образом, речь идет не столько о системном характере менталитета, а сколько о некоей, включенной в это понятие совокупности различных явлений духовной жизни.

В Германии в 1993 г. предприняли попытку дать развёрнутое толкование понятия «менталитет». Была издана фундаментальная обобщающая работа более чем тридцати авторов под общей редакцией профессора П. Динцельбахера «Европейская история менталитета». Авторы осуществили всесторонний обзор проблем, входящих, по их мнению, в содержание европейского менталитета, сведя его к следующим основным моментам: индивидуум-семья-общество; сексуальность-любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость; счастье и страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежда; общение; чужое и собственное; власть, право; природа и окружающий мир; пространство; время и история³. Приведённый перечень проблем дает представление не только о богатстве содержания ментального феномена, но и свидетельствует о так и не устоявшихся представлениях о его сущности. Иными словами, каждый из исследователей наполняет термин тем содержанием, которое кажется ему более значимым и удобным. Так, американский ученый Д. Филд указывает, что менталитет коренится в материальной жизни и широко распро-

¹ Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сборник статей /Отв. ред. Л.Н. Пушкарёв. М., 1996. С.4.

² Там же. С.6

³ История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С.97-98.

странен в значительной части населения. Он оказывает непосредственное влияние на экономические, политические и социальные отношения. По его мнению, «менталитет молчалив: он проявляется скорее в деятельности, чем в речи или в явном представлении»¹.

В нашей же научной литературе существует большое разноречие в том, что должно вкладываться в понятие «менталитет». Для отечественных исследователей характерно понимание менталитета в основном как общественного явления, обладающего качествами, свойственными той или иной нации, и, тем самым, определяющего ее лицо. Что касается российской истории и ее ментального содержания, то можно сослаться на исторические портреты В.О. Ключевского, написанные по принципу «Личность в контексте эпохи». В своих исследованиях характера россиян Ключевский учитывал географический фактор, природную среду, материальные и социальные условия жизни. По его мнению, если речь идет о конкретном человеке, то имеет значение вся совокупность окружающих его обстоятельств, формирующих характер поведения от рождения до последних дней².

Другой русский историк, С.М. Соловьев, критиковал отечественную интеллигенцию за недостаточное внимание к изучению умонастроения низшего класса, и поэтому она оказалась не способной правильно оценить отношение крестьянства к свободе, дарованной реформой 1861 г.³ Проблема менталитета российского крестьянства и крестьянского сообщества – общины хорошо отражена в материалах международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России», изданных в 1996 г. Развернутое определение менталитета попытался дать Г. Бутуль в монографии «Менталитет», изданной в 1952 г. Он пишет: «Менталитет – это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... наш менталитет находится между нами и миром как призма»⁴. Очевидно, что Г. Бутуль пытается связать понятие «менталитет» не с подсознанием, а с верой. Он определяет место менталитета между миром и субъектом, воспринимающим этот мир как бы через призму.

Таким образом, менталитет, по мнению Г. Бутуля, – это манера восприятия мира. В словаре Ожегова слово «менталитет» называется «книжным» и определяется как «мировосприятие, умонастроение»⁵. Такое определение менталитета, хотя и иллюстрируется примером «менталитет русского народа», совершенно недостаточно. И дело здесь не столько в изначальном смысле слова, сколько в сути отражаемых в нем явлений. По мнению Е.А. Ануфриева и Л.В. Лесной, больше правы те, кто обращает внимание на то, что менталитет, не имея четко выраженной логической формы, обладает определенной системностью, отличается как от правосознания, так и от верования. Это скорее совокупность образов и представлений, которыми руководствуется человек или группа людей. Скорее всего, менталитет лежит между двумя формами познания: рациональным и религиозным, взаимодействуя как с первым, так и со вторым⁶. Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная сформулировали следующее понятие: менталитет – это обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), сложившееся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-политических и культурных условий проживания на субъект менталитета, возникающее на основе органической связи прошлого с настоящим. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой совокупность социально-политических качеств и черт, их органическую целостность (менталитет россиян, немцев, французов, украинцев, белорусов, чеченцев, сербов и т.д.), определяющую многие стороны

¹ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С.8.

² Ключевский В.О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. М., 1991.

³ Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.

⁴ Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сборник статей / Отв. ред. Л.Н. Пушкарёв. М., 1996. С.5.

⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С.358.

⁶ Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен. // Социально-политический журнал. 1997, № 3. С.24.

жизнедеятельности данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, в специфике общественных отношений, социальных и политических институтах.

Можно отметить имеющиеся примеры применения менталитета в работах о будущем российского образования. Этому посвящена значительная часть книги Б.С. Гершунского «Философия образования для XXI века». Свою образовательную концепцию автор строит на основе широкого понимания менталитета, обосновывая его роль в системе ценностей и целей российского образования XXI века. Б.С. Гершунский обосновывает необходимость социологических исследований индивидуальных и групповых характеристик ментальности, указывая в то же время на методологические трудности в исследованиях ментальности социума, находящего свое материальное воплощение в культуре. «По существу, менталитет социума – производная от широко понимаемой культуры, хотя и сам менталитет порождает и изменяет культуру»¹. Л.Н. Пушкарёв и ряд исследователей находят, что более полно и точно (но не абсолютно, конечно) передать смысл слова «менталитет» можно с помощью термина «духовный мир», давно уже используемого в научной литературе². Ведь духовный мир – это своеобразный итог, результат духовной деятельности человека. Менталитет также постоянно действующее активное начало в деятельности человека, это своеобразный фермент, не только стимулирующий эту деятельность, но и нередко определяющий поведение человека и его отношение к окружающему миру.

По убеждению В.К. Трофимова, столь популярный сегодня в научных изданиях термин «менталитет» по своей сути есть фактически не что иное, как более современный научный эквивалент категории «социальный характер», а слову «национальный характер» соответствует понятие «национальный менталитет». «Национальный менталитет – это глубинная суть национального характера, в которой выражены самые важные внутренние сущностные качества национального характера»³. По мнению В.К. Трофимова, на уровне сущности национальный менталитет включает в себя устойчивые внутренние, глубинные, нередко потаенные коллективные представления, ценности, мыслительные и эмоциональные конструкции, свойственные тому или иному народу, а на уровне явления он предстает как внешнее обнаружение внутренних ментальных свойств народа в специфике организации социальной и политической жизни, а также в опредмеченных продуктах материальной и духовной культуры народов, несущих национальную окраску⁴. Совершенно очевидно, что в наше время понятие «менталитет» связано с особенностями общественной жизни, с теми путями, которыми предстоит идти России. Если она выберет западный путь, то положительное отношение к российской традиции, истории, менталитету вряд ли будет способствовать этому процессу. И наоборот, признание менталитета в качестве основной характеристики российского социума обращает нас к истории, традициям народа, к патриотизму. Эта мысль отчетливо прослеживается в книге А.С. Панарина «Искушение глобализмом». «Сегодня, – пишет А.С. Панарин, – когда «либеральные» теоретики-публицисты рассуждают о тоталитаризме, они делают упор на «туземные» корни – на традиции русской общины, на причуды неисправимого национального менталитета, словом – на особенности природы русского человека»⁵. Понятие менталитета близко по своему смыслу к таким терминам, как архетип, мировоззрение, ценностная ориентация, идеология⁶. Однако менталитет, несмотря на такую близость, не сводится ни к одному из них и не исчерпывается даже их совокупностью. Сравнивая менталитет и архетип, можно увидеть, что общим у них является то, что они означают собой групповые представления людей, их своеобразную память и по своему содержанию «погружены» в бессознательный слой души человека. Однако между этими феноменами существует и глу-

¹ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М., 1998. С.133.

² Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С.164.

³ Трофимов В.К. Менталитет русской нации: Учебное пособие. Ижевск, 2004. С.60.

⁴ Там же. С.70.

⁵ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. С.119.

⁶ Веремьев А.А. Введение в культурологию: Учебное пособие. Брянск, 2000. С.48.

бкое различие, которое связано с тем, что если архетипы, как их понимал К. Юнг, это неизменные образы мира, унаследованные людьми от своих предков, и одинаковые у всех индивидов и социальных групп человечества, то менталитет более динамичен и имеет дифференцированный характер, поскольку различные социальные общности обладают неодинаковым менталитетом. Тем не менее, несмотря на столь существенное различие, содержание архетипа и менталитета во многом совпадает, поэтому в ряде случаев национальный менталитет исследуется через призму национальных архетипов¹.

Менталитет, как специфическая форма коллективного сознания, влияет на оценку событий, и в этом обнаруживается его связь с ценностными ориентациями и мировоззрением. Но, в отличие от последних, он обладает более синкретическим характером, ибо менталитет шире по объему, а его основу составляют не рациональные, а бессознательные структуры². Менталитет, как и идеология, связан с интересами определенных социальных групп и во многом влияет на поведение личности. Однако если в идеологии социальная общность осознает свои интересы и может формулировать их в виде теоретических конструкций, то менталитет восходит к бессознательному слою душевной жизни и не может быть до конца выражен в рационально-теоретической форме. Таким образом, можно сделать вывод, что ни у зарубежных, ни у отечественных ученых до сих пор нет единого определения понятия «менталитет». Каждый исследователь употребляет его в том виде и смысле, который кажется ему наиболее приемлемым и удобным. По нашему мнению, понятие «менталитет» по отношению к народу приближается по смыслу к понятиям «национальный характер», «народный дух». В широком смысле, менталитет – это вся духовная оснащенность человека и общества, их традиции, ритуалы и т.д. При этом обычно менталитет молчалив и проявляется скорее в повседневной будничной деятельности людей, а не в их речи или каких-либо ясных представлениях. Удивительно то, что менталитет больше относят к этносу, а не к другим социальным общностям. И он так же трудно поддается определению, как и этнос. На трудности определения этноса обращал внимание еще Л.Н. Гумилев, полагая, что этнос скорее дан в ощущениях, нежели в понятиях³. Вместе с тем границы явления едва уловимы в пространстве между индивидом и коллективом, между бессознательным и сознательным⁴. В силу этого можно предположить, что речь идет о холистических свойствах, которые нельзя разложить на атомы-признаки (любой такой признак может и не относиться к ментальности). Иногда говорят об эмерджентных свойствах, которые являются сверхчувственными, но в то же время не поддаются рациональной логической обработке. Стало быть, открываются перспективы для феноменологии, герменевтики и идиографических методов в целом, с помощью которых возможна расшифровка феномена ментальности. Среди известных конструктов, которые могли бы приблизить эту расшифровку, можно было бы назвать «ноэсис» – понятие, разработанное Э. Гуссерлем. Понятие описывает поток переживаний вне контекста отношения к самим переживаниям. Проще говоря, речь идет о жизненном опыте человека, который не подвергся рефлексии. Думается, что менталитет попадает как раз в структуру неотрефлексированного человеческого опыта, существуя как один из смыслообразующих факторов опыта. Так же как и этнос, он попадает в диспозицию «мы – они», являясь объединяющим началом индивидов, которые полагают себя «своими» по отношению к другим. В таком случае возможно присвоение термина со стороны социологов, но социологов, работающих в рамках феноменологической парадигмы. Для обнаружения холистических структур ментальности необходимо погрузиться в пучину повседневности и обратиться к арсеналу понимающей социологии. Другого пути, на наш взгляд, нет.

¹ Культурология. Учебное пособие для студентов вузов / Науч. ред. Г.В. Драч. Ростов н/Д., 1995. С.395-411.

² Веремьев А.А. Введение в культурологию: Учебное пособие. Брянск, 2000. С.48.

³ Гумилев Л.Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С.48.

⁴ Малахов В.С., Филатов В.С. Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С.176.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Айвазян А.А.</i>	
Методология гражданственности и гражданское самосознание	8
<i>Айвазян А.А., Ольховиков К.М.</i>	
Представления о гражданственности и экстремизме: общее и особенное	18
<i>Андреева Ю., Омельченко Е.Л.</i>	
В лабиринтах нового молодежного патриотизма	26
<i>Андреева Е.В.</i>	
Трансляция культурной памяти и сохранение национального самосознания	28
<i>Афанасьева А.И., Меркушин В.И.</i>	
Историческая память россиян о Великой Отечественной войне	32
<i>Балабанов С.С., Саралиева З.Х.</i>	
Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход	42
<i>Бодалев А.А.</i>	
Феномен нравственности и гражданственности	48
<i>Бойков А.М.</i>	
Русский национализм: этносоциальные истоки, виды и причины роста	52
<i>Бойков В.Э.</i>	
Состояние и проблемы формирования исторической памяти россиян	54
<i>Вершинин С.Е.</i>	
Неодновременность образа Родины	60
<i>Вишневский Ю.Р., Ружа В.А.</i>	
Семантическое пространство понятия «патриотизм» в массовом сознании	67
<i>Вишневский Ю.Р., Ружа В.А.</i>	
Историческая память и память о войне в общественном сознании	87
<i>Вишневский Ю.Р., Ружа В.А.</i>	
Представления российских студентов о Великой Отечественной войне:	
5 лет спустя	93
<i>Гаврилюк В.В., Маленков В.В.</i>	
Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи	99
<i>Грошев И.Л., Грошева И.А.</i>	
Трансформация идей патриотизма в молодежной среде: системный анализ	106
<i>Гуськов Д.В.</i>	
Патриотизм в противостоянии национальному экстремизму	129
<i>Дебердеева Т.Х.</i>	
Гражданственность и патриотизм как национальная идея современности	133
<i>Дёмин П.С.</i>	
Проблемы патриотического воспитания военнослужащих	137
<i>Дробижеева Л. М.</i>	
Гражданская интеграция в полиэтническом российском обществе	140
<i>Дубин Б.В.</i>	
Координата будущего в общественном мнении	147
<i>Дубровская Т.А., Макаров В.Е.</i>	
Патриотизм как фактор Победы, безопасности и устойчивого развития России	154
<i>Ермоченко С.Н.</i>	
Генезис патриотизма в контексте российской воинской культуры	156
<i>Ефанова О.А., Лаврухина Е.А.</i>	
Что знают, как оценивают и относятся россияне к Великой Отечественной войне?	
Историческая память россиян и её доминанты: знания, оценки и отношение	162
<i>Ешев М.А.</i>	
Ориентационно-ценностная роль патриотизма для студенческой молодежи	171

<i>Зарецкий Ю.П.</i>	
Историческая память и национальная идентичность.....	181
<i>Зырянов С.Г., Терещук Е.В.</i>	
Студенты о Великой отечественной войне в контексте семейной традиции.....	187
<i>Иванов В.Н.</i>	
Великая Победа и проблемы безопасности.....	193
<i>Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.</i>	
Актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи.....	199
<i>Иконникова С.Н.,</i>	
Историческая память как духовный ресурс цивилизации.....	203
<i>Исмагамбетов Т.</i>	
Историческая память и казахстанский патриотизм	205
<i>Клочко Ю.Н., Клочко А.Ю.</i>	
Патриотизм и национальная общность (социально-философский анализ).....	207
<i>Козлов А.А.</i>	
Формирование патриотизма и гражданственности современной российской молодежи: теоретико-методологический и историко-социологический подходы...211	
<i>Колябина Т.С.</i>	
Социальная идентичность – патриотизм и гражданственность.....	239
<i>Кузнецов В.Н.</i>	
Смысл Великой Победы.....	246
<i>Кузнецова А.В.</i>	
Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества.....	252
<i>Кузьмин Н.Н.</i>	
Историческая память в различных типах обществ.....	264
<i>Ластовский А</i>	
Между советским прошлым и национальной перспективой: особенности исторической памяти жителей современной Беларуси.....	271
<i>Левашов В.К.</i>	
Патриотизм и становление гражданского общества.....	284
<i>Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новоженина О.П.</i>	
Гражданское общество в России: устойчивость и потенциал.....	297
<i>Лесняк В.И.</i>	
Структура и сущность патриотизма и патриотического воспитания в новых социально-экономических условиях.....	298
<i>Лобова Е.В.</i>	
Патриотические установки студентов вузов.....	303
<i>Лутовинов В.И.</i>	
Концептуальный анализ российского патриотизма.....	306
<i>Малинкин А.Н.</i>	
Понятие патриотизма: эссе по социологии знания.....	310
<i>Мартынов М.Ю.</i>	
К вопросу о понятиях «национализм» и «патриотизм».....	332
<i>Нора П.</i>	
Расстройство исторической идентичности.....	335
<i>Павлюченкова Ю.А.</i>	
Формирование гражданского сознания российской молодежи на современном этапе.....	339
<i>Пель В.С., Хлебалин А.В., Чельцов М.В.,</i>	
Гражданственность, демократизм и патриотизм молодежи: социологический анализ.....	343

Пискунова Т.В.

**Модификации ценностного содержания патриотизма в сознании
российской молодежи.....346**

Покида А.Н.

Специфика патриотических чувств россиян.....353

Пржиленская И.Б.

Великая Победа – глазами студенчества Ставропольского края.....358

Пронина Е.И., Тобенгауз П.М.

**Образовательные учреждения – социальное пространство формирования
гражданственности и патриотизма.....363**

Ретина Л.П.

Историческое сознание и историческая память.....373

Рождественская Е.Ю.

Историческая память и политики меморизации.....384

Романовский Н.В.

Историческая социология в структуре социологического знания.....394

Сентюрин Ю.П.

«Патриотизм» как историческое понятие и его политические характеристики.....403

Сенявская Е.С., Сенявский А.С.

Образ прошлого в контексте современной геополитики:

Вторая мировая война и историческая память.....407

Соколов В.М.,

Патриотизм – суть российского менталитета.....419

Состоялось ли гражданское общество в России.....423

Тавокин Е.П. Табатадзе И.А.

К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне.....429

Тощенко Ж.Т.

Историческое сознание и историческая память.

Анализ современного состояния.....433

Трынов Д.В.

Место исторической памяти в системе гражданской культуры.....444

Фан И.Б.

Патриотизм и гражданственность без гражданина

Размышления по поводу патриотического дискурса в России.....449

Федоров В.

**Патриотизм у россиян – в прошлом. Новый русский патриотизм: национальный,
государственнический или гражданский?.....457**

Цылев В.Р., Мулина Т.В.

Патриотизм молодых мурманчан: многообразие феномена.....461

Чивильдеев А.П.

Формирование патриотической культуры в военном вузе:

социокультурная специфика.....468

Шеррер Ю.

**Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого,
историческая политика, политика памяти.....474**

Шимица М.А.

Менталитет как социологическая категория.....488

